

ISSN 2227-1538
eISSN 2307-4590

Цифровизация политики и голосования

А.В. Соколов, Е.Д. Гребенко

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ
В РОССИИ КАК СПОСОБА КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ
И ГРАЖДАН

И.В. Юрченко

КОНФЛИКТНЫЙ И ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РФ

О.Г. Щенина

ТОПОЛОГИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Л.Я. Прокопенко

ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ АФРИКИ
В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ
(РЕСПУБЛИКА ЗАМБИЯ)

<p>Главный редактор</p> <p>ШУМИЛОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук, доцент</p> <p>Зам. главного редактора</p> <p>СКОВИКОВ Алексей Константинович кандидат политических наук, доцент</p> <p>Ответственный секретарь</p> <p>НИКИФОРОВА Ирина Владимировна</p> <p>Перевод</p> <p>ОРЛОВА Елена Геннадьевна</p> <p>Учредитель / Издатель</p> <p>НИИ общественных и политических наук</p>	<p style="text-align: right;">18+</p> <p>Научная редакция</p> <p>ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич кандидат философских наук, доцент</p> <p>ЗЛАТАНОВ Благой Георгиев кандидат философских наук, доцент</p> <p>КАСИМОВ Евгений Витальевич кандидат исторических наук, доцент</p> <p>АРУТЮНОВ Антон Георгиевич научный сотрудник</p>
<p>Председатель Редакционной коллегии</p> <p>СОКОЛОВ Александр Владимирович доктор политических наук</p> <p>Редакционная коллегия</p> <p>АЛЕКСЕЕВ С.В. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань)</p> <p>БОРЩЕВСКИЙ Г.А. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>БРОННИКОВ И.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно)</p> <p>ГАДЖИЕВ Х.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ИЛЬМЯРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин)</p> <p>КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван)</p> <p>КОЗЛОВА Н.Н. – доктор политических наук, профессор (Тверь)</p> <p>КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)</p> <p>ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва), доктор политики, PhD (Манчестер)</p> <p>ЛЕОНТЬЕВА О.В. – кандидат политических наук, доцент (Тирасполь)</p>	<p>МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)</p> <p>НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы)</p> <p>ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва)</p> <p>ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага)</p> <p>СЕРГЕВНИН В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб)</p> <p>СКИПЕРСКИХ А.В. – доктор политических наук, профессор (Елец)</p> <p>СОКОЛОВ А.В. – доктор политических наук, доцент (Ярославль)</p> <p>ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва)</p> <p>ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул)</p> <p>ШИРОКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)</p> <p>ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор, (Симферополь)</p>

<p>Editor in Chief</p> <p>SHUMILOV Andrei</p> <p>Executive Secretary</p> <p>NIKIFOROVA Irina</p> <p>Translate</p> <p>ORLOVA Elena</p> <p>Design</p> <p>PAVLUNIN Dmitriy</p>	<p>Deputy Editor</p> <p>SKOVIKOV Alexey</p> <p>Editors</p> <p>EFREMOV Oleg</p> <p>ZLATANOV Blagoy</p> <p>KASIMOV Evgeniy</p> <p>ARUTYUNOV Anton</p> <p>Publisher</p> <p>Institute of Social and Political Sciences</p>
<p>Chairman of the Editorial board</p> <p>SOKOLOV Aleksander Prof.</p> <p>Editorial Board</p> <p>ALEKSEEV S. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>BOLSHAKOV A. Prof. (Kazan)</p> <p>BORSHCHEVSKY G. Prof. (Moscow)</p> <p>BRONNIKOV I. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>VATYL V. Prof. (Grodno)</p> <p>GADZHIEV Kh. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>GRISHIN O. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>ILMJARV M. PhD (Tallinn)</p> <p>HORINA G. Prof. (Moscow)</p> <p>KAPITSYN V. Prof. (Moscow)</p> <p>KERYAN G. Prof. (Yerevan)</p> <p>KOZLOVA N. Prof. (Tver)</p> <p>KURILLA I. Prof. (Saint-Petersburg)</p> <p>LEONTEVA O. Assoc. Prof. (Tiraspol)</p>	<p>LEDYAEV V. Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow)</p> <p>MINEEVA E. Prof. (Cheboksary)</p> <p>NASIMOVA G. Prof. (Almaty)</p> <p>OMELCHENKO N. Prof. (Moscow)</p> <p>PASTUHOVA L. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>PROROK V. PhD (Prague)</p> <p>SERGEVNIN V. Prof. (Macomb)</p> <p>SKIPERSKIH A. Prof. (Yelets)</p> <p>SHIROKOV O. Prof. (Cheboksary)</p> <p>SOKOLOV A. Assoc. Prof. (Yaroslavl)</p> <p>TUROVSKY R. Prof. (Moscow)</p> <p>CHERNYSHOV Y. Prof. (Barnaul)</p> <p>YURCHENKO S. Prof. (Simferopol)</p>

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ И ГОЛОСОВАНИЯ

А.В. Соколов, Е.Д. Гребенко

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ В РОССИИ КАК СПОСОБА КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И ГРАЖДАН

6

И.В. Юрченко

КОНФЛИКТНЫЙ И ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РФ:
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ

24

О.Г. Щенина

ТОПОЛОГИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

35

И.М. Виноградова

ТЕХНОЛОГИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ
В РОССИИ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

51

В.И. Федоров

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ
ВЫБОРАХ В ШВЕЙЦАРИИ В 2023 ГОДУ

77

Л.Я. Прокопенко

ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ АФРИКИ
В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ (РЕСПУБЛИКА ЗАМБИЯ)

93

Ю.М. Шаев

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ И ГЕНДЕРНЫЕ ОБРАЗЫ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ:
МЕЖДУ СУБЛИМАЦИЕЙ И СОЗЕРЦАТЕЛЬНОСТЬЮ

117

СТАТЬИ

А.Е. Чирикова

МОЖЕТ ЛИ ГУБЕРНАТОР ИЗМЕНИТЬ СИТУАЦИЮ В РЕГИОНЕ К ЛУЧШЕМУ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

128

О.А. Коряковцева

РОССИЯ XXI ВЕКА: ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

151

С.В. Демиденко, М.С. Гамалей

INSIDE OUT: О ВЛИЯНИИ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ФАКТОРОВ
НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИВИЙСКОГО КРИЗИСА

165

А.А. Власова, Г.Л. Шаматонova

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ НЕПРЕРЫВНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

183

Наши авторы

195

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ТЕМА НОМЕРА

**А.В. Соколов,
Е.Д. Гребенко**

**A. Sokolov,
E. Grebenko**

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ В РОССИИ КАК СПОСОБА КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И ГРАЖДАН

CREATION AND DEVELOPMENT OF DIGITAL ECOSYSTEMS IN RUSSIA AS A WAY OF COMMUNICATION BETWEEN GOVERNMENT AND CITIZENS

Аннотация

В работе представлен результат анализа кейсов, описывающих опыт реализации цифровых экосистем в России и за рубежом. Данные цифровые экосистемы созданы для модернизации и трансформации существующих механизмов коммуникации между властью и обществом. В статье раскрыты теоретические подходы к определению понятия «цифровой экосистемы» через современные процессы цифровизации и цифровой трансформации. Важной особенностью цифровых экосистем остается их развитие из бизнес-среды, что оставляет отпечаток на их особенностях и функционировании в общественно-политическом пространстве.

Целью статьи является выявление особенностей созданных экосистем, чей функционал затрагивает сферу политического пространства. Эмпирический материал – ключевые характеристики 15 российских и 5 зарубежных экосистем. Их анализ осуществлялся по 6 критериям: продолжительность функционирования; территориальный охват; цель создания, целевая аудитория и участники; системы аутентификации; имеющиеся каналы взаимодействия; стилистика.

Анализ цифровых экосистем посредством метода case-study позволил сделать вывод, что современные цифровые экосистемы в России, реализованные,

Abstract

This paper presents the result of an analysis of cases describing the experience of implementing digital ecosystems in Russia and abroad. These digital ecosystems have been created to modernize and transform existing communication mechanisms between government and society. The article reveals theoretical approaches to the definition of the concept of "digital ecosystem" through modern processes of digitalization and digital transformation. An important feature of digital ecosystems remains their origin from the business environment, which leaves an imprint on their features and functioning in the socio-political space.

The purpose of the article is to identify the features of the created ecosystems, whose functionality affects the sphere of political space. Empirical material – key characteristics of 15 Russian and 5 foreign ecosystems. Their analysis was carried out according to 6 criteria: duration of operation; territorial coverage; purpose of creation, target audience and participants; authentication systems; available channels of interaction; style.

The analysis of digital ecosystems using the case-study method allowed us to conclude that modern digital ecosystems in Russia, implemented mainly for communication between government and society. They were introduced in stages, taking into account the experience of previous

главным образом, для коммуникации между властью и обществом. Они вводились поэтапно, учитывая опыт предыдущих аналогов, что говорит о желании разработчиков использовать наработки коллег для эффективного функционирования своих разработок. Российские цифровые экосистемы реализованы на муниципальном, региональном и федеральном уровнях. Основной целью внедрения цифровых экосистем становится автоматизация внутренних процессов органов власти, оцифровка управленческой документации и вместе с этим повышение эффективности взаимодействия с населением, в том числе, для реализации концепции открытого правительства. Цифровые экосистемы также направлены на формирование площадок для реализации делиберативной демократии и совместного принятия общественно-политических решений. Реже они создаются для достижения «узких» отраслевых целей, тем не менее сохраняя общую особенность цифровых экосистем, подразумевающую доступ пользователей к широкому сегменту услуг, предоставляемых цифровыми экосистемами.

Ключевые слова:

цифровая экосистема, цифровая платформа, цифровизация, цифровая трансформация, общественно-политический дискурс, case-study.

Key words:

digitalization, civic participation, social institutions, anthropological factors, digital competencies, transformation of political and administrative institutions, digital independence.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-01517. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-01517>

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-6-23>

В связи с бурным развитием технологий появляются новые способы управления информационными данными. Благодаря цифровизации большинство социальных процессов обретает системный, гибкий характер. Данный процесс влияет и общественно-политическую жизнь. Трансформация государственных услуг и взаимодействия власти с гражданами в электронный формат предоставляет большие возможности для оптимизации политических процессов и создания новых средств коммуникации. Однако, традиционные институты и политическое управление не в полной мере эффектив-

но адаптируются к технологическим изменениям [3]. Поэтому, внедрение цифровых экосистем в общественно-политическую сферу является необходимым условием эффективного развития государственного управления.

Цифровая трансформация хозяйственной жизни проявляется в переходе на электронный документооборот, во внедрении автоматизированных систем управления, в осуществлении виртуального обмена и расчётов, в создании цифровых двойников и виртуальных кабинетов, в делегировании полномочий искусственному интеллекту, в масштабировании рутинных задач (например, рассылки и смс-оповещения), в генерации цифровых рынков и в появлении новых сообществ, образующихся по признаку принадлежности к конкретному потребительскому сегменту [10]. В целях обеспечения национальной безопасности и интересов государства и общества важно установить чёткие границы развития и внедрения цифровых экосистем. Формируемая в настоящее время система нормативно-правового обеспечения функционирования цифровых экосистем должна быть, с одной стороны, гибкой, разрешительной в вопросах саморегулирования экосистем, с другой - превентивной, поскольку объем рисков (экономических, политических, технологических, социальных), с учётом стремительно развивающейся цифровой экономики, является существенным [1].

Одной из основополагающих тенденций в современном общественно-политическом процессе является внедрение цифровых экосистем. Особенно актуальным становится использование информационно-коммуникационных технологий в сфере административно-государственного управления, реализации проектов экономического развития и предоставления востребованных гражданами социальных услуг [11].

Часто цифровые экосистемы рассматриваются как производная взаимоотношений экономических субъектов. Так, зарубежные авторы дают определение цифровых экосистем в бизнес-структурах, основываясь на том, что они являются социально-технической сетью цифровых платформ, процессов, отдельных лиц и организаций из разных отраслей, которые коллективно создают ценность [17]. Данные платформы предлагают участникам возможности для разработки индивидуальных инноваций, которые служат вкладом в совместное создание ценности. В основе цифровых бизнес-экосистем лежат сложные взаимозависимости между такими объектами, как технологические платформы, коммуникационные процессы отдельных лиц и организаций. Их совместная деятельность позволяет формировать новые коллективные цен-

ности, обеспечивающие устойчивость и эффективность всей экосистемы [19]. Отечественными авторами, цифровая экосистема характеризуется как среда, реализуемая в качестве специальной платформы, обеспечивающей удобное взаимодействие заинтересованных сторон (людей, организаций) [6]. При этом цифровые экосистемы рассматриваются и как взаимосвязанные группы субъектов, совместно использующих цифровые платформы для получения взаимовыгодных целей [12]. Доминировавший до последнего времени подход делал акцент на традиционных бизнес-экосистемах.

В своей работе М. Янсита и Р. Левиен демонстрируют причины успеха ведущих корпораций (в том числе, Walmart и Microsoft). Они указывают, что значительную роль играли созданные ими бизнес-экосистемы, соединяющие множество различных участников экономического взаимодействия, тем самым формируя дополнительную ценность для каждого из них и повышая конкурентные преимущества перед конкурентами [14].

Большое внимание в современных исследованиях уделяется именно изучению отдельных цифровых платформ как базового элемента цифровой экосистемы. Исследование специфики цифровых технологий позволяет говорить о том, что особенность зарождения платформенной экономики характеризуется фокусом на стремительное привлечение участников взаимодействия.

Цифровые экосистемы имеют определённую структуру, они состоят из цифровой среды, включающей в себя информационно-техническую инфраструктуру; участников взаимодействия; системы связей между участниками; вовлеченности участников; идей и ценностей, в том числе, относительно цифровых технологий; цифровой продуктивности и адекватности (внедрение цифровых решений, используемых участниками для поддержания экосистемы) [8].

К основным функциям цифровых экосистем в общественно-политическом процессе можно отнести преобразование способов взаимодействия государственных институтов с гражданами и организациями, а также создание новых возможностей при оказании государственных и социально значимых услуг [13].

Среди явных преимуществ создания и использования цифровых экосистем выделяется их потенциал в скорости принятия решений и возможности реализации современно цифрового лидерства [5]. Отмечается также, что цифровые экосистемы позволяют проводить масштабирование с большой

скоростью, базируясь на их гибкости и устойчивости. Сама же цифровая экосистема направлена на удовлетворение потребностей потребителей, которые не всегда можно предсказать, однако, за счет своей адаптируемости система подстраивается к любым изменениям, что является ее неоспоримым преимуществом [7]. При этом отмечается, что нередко наблюдается «чрезмерный технологический оптимизм», сопровождаемым ограничением политических возможностей новых технологий, формированием непреднамеренного цифрового авторитаризма [18].

В связи с этим, целесообразно отметить недостатки, выявляющиеся в процессе функционирования цифровых экосистем. Например, несмотря на значительный прогресс во внедрении онлайн-голосовании и в предложении сервисов, которые расширяют возможности участия граждан в процессе принятия решений, в последнее время все больше актуализируется вопрос о проблемах их надёжности и сохранения конфиденциальности [9]. Значимыми угрозами также являются: манипуляции с персональными данными, нарушение приватности, злонамеренные действия в узкогрупповых политических целях, нарушение принципов морали и этики [4]. При этом в российской практике цифровизации наблюдается «рассогласование в скорости и результативности создания цифровой инфраструктуры и формирования, прежде всего у новых поколений россиян, ценностей, норм, стратегий поведения, позволяющих максимизировать возможности и минимизировать издержки цифровой политики, экономики и гражданского общества» [2].

Современные цифровые экосистемы часто рассматриваются именно как продукт подверженный основным экономическим законам. Так, чем в большей степени платформа удовлетворяет потребностям и ценностям потребителей, тем большим спросом она пользуется [20]. При этом наиболее вероятным является исход «победитель получает все» [16]. Это позволяет говорить о том, что экосистемам свойственно стремительное развитие и практически полный охват возможного пространства. Яркими примерами могут служить Uber, Google и другие высокотехнологические транснациональные корпорации. Но оказавшись не эффективными, они также быстро его уступают другим, более эффективным экосистемам [15]. Поэтому рассмотрение опыта их внедрения и использования должно позволить объективно оценить перспективы их развития.

В связи с этим целью представленного исследования является выявление особенностей созданных экосистем, чей функционал затрагивает сферу политического пространства.

Исследование базируется на результате анализа 20 цифровых экосистем методом case-study. Было проанализировано 15 российских цифровых экосистем и 5 зарубежных: Экосистема «Открытый регион»; платформа «Лобачевский» (город Нижний Новгород); «OneClick Yakutia»; «Голос Забайкальца»; «Камчатка в порядке»; «Управляем вместе»; «Народная экспертиза»; «Наш Север»; «Никто, кроме нас!»; «Университет 20.35»; экосистема цифровых ресурсов партии «Единая Россия»; «Добро.ру»; экосистема Фонда президентских грантов; цифровые экосистемы дополнительного профессионального образования (созданных в субъектах Российской Федерации); экосистема «Новый умный дом» (созданных в субъектах Российской Федерации); электронное правительство Республики Казахстан; официальный столичный городской портал Берлина; «Talk London»; «Конференция будущего Европы»; эстонская цифровая экосистема (e-Estonia).

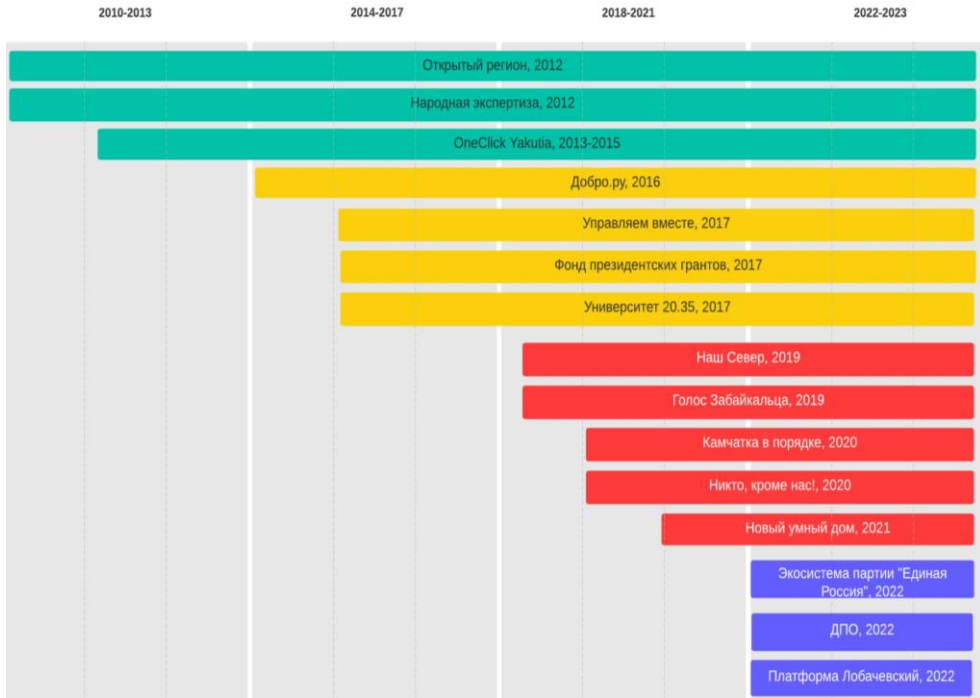
Каждая из рассмотренных экосистем обладает уникальными чертами и одновременно с этим имеет общие характеристики, основанные на базовых принципах формирования экосистем, к числу которых можно отнести, например, наличие нескольких интегрированных сервисов, направленных на достижение определенной цели (рис. 1). Исходя из особенностей присущих цифровым экосистемам были разработаны следующие параметры для их общего сравнения (при этом сравнение зарубежных и российских экосистем осуществлялось отдельно):

1. Продолжительность функционирования;
2. Территориальный охват (предлагает рассмотрение уровня власти, на котором происходит администрирование системы);
3. Цель создания, целевая аудитория и участники;
4. Системы аутентификации;
5. Имеющиеся каналы взаимодействия;
6. Стилистика.

Рисунок 1 - Классификация типов экосистем в зависимости от уровня власти, на котором происходит функционирование

Продолжительность функционирования. Одними из наиболее «старых» экосистем являются «Открытый регион» и «Народная экспертиза», функционирующие с 2012 года (рис. 2). «OneClick Yakutia» была создана на муниципальном уровне в 2012 году и масштабирована на весь субъект в 2015 году. 2017 и 2022 гг. стали наиболее продуктивными с точки зрения запуска новых экосистем. Одной из новейших российских экосистем является «Платформа Лобачевский». Возникновение экосистем в постковидное время (после 2020 года) может объясняться осознанием удобства и эффективности данного подхода в организации взаимодействия граждан и органов власти при помощи использования цифровых инструментов.

Рисунок 2 - Периодизация создания российских экосистем

За период 2014-2017 гг. было создано три федеральные («Университет 20.35», «Фонд президентских грантов» и «Добро.ру») и одна региональная («Управляем вместе») экосистемы. Следующий период 2018-2021 гг., наоборот, характеризуется бумом запуска региональных платформ, а федеральная экосистема разработана лишь одна («Новый умный дом»).

Территориальный охват. Большинство анализируемых зарубежных экосистем функционируют на уровне всего государства, охватывая значительную часть населения. Была также рассмотрена экосистема, действующая на межгосударственном (на территории Европейского Союза). Две экосистемы охватывают территорию административных единиц (федеральных земель и городских агломераций), которые могут быть условно отнесены к региональному уровню.

В случае с российскими экосистемами можно выделить федеральные, региональные и муниципальные.

Федеральные экосистемы являются наиболее распространенным типом (7 единиц) и зачастую разработаны, а впоследствии и внедрены, под эгидой разнообразных государственных программ. К их числу относятся «Добро.ру», «Университет 20.35», экосистемы Фонда президентских грантов и дополнительного профессионального образования, «Новый умный дом», «Открытый регион». Экосистема партии «Единая Россия» не реализована в рамках какой-либо госпрограммы, однако может быть условно отнесена к федеральным проектам, так как не ограничивается функционированием на территории конкретного субъекта Федерации.

На втором месте по распространенности находятся региональные экосистемы – «OneClick Yakutia», «Голос Забайкальца», «Камчатка в порядке», «Управляем вместе», «Народная экспертиза», «Наш Север», «Никто, кроме нас!» [7].

При этом кейсы «OneClick Yakutia» (Республика Саха), «Народной экспертизы» (Белгородская область) и «Наш Север» (Мурманская область) имеют некоторые особенности. В случае с белгородским проектом мы видим, как результативная практика, зарекомендовавшая себя на уровне одного региона, была перенята другими субъектами Федерации и успешно внедрена. Проект «OneClick Yakutia» изначально планировался как исключительно муниципальный проект, направленный на повышение качества жизни жителей Якутска, однако полученные результаты привели к тому, что система была высоко оценена и масштабирована на всю республику. При этом на данный момент муниципальный портал постепенно приходит в упадок, в то время как региональный ресурс продолжает поддерживаться и развиваться. Это показывает, что получившие признание инструменты естественным образом продолжают расти. «Наш Север» отличается от других анализируемых экосистем, тем, что является не полностью региональной инициативой. Данный проект реализован при участии компании АО «Русатом Инфраструктурные решения».

Наконец, всего одна из рассмотренных экосистем функционирует на уровне муниципального образования – «Платформа Лобачевский» (Нижний Новгород). Сложно представить, чтобы у городского бюджета были столь значительные ресурсы на создание, разработку и сопровождение массивной системы, поэтому значительную роль в реализации проекта сыграла компания АО «Русатом Инфраструктурные решения». «Платформа Лобачевский» и «Наш

Север» имеют и схожий дизайн, и похожие пользовательские соглашения, а также принципы маршрутизации поступающих в экосистему обращений.

Таким образом, наибольшее число экосистем, рассмотренных в рамках исследования и попавших в выборочную совокупность, являются именно федеральными проектами, возможно, в силу их большей ресурсной обеспеченности и задач, поставленных государственными программами. Региональные экосистемы распространены тоже достаточно широко (равное количество). Всего одна экосистема функционирует на муниципальном уровне. Она активно поддерживается государственной корпорацией.

Цель создания, целевая аудитория и участники. Цифровые экосистемы создаются с различными целями. В 9 анализируемых случаях основной преследуемой целью является разработка систем для автоматизации процессов в органах власти, оцифровка управленческой документации, повышение эффективности взаимодействия с населением, а также установление гражданского контроля за деятельностью чиновников («Открытый регион», «Платформа Лобачевский», «OneClick Yakutia», «Голос Забайкальца», «Камчатка в порядке», «Управляем вместе», «Народная экспертиза», «Наш Север», «Никто, кроме нас!»). Данные экосистемы предназначены для решения проблем граждан, создания коммуникативной площадки, где население сможет выразить своё мнение или предложить идеи, что также дополнительно способствует стимулированию вовлеченности креативно мыслящих граждан в процессы принятия общественно-политических решений.

Все указанные экосистемы территориально охватывают регион/муниципальный округ. Более того, во всех случаях целевой аудиторией выступают жители конкретных регионов/городов-столиц. Объединяющей характеристикой для указанных экосистем является наличие сервисов, касающихся проведения электронных голосований, организации подачи электронных инициатив и сообщений о проблемах.

При этом экосистемы могут преследовать и более узкие цели. Например, в составе экосистемы «Платформы Лобачевский» есть сервис «Наш Нижний», позволяющий проводить платежи ЖКХ, рейтинговать управляющие компании и отслеживать прозрачность формирования платежей. Однако есть и общероссийские инициативы, предлагающие достигать подобных целей — «Новый умный дом». Разумеется, функционал данной экосистемы значительно шире, чем у муниципального проекта, и качество реализации выше. Преимущество для граждан заключается в прозрачности ценообразо-

вания на услуги ЖКХ, что даёт им контроль над расходами и «рычаги воздействия» на качество, количество и сроки предоставляемых услуг. Целевой аудиторией также становятся жители Российской Федерации.

Ориентацию на установления более эффективного взаимодействия между политической партией, ее членами и широкой общественностью, а также обеспечения гражданского участия и социально-политического диалога преследует также и цифровая экосистема партии «Единая Россия».

Таким образом, все указанные экосистемы направлены на выстраивания открытого публичного диалога между властью и населением, а их целевая аудитория варьируется от жителей конкретного региона до всей страны.

Иные цифровые экосистемы направлены на достижение отраслевых целей. В последние годы в публичном пространстве часто упоминается важность популяризации волонтерства. В связи с этим основной целью экосистемы «Добро.ру» является поддержка и развитие волонтерства в России. Соответственно, целевой группой для данной экосистемы являются специфические социальные группы и организации, ведущие деятельность в данной сфере — волонтеры, партнеры и спонсоры, государственные структуры. Высокий уровень подготовки волонтеров может оказать положительное влияние на всё общество. В схожем направлении работает экосистема Фонда президентских грантов, целью которой является обеспечение поддержки некоммерческих организаций, распространение лучших практик грантовой деятельности, развитие благотворительности и добровольчества и т.д.

Другим примером решения отраслевых задач является экосистема «Новый умный дом», призванная повысить доступность и качество оказания жилищно-коммунальных услуг посредством использования цифровых сервисов. Одновременно ожидается оптимизация цепочки поставщиков коммунальных услуг, увеличение вовлечённости жителей в вопросы управления своим домом и снижение энергопотребления при производстве, сбыте и потреблении коммунальных ресурсов. Целевой аудиторией являются граждане России, а также поставщики и разработчики услуг.

В сфере образования выделяются экосистемы дополнительного профессионального образования (которая способствует повышению профессиональных навыков и знаний обучающихся) и экосистема «Университет 20.35». Их целевая аудитория соответствует направлению развития. Для экосистемы ДПО – это граждане Российской Федерации, относящиеся к определенным социальным группам, имеющим право на повышение квали-

фикации, формирование новых компетенций, для экосистемы «Университет 20.35» – как индивидуальные пользователи (студенты и преподаватели), так и организации, вовлеченные в управление и контроль образовательной деятельности. Экосистема «Университет 20.35» – один из немногих примеров, где коммерческие компании выполняют важную функцию по развитию сервисов, их существенному наполнению и гармонизации всей системы.

В проанализированных зарубежных экосистемах фокус внимания направлен на повышение доверия между государством и обществом и выстраивание конструктивного диалога в вопросах общественного развития. В экосистемах Berlin.de и eGov отношения между участниками имеют официальный характер, это связано с тем, что основными участниками данных экосистем являются чиновники, обрабатывающие запросы, и граждане, отправляющие запросы. Комментирование, дискуссия между участниками в этих системах не предусмотрена, можно сказать, что участники изолированы друг от друга. В экосистеме Talk London есть возможность дискутировать, комментировать выдвинутые идеи, проекты, поэтому отношения между участниками строго регулируются Правилами сообщества и модераторами.

Системы аутентификации. Единую систему аутентификации имеет большинство российских экосистем – «Открытый регион», «OneClick Yakutia», «Голос Забайкальца», «Камчатка в порядке», «Народная экспертиза», «Никто, кроме нас!», «Новый умный дом», цифровая экосистема дополнительного образования, «Добро.ру», «Фонд президентских грантов» и «Университет 20.35». Практически все из описанных экосистем имеют внутреннюю интеграцию с госуслугами, благодаря чему доступна авторизация через ЕСИА. В числе исключений «Университет 20.35», где из-за особенностей реализации авторизация доступна через систему Leader-ID. Также экосистема «Добро.ру» предлагает вариант не только ЕСИА и Leader-ID, но и Apple-ID и аккаунты пользователя в социальных сетях.

Воспользоваться только частью сервисов после создания учетной записи можно в экосистемах «Платформа Лобачевский», «Наш Север» и «Фонд президентских грантов». Доступны сервисы, расположенные на основном веб-ресурсе, сервисы же на внешних ссылках требуют дополнительной регистрации и не обладают возможностью интегрированного использования.

В российской действительности только экосистема партии «Единая Россия» не обладает системой единой аутентификации.

Особое внимание привлекает экосистема Пермского края «Управляем вместе». Единый аккаунт в данной экосистеме даёт право получения доступа не только к сервисам самой экосистемы, но и к другим региональным сервисам. Таким образом, можно предложить, что «Управляем вместе» является частью ещё более обширной «конструкции».

Среди зарубежных кейсов самая простая система аутентификации предусмотрена в экосистеме Talk London. Она предполагает единый аккаунт со сложным паролем.

Следующую позицию по сложности системы аутентификации и количеству аккаунтов для экосистемы занимает Berlin.de. В ней существует единый способ аутентификации с помощью берлинской почты (@berlin.de), также предусмотрена возможность защитить адреса электронной почты с расширением официального домена столицы (за плату); для платформы mein.berlin.de существует отдельная учетная запись.

В eGov существует единая система аутентификации. Механизм проверки подлинности осуществляется при помощи индивидуального идентификационного номера (ИИН). Для входа на Портал применяется многофакторная авторизация (SMS-подтверждение после ввода ИИН/БИН). Практически все (кроме сервисов Инновационные гранты, Инновационные гранты для консорциумов) сервисы имеют единый способ аутентификации.

В Эстонии вход в экосистему обеспечивается благодаря единому идентификационному номеру, межгосударственная экосистема Европейского Союза предполагает регистрацию через электронную почту, в Китае общий доступ к сервисам отсутствует.

Имеющиеся каналы взаимодействия. Все пятнадцать российских экосистем имеют официальный/основной сайт в качестве канала взаимодействия, одноименным мобильным приложением обладают 8 из них, социальные сети реализованы для 9 экосистем. Можно отметить, что комбинация официального сайта и сообществ в соцсетях/мессенджерах – наиболее распространенный вариант среди российских кейсов.

Среди необычных вариантов реализации канала взаимодействия можно выделить:

- экосистему «Добро.ру», где кроме сайта и социальных сетей, есть дополнительный канал взаимодействия – стороннее мобильное приложение «Добро.Взаимно»;

- Белгородский проект «Народная экспертиза», где упомянутые каналы взаимодействия дополнены интеллектуальным помощником («Алиса» от компании Яндекс) и чат-ботом в Телеграм.

Экосистемы Berlin.de и eGov имеют собственные веб-сайты; система Talk London на данный момент имеет веб-страницу, поскольку модернизируется.

Экосистема eGov ориентирована на российские социальные сети (телеграм-канал «EGOV.KZ», группа в VK «Портал eGov.kz»); Berlin.de и Talk London – на американские социальные сети и платформы (Twitter, YouTube, Facebook, Instagram (последние две соцсети принадлежат корпорации Meta Platforms, чья деятельность в России признана экстремистской и запрещена)).

Экосистема eGov имеет собственное мобильное приложение.

Можно предположить, что в экосистемах Berlin.de и Talk London каналы взаимодействия между участниками шире, так как указанные социальные сети имеют большой охват и значительную аудиторию.

Возможность удовлетворения широкого спектра социально-политических потребностей пользователей и сложность архитектуры. Сложность архитектуры экосистемы зависит от количества потребностей, которые она предназначена удовлетворить. Под сложной экосистемой в данной работе будут пониматься экосистемы, сервисы которых расположены не только на основном портале, но и на дополнительных электронных ресурсах. Простая архитектура экосистемы предполагает размещение всех сервисов на одном сайте.

Сложной архитектурой, исходя из предложенного определения, обладают шесть российских экосистем, две из которых реализованы на региональном уровне («Камчатка в порядке», «Наш север»), одна - на муниципальном («Платформа Лобачевский»), две - на федеральном («Открытый регион», «Новый умный дом»).

Простой архитектурой обладают 10 экосистем – 5 региональных («OneClick Yakutia», «Голос Забайкальца», «Управляем вместе», «Народная экспертиза», «Никто, кроме нас!») и 5 федеральных («Добро.ру», экосистема партии «Единая Россия», «Университет 20.35», экосистема ДПО, экосистема Фонда президентских грантов).

Если дать краткий обзор спектра оказываемых услуг, то экосистема eGov имеет самый широкий инструментарий для удовлетворения запросов граждан среди зарубежных экосистем: в ней осуществляется выдача справок, прием заявлений, запросов, сведений о каких-либо данных лица; опла-

та коммунальных платежей и штрафов; в Berlin.de есть возможность получить достоверную и актуальную правовую, туристическую и др. информацию, записаться онлайн на прием в органы власти, найти подходящее жилье и проч.; в Talk London предоставлена возможность публичного обсуждения и выдвижения собственных проектов для улучшения городской среды.

При этом экосистемы Berlin.de и Talk London ориентированы на более узкую аудиторию, соответственно имеют меньший инструментарий для удовлетворения тех или иных потребностей; система eGov призвана оптимизировать работу всех органов государства.

Единый стиль. Внутри каждой экосистемы (при условии расположения всех сервисов на единой платформе) существует единый дизайн. Исключения составляют сервисы, размещенные на сторонних ресурсах (в качестве примера можно привести сервисы «Наш Нижний» и «Парковки Нижнего» в экосистеме «Платформа Лобачевского» и сервис «Запись к должностному лицу» в экосистеме «Открытый регион»). Чаще всего в таких случаях дизайн сервиса отличается от основного ресурса. Также стоит отметить, что если компанией разработчиком выступает одна компания, то стилевые решения являются очень похожими («Платформа Лобачевский» и «Управляем вместе»).

Современные цифровые экосистемы в России, реализованные для коммуникации между властью и обществом, вводились поэтапно, учитывая опыт предыдущих аналогов, что говорит о желании разработчиков использовать наработки коллег для эффективного функционирования своих разработок. Необходимо также отметить, что российские цифровые экосистемы реализованы не только на федеральном уровне, но и в рамках субъектов Российской Федерации и их муниципальных образований, что свидетельствует о желании органов власти расширить территорию применения цифровых экосистем и адаптировать их под особенности регионов страны.

Самыми крупными как по масштабу реализации, так и по доступному для пользователей функционалу являются государственные (федеральные) экосистемы. При этом они осуществляют свою деятельность на основе государственных программ развития, что свидетельствует о намерениях власти использовать цифровые каналы взаимодействия с гражданами в определенных направлениях общественно-политической деятельности. Основной же целью внедрения цифровых экосистем становится автоматизация внутренних процессов органов власти, оцифровка управленческой документации и

вместе с этим повышение эффективности взаимодействия с населением, в том числе, для реализации концепции открытого правительства.

Цифровые экосистемы также направлены на формирование площадок для реализации делиберативной демократии и совместного принятия общественно-политических решений. Реже они создаются для достижения «узких» отраслевых целей, тем не менее сохраняя общую особенность цифровых экосистем, подразумевающую доступ пользователей к широкому сегменту услуг, предоставляемых цифровыми экосистемами. Также, благодаря проведенному анализу кейсов удалось выявить определенную закономерность среди российских цифровых экосистем, которая заключается в том, что чем больше аудитория и масштаб реализации экосистемы, тем больше ее функционал.

Литература

1. Арзамаскин А.Н. Цифровые экосистемы в современном российском обществе: понятие, общая характеристика, правовой аспект регулирования // Правовое государство: теория и практика. 2022. №2. С. 9-15.
2. Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. 2019. №4. С. 65-69.
3. Володенков С.В. Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. №2. С. 39-47.
4. Володенков С.В. Технологии Big Bata в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы // Вестник Томского государственного университета Филология. Социология. Политология. 2018. №44. С. 205-212.
5. Володина Н.Л. Преимущества создания цифровой экосистемы // Организатор производства. 2021. Т. 29. №4. С. 104-111.
6. Иващенко Н.С., Зернова Л.Е., Мишаков В.Ю. Бизнес-экосистема как форма ведения бизнеса: виды, принципы партнерства и направления развития в текстильной промышленности // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2022. №1(397). С. 38-42.
7. Каленов О.В. Цифровые экосистемы организаций // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2022. №1. С. 139-147.
8. Неборский Е.В. Цифровая экосистема как средство цифровой трансформации университета // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. №4.
9. Овчинникова Е.О., Долженкова Е. Проблемы и тенденции развития механизма электронного голосования // Актуальные проблемы науки и практики. 2022. №2(27). С. 140-149.

10. Сологубова Г.С. Безопасность и регуляторы в цифровых экосистемах служат обществу, государству и бизнесу // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. №2. С. 61-66.

11. Удовенко И.П. Государство в цифровом преобразовании управленческих процессов: от электронного документооборота к цифровым экосистемам // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. №2. С. 32-42.

12. Шамсутдинова А.Р., Козаков Р.Р. Цифровые экосистемы как способ цифровой трансформации строительной сферы РФ // Управленческий учет. 2022. №8-1. С. 76-82.

13. Электронное участие: концептуализация и практика реализации в России / под ред. А.В. Чугунова, О.Г. Филатовой. СПб.: Алетей, 2020. 254 с.

14. Iansiti M., Levien R. Strategy as Ecology. Harvard Business Review. 2004. №3. URL: <https://hbr.org/2004/03/strategy-as-ecology> (дата обращения 22.11.2023).

15. McAfee A., Brynjolfsson E. Machine, platform, crowd: Harnessing our digital future (First ed.). New York: W.W. Norton & Company. 2017. 288 p.

16. Schilling M.A. Technology success and failure in winnertake-all markets: The impact of learning orientation, timing, and network externalities. The Academy of Management Journal. 2002. №45(2). P. 387–398.

17. Senyo P.K., Liu K., Effah J. A Framework for Assessing the Social Impact of Interdependencies in Digital Business Ecosystems // ICISO 2018, IFIP AICT 527. 2018. P. 125-135.

18. Smorgunov L. Governability and a technocratic approach to government as a platform: critics using the Russian case. International Journal of Electronic Governance. 2021. V. 13. №1. P. 4-20.

19. Stanley J., Briscoe G. The ABC of digital business ecosystems. Commun. Law - J. Comput. Media Telecommun. Law. 2010. №15(1). P.1-24.

20. Teece D.J. Profiting from innovation in the digital economy: Enabling technologies, standards, and licensing models in the wireless world. Research Policy. 2018. №47(8). P. 1367-1387.

References

1. Arzamaskin A.N. Tsifrovye ekosistemy v sovremennom rossiiskom obshchestve: ponyatie, obshchaya kharakteristika, pravovoi aspekt regulirovaniya. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. №2. S. 9-15.

2. Brodovskaya E.V. Tsifrovye grazhdane, tsifrovое grazhdanstvo i tsifrovaya grazhdanstvennost'. Vlast'. 2019. №4. S. 65-69.

3. Volodenkov S.V. Digital-tekhnologii v sisteme traditsionnykh institutov vlasti: politicheskii potentsial i sovremennye vyzovy. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal). 2018. №2. S. 39-47.

4. Volodenkov S.V. Tekhnologii Big Vata v sovremennykh politicheskikh protsessakh: tsifrovye vyzovy i ugrozy. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2018. №44. S. 205-212.

5. Volodina N.L. Preimushchestva sozdaniya tsifrovoi ekosistemy. Organizator proizvodstva. 2021. T. 29. №4. S. 104-111.
6. Ivashchenko N.S., Zernova L.E., Mishakov V.Yu. Biznes-ekosistema kak forma vedeniya biznesa: vidy, printsipy partnerstva i napravleniya razvitiya v tekstil'noi promyshlennosti. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Tekhnologiya tekstil'noi promyshlennosti. 2022. №1(397). S. 38-42.
7. Kalenov O.V. Tsifrovye ekosistemy organizatsii. Vestnik REU im. G.V. Plekhanova. 2022. №1. S. 139-147.
8. Neborskii E.V. Tsifrovaya ekosistema kak sredstvo tsifrovoi transformatsii universiteta. Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2021. T. 9. №4.
9. Ovchinnikova E.O., Dolzhenkova E. Problemy i tendentsii razvitiya mekhanizma elektronnoho golosovaniya. Aktual'nye problemy nauki i praktiki. 2022. №2(27). S. 140-149.
10. Sologubova G.S. Bezopasnost' i regulatory v tsifrovyykh ekosistemakh sluzhat obshchestvu, gosudarstvu i biznesu. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2022. №2. S. 61-66.
11. Udovenko I.P. Gosudarstvo v tsifrovom preobrazovanii upravlencheskikh protsessov: ot elektronnoho dokumentooborota k tsifrovym ekosistemam. Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN. 2022. №2. S. 32-42.
12. Shamsutdinova A.R., Kozakov R.R. Tsifrovye ekosistemy kak sposob tsifrovoi transformatsii stroitel'noi sfery RF. Upravlencheskii uchet. 2022. №8-1. S. 76-82.
13. Elektronnoe uchastie: kontseptualizatsiya i praktika realizatsii v Rossii / pod red. A.V. Chugunova, O.G. Filatovoi. SPb.: Aleteiya, 2020. 254 s.
14. Iansiti M., Levien R. Strategy as Ecology. Harvard Business Review. 2004. №3. URL: <https://hbr.org/2004/03/strategy-as-ecology> (data obrashcheniya 22.11.2023).
15. McAfee A., Brynjolfsson E. Machine, platform, crowd: Harnessing our digital future (First ed.). New York: W.W. Norton & Company. 2017. 288 r.
16. Schilling M.A. Technology success and failure in wannertake-all markets: The impact of learning orientation, timing, and network externalities. The Academy of Management Journal. 2002. №45(2). R. 387–398.
17. Senyo P.K., Liu K., Effah J. A Framework for Assessing the Social Impact of Interdependencies in Digital Business Ecosystems. ICISO 2018, IFIP AICT 527. 2018. R. 125-135.
18. Smorgunov L. Governability and a technocratic approach to government as a platform: critics using the Russian case. International Journal of Electronic Governance. 2021. V. 13. №1. P. 4-20.
19. Stanley J., Briscoe G. The ABC of digital business ecosystems. Commun. Law - J. Comput. Media Telecommun. Law. 2010. №15(1). R.1-24.
20. Teece D.J. Profiting from innovation in the digital economy: Enabling technologies, standards, and licensing models in the wireless world. Research Policy. 2018. №47(8). R. 1367-1387.

И.В. Юрченко

**КОНФЛИКТНЫЙ И
ИНТЕГРАЦИОННЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ В
УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА РФ:
МЕТОДОЛОГИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ И РОЛЬ
ЦИФРОВИЗАЦИИ ***

Аннотация

В статье представлены методологические аспекты исследования процессов формирования гражданской идентичности молодежи в условиях включения в новый социокультурный контекст и новое политическое пространство. Обосновываются методы определения факторов конфликтного и интеграционного потенциала социально-политических трансформаций, специфики этнических и демографических социальных общностей, степени остроты рисков дестабилизации, в том числе в контексте влияния внешних информационных воздействий и стратегической нестабильности меняющегося миропорядка. Отмечается важность деятельностного концептуального подхода, институционального регулирования, дискурсивного конструирования реальности, активной жизненной позиции школьников на основе научного мировоззрения и исторической памяти. Предлагается метод конфликтологической экспертной диагностики как методологического и эмпирического инструментария исследования процессов интеграции и определения степени рискогенности. В исследовании подчеркивается, что расширение политического пространства предполагает не только территориальное, но и виртуальное, цифровое расширение политического пространства. А наряду с другими факторами интеграции, важнейшим фактором является формирование единого цифрового пространства. Делается вывод, что социальные сети будут встроены в меха-

I. Yurchenko

**CONFLICT AND
INTEGRATION POTENTIAL
OF REGIONS IN THE
CONTEXT OF EXPANDING
POLITICAL SPACE OF THE
RUSSIAN FEDERATION:
RESEARCH
METHODOLOGY AND THE
ROLE OF DIGITALIZATION**

Abstract

The article presents methodological aspects of the study of the processes of formation of civic identity of young people in the conditions of inclusion in a new socio-cultural context and a new political space. Methods are substantiated for determining the factors of conflict and integration potential of socio-political transformations, the specifics of ethnic and demographic social communities, the severity of the risks of destabilization, including in the context of the influence of external information influences and strategic instability of the changing world order. The importance of an activity-based conceptual approach, institutional regulation, discursive construction of reality, and the active life position of schoolchildren based on a scientific worldview and historical memory is emphasized. A method of conflictological expert diagnostics is proposed as a methodological and empirical tool for studying integration processes and determining the degree of riskiness. The study emphasizes that the expansion of political space involves not only territorial, but also virtual, digital expansion of political space. Along with other factors of integration, it is emphasized that the most important factor of integration is the formation of a single digital space.

It was concluded that social networks will be integrated into the mechanism of formation of the all-Russian civic identity, which was facilitated by the discursive

низмы формирования общероссийской гражданской идентичности, чему способствует дискурсивное конструирование новой реальности на основе активизации патриотических устремлений и гражданской ответственности.

construction of a new reality based on the activation of patriotic aspirations and civic responsibility.

Ключевые слова:

политическое пространство, цифровое пространство, молодежь, гражданская идентичность, регионы РФ, риски конфликтности, интеграционные процессы, цифровизация, факторы интеграции.

Key words:

political space, digital space, youth, civic identity, regions of the Russian Federation, risks of conflict, integration processes, digitalization, integration factors.

* Статья подготовлена в рамках Государственного задания на выполнение научно-исследовательских работ по проекту «Формирование гражданской идентичности школьников в новых субъектах РФ: стратегии, барьеры и перспективы (FZEN-2023-0008) на 2023 год».

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-24-34>

Актуальность темы исследования обусловлена ростом современных геополитических вызовов и угроз в условиях глобальной турбулентности. В современной российской геополитике резко возрастает роль Южного макрорегиона, в особенности Азово-Черноморского бассейна. Обеспечение национальной безопасности нашей страны на юго-западном геостратегическом направлении, где обостряются геополитические противоречия, выходящие за безопасные пределы как для экономического, так и для военно-стратегического состояния в международных отношениях, а «геополитическая напряженность и открытые и латентные конфликты снижают приоритетность рациональных экономических соображений и стимулы к координации экономической политики» [1, с. 15]. Все это требует всестороннего анализа основных внешних и внутренних вызовов для России и определения возможностей ответа на них. Для этого необходим детальный мониторинг и конфликтологическая экспертная диагностика развития Южного макрорегиона, с учетом, как общих тенденций глобального характера, так и региональной специфики геополитического положения и процессов интеграции территорий, ставших новыми субъектами РФ. Осуществляя конфликтологический анализ проблем региональной безопасности и стабильности на Юге России, мы рассматриваем территории со сложной этноконфессиональной структурой населения. Необходимо также учитывать, что существует дополнительная сложность, в связи с наличием фактора разделенных этносов, особенно русского, в результате демонтажа СССР, социокультурных и идео-

логических разломов в геополитическом пространстве, деконструктивного изменения и смещения границ [2, с. 472-476]. Анализ интеграционных процессов в контексте специфики межэтнических, социокультурных, межпоколенческих взаимодействий и поведенческих моделей молодежи школьного возраста, как особой социальной группы, в условиях расширения политического пространства РФ, предполагает применение методов ивент-анализа материалов СМИ, в контексте рискологической парадигмы, для определения степени остроты рисков дестабилизации в исследуемых регионах.

Политическое пространство в научной литературе рассматривается с позиций различных концептуальных подходов: интерсубъектного, нормативного, поведенческого [3, с. 167; 4, с. 121; 5]. В этом прочтении «политическое пространство является субъективным, а представления о нём находят свое отражение в коммуникации между участниками политических отношений» [5, с. 200]. Кроме этого, на наш взгляд, необходимо учитывать факторы цифровизации. То есть, цифровизация политики — это также своеобразное расширение политического пространства, которое будет иметь определяющую роль в перспективе, позволяя преодолевать многие барьеры и способствовать стратегическому развитию. Как показывает исторический опыт, потенциал включения в новый социокультурный контекст у русскоговорящих людей достаточно высокий. Носители русской культуры показывали очень яркие примеры встраивания в новый мир на примере различных волн эмиграции, начиная с послереволюционного периода столетней давности. Но в настоящий момент новые субъекты Российской Федерации не покидают свою страну, а возвращаются на историческую Родину из искусственно созданного «анклава», образовавшегося в результате демонтажа, существовавшего в XX веке единого советского государства, как единого русскоговорящего пространства, которое представляло собой новую историческую общность людей - «советский народ». Наличие конфликтного потенциала и его величина зависят от множества факторов социально-экономического, политико-идеологического, этнокультурного и демографического характера. Противоречивые ценности, интересы и потребности, лежащие в основе повседневной жизни, определяют представления людей о должном. Но в условиях глубинных социально-политических трансформаций могут происходить ценностные рассогласования высокой степени напряженности и конфликтности. Такая поляризация особенно опасна в периоды становления новых форм государственности и формирования новых социальных общностей в

условиях переформатирования всего политико-правового и социально-культурного пространства. Самыми чувствительными группами риска становятся молодежные и этнические общности. Интеграционный потенциал проявляется в прочности стабильности и наличии ресурсов для развития. Непосредственно концепт «интеграционный потенциал общества» предложен, в частности, в теоретической разработке Л.В. Константиновой [6] и некоторых других авторов. Интеграционный потенциал рассматривается «как существенная характеристика общества, детерминирующая его целостность, стабильность и успешность развития» [6, с. 19]. С этой точки зрения, конфликтный потенциал необходимо рассматривать с учетом дезинтеграционных факторов, исследование которых требует новых подходов к этой проблеме. То есть, с одной стороны рассматриваются интеграционные процессы и детерминанты, способствующие формированию интеграционного потенциала общества, а с другой стороны, фиксируются дезинтеграционные тенденции, а также определяются модели и уровни социальной интеграции. Актуальность темы, обусловленная потребностью в методологическом инструментарии исследования конфликтного и интеграционного потенциала социальных общностей в ситуации геополитической турбулентности, возрастает для отечественных социальных исследований в связи с самоидентификацией новых регионов, как субъектов Российской Федерации, в условиях расширения политического пространства России. Представленные теоретические положения можно применять в качестве методологического инструментария для конфликтологической экспертизы и политического анализа конфликтного и интеграционного потенциала различных социально-демографических групп общества в условиях системных преобразований, в частности, для описания контекста эмпирической части темы «Формирование гражданской идентичности школьников в новых субъектах Российской Федерации: стратегии, барьеры и перспективы». Важным аспектом, на наш взгляд, является понимание концепта «культура», который можно рассматривать в двух значениях: во-первых, культура как особенности, как отличие одних социально-культурных групп от других, одних этносов от других. А во-вторых, культура как вклад народа (нации) в мировой процесс (и прогресс). Какой может быть этот вклад нового поколения интегрирующихся регионов в общероссийскую культуру? В этом плане культура, как особая «оптика», некий особый инструментарий, особый склад ума, особая ментальность, стиль мышления, особый взгляд на мир, будет формироваться в дальнейшем в условиях

расширения политического пространства Российской Федерации под влиянием цифровизации.

Новая эпоха – это новая волна развития – так называемая «новая промышленная революция». В настоящее время для России стоит целый комплекс сложнейших задач обеспечения интеллектуально-технологического суверенитета. От этого зависит и переход к инновационно ориентированному экономическому росту, и устойчивое развитие производительных сил страны, и преодоление регионального неравенства, в том числе, в развитии цифровизации. Такие цели изложены в Концепции технологического развития Российской Федерации до 2030 года [7].

Адаптация школьников разных возрастов к новой ценностной системе обусловлена переключением акцентов смыслового поля на русскую культуру и, одновременно, на многонациональные традиции российского общества. В таком диалектическом единстве многообразия культур на основе богатого русского языка, как языка межэтнического общения, и культуры российской государственности, в основе которой и традиции, и новаторство, и глубокие цивилизационные корни, и перспективы достижений на новом этапе геополитической трансформации. Конфликтный потенциал существует в угрозах проявления дискриминации в тех структурах, где возникают порой достаточно замкнутые этнические группировки и сектора бизнеса и социальной сферы. В них может проявляться межэтническая напряженность в повседневности, а порой она прорывается и в публичное пространство с помощью новых социальных медиа. В качестве инструментария исследования необходимо рассмотреть факторный анализ развития человеческого потенциала в новых субъектах РФ, как пространстве переходного социума в новую систему ценностей. Показатели и индикаторы уровней интеграции и конфликтности, разработка когнитивных моделей для анализа политических практик, а также исследования консенсусных и конфронтационных факторов социального поведения позволят систематизировать получаемые данные из официальных источников информации, опросов и экспертных интервью. Большое значение имеет структурный анализ преобладающих ценностей в исследуемых социальных общностях, определение факторов формирования политического сознания школьников: материальных, духовно-нравственных, интеллектуальных, чувственно-эмоциональных, этноконфессиональных и демографических компонентов, определяющих характер ментальности и поведенческий формат взаимоотношений, складывающихся в локальных сообще-

ствах в новых условиях. Наиболее значимым аспектом региональной безопасности новых территорий является процесс социально-политического воспроизводства государственности. Воспроизводство, рассматриваемое как процесс приобретения социальной системой способности создавать условия и предпосылки своей собственной дальнейшей жизнедеятельности, требует выявления факторов, оказывающих влияние на уровень социальной интеграции и конфликтности в изучаемых регионах, которые стали составной частью единого суверенного Российского государства.

Значимым фактором интеграции является формирование единого цифрового пространства, что напрямую относится и к новым регионам. В органах исполнительной власти во всех регионах России были определены ответственные за цифровую трансформацию. Как известно, Указ Президента «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года» предусматривает разработку новых инструментов поддержки цифровых проектов на региональном уровне, а также создание специальных зон развития [8]. В контексте проблемы формирования гражданской идентичности школьников в новых субъектах Российской Федерации, цифровизация образования имеет особое значение. Так, в рамках федерального проекта «Цифровая образовательная среда», ставится задача оснащения учебных заведений современным оборудованием и развития цифровых сервисов в образовательных учреждениях, в связи с чем «Ростелеком» должен проводить интеграцию региональных систем с федеральной системой «Моя школа», связанной с разделом «Образование» на «Госуслугах» [9]. Федеральная государственная информационная система «Моя школа» является эффективным инструментом взаимодействия преподавателей со школьниками и родителями, для чего предназначены личные кабинеты, верифицированный образовательный контент и другие сервисы. Вице-премьер Д. Чернышенко заявил об ускоренной цифровизации четырех присоединенных регионов. 30 сентября 2022 года были подписаны официальные документы о принятии в состав России Херсонской и Запорожской областей, Донецкой и Луганской Народных Республик. В этот же день Д. Чернышенко заявил о планах правительства по ускоренной цифровизации этих присоединенных регионов. Были определены, как и во всех других субъектах федерации, региональные руководители цифровой трансформации, с которыми проводится конкретная плановая работа. По итогам совещания с руководителями цифровой трансформации федеральных органов исполнительной власти и регионов в конце сентября

2022 года Д. Чернышенко отметил, что есть намерения «в ускоренном режиме решать вопросы по восстановлению инфраструктуры с тем, чтобы обеспечить достижение показателей цифровой зрелости на этих территориях как можно быстрее. Помимо инфраструктурного вопроса, это кадры и цифровизация экономики», - заявил заместитель председателя правительства в разговоре с «РИА Новости». По его словам, «работы много, но понимание плана действий у нас есть». Также вице-премьер отметил, что ЛНР и ДНР уже присоединились к совместной работе по цифровизации с Россией. Он поприветствовал коллег из ДНР и ЛНР в общероссийской цифровой команде. Была поставлена задача перед всеми федеральными органами исполнительной власти и регионами наладить коммуникацию с новыми регионами и оказывать им необходимую поддержку по всем вопросам цифровизации и повышению безопасности данных [10].

В декабре 2023 года Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ во второй раз провел научную конференцию по вопросам развития общества в эпоху цифровизации, где, в частности, обсуждалась проблема цифровизации с точки зрения новых вызов для исследователей. Например, такие вопросы как «Инновационная повестка в контексте поиска методологических решений». Все это свидетельствует о высоком уровне актуальности проблемы определения конфликтного и интеграционного потенциала общества в условиях расширения политического пространства, понимаемого и в территориальном, и в виртуальном аспектах. При этом важным направлением поиска являются эмпирические методы исследования, которые должны способствовать определению адекватных оценок состояния внутренней социально-политической среды региональной общности, влияющей на уровень интеграции и степень конфликтности социальных отношений. В качестве показателей интеграционного потенциала регионов в процессе расширения политического пространства РФ можно использовать следующие данные: во-первых, это демографические показатели новых регионов, показатели социально-экономического развития, вовлеченность различных социальных групп в производственную сферу, инновационное, интеллектуальное, отраслевое развитие. Важнейшим показателем конфликтного и интеграционного потенциала общества в условиях расширения политического пространства Российской Федерации является также характеристика межэтнических, межконфессиональных, идеологических и социально-психологических отношений, в том числе, и в молодежной среде.

Можно предположить, что среди молодёжи старших школьников в исследуемых регионах, по преимуществу сложилась модель избегания межэтнических конфликтов и преобладают установки добрососедских межэтнических отношений. Но эту гипотезу необходимо подтвердить в результате конкретного эмпирического исследования. Для этого участниками исследовательского проекта проводятся опросы и фокус-групповые исследования, экспертные оценки и интервью, традиционный анализ документов, анализ конкретных ситуаций. Так, предварительные результаты исследования представлены в статье И.В. Самаркиной [11, с. 7-10].

Факторный анализ конфликтогенного и интеграционного потенциала развития новых субъектов РФ, позволит уточнить подходы к определению рисков в Азово-Черноморском регионе, в контексте противодействия угрозам этнополитического, социокультурного, политико-экономического характера и ценностной поляризации. К политико-правовым аспектам исследуемой проблемы необходимо отнести важные изменения в Федеральном законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 №8-ФЗ, в котором с декабря 2022 года все государственные органы в России должны иметь и вести социальные сети [12; 16], например, страницу в социальных сетях «ВКонтакте». Эффективное использование информационных ресурсов [13; 14; 15] является одной из составляющих успешной политики идентичности и фактором интеграции новых регионов в политическое пространство единого государства. А поскольку именно молодежь, в том числе и школьники, хорошо адаптированы к новейшим коммуникационным технологиям, их рациональное использование будет приводить к повышению уровня социального доверия и межрегиональной связанности. Социальные сети могут стать мощным инструментом решения политических проблем, в том числе, и с помощью формирования цифрового, электронного правительства [17], а также создаваемых институтами публичной власти информационно-коммуникационных взаимодействий государства и общества в направлении «приемлемого социального самочувствия граждан в актуальном для государства направлении» [18]. Но, в то же время, социально-сетевой ландшафт несет высокий потенциал конфликтности, что создает угрозы дестабилизации в обществе, в связи с чем необходима разработка и применение мер «по формированию социального иммунитета к внешнему деструктивному воздействию» [19, с. 27], что особенно важно для школьников, для молодежи. По-

этому в современных условиях глобальной турбулентности и геополитических трансформаций, когда происходит расширение политического пространства Российской Федерации, предполагается, что социальные сети должны становиться механизмом формирования общероссийской гражданской идентичности, чему способствует дискурсивное конструирование новой реальности на основе активизации патриотических устремлений и высокой степени гражданской ответственности.

Литература

1. Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред.: Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринская. Москва: ИМЭМО РАН, 2022. 130 с.

2. Юрченко И.В. Теоретические аспекты анализа этнополитических и геополитических процессов и попытки профилактики конфликтов (на примере деятельности ОЧЭС) // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 240-летию присоединения Крыма и Кубани к России и 80-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков. Краснодар: КубГУ, 2023. С. 472-476.

3. Пушкарева Г.В. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // Полис. Политические исследования. 2012. №2. С. 166-176.

4. Самаркина И.В. Политическая картина мира как компонент субъективного пространства политики: дис. ... д. полит. н. Москва: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2013.

5. Мирошниченко И.В., Кольба А.И. Ресурсный потенциал молодежного лидерства в условиях формирования новых пространств публичной политики // XI Столыпинские чтения. Молодежь XXI века: роль высшей школы в инновационном развитии России: материалы Всеросс. науч.-практич. конф. Краснодар: КубГУ, 2022. С. 199-203.

6. Константинова Л.В. Интеграционный потенциал общества: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. №8. С. 19-29.

7. Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию технологического развития до 2030 года. Распоряжение от 20 мая 2023 года №1315-р. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/624/> (дата обращения 12.12.2023).

8. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ от 21.07.2020 №474. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 12.12.2023).

9. Цифровизация регионов России // Государство. Бизнес. Технологии. 2023.03.06. URL: <https://clck.ru/397Вув> (дата обращения 12.12.2023).

10. Стратегии цифровой трансформации регионов // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1064/> (дата обращения 12.12.2023).

11. Самаркина И.В. Политика формирования гражданской идентичности молодежи в новых субъектах РФ: модели и технологии // XII Столыпинские чтения. Социально-

политическое пространство и публичная политика: векторы внешне- и внутривнутриполитического взаимодействия, и развития в условиях глобальных перемен: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: КубГУ, 2023. С. 7-10.

12. В России вступил в силу закон об обязанности госорганов вести страницы в соцсетях // ТАСС. 01.12.2022. URL: <https://clck.ru/397C2w> (дата обращения 15.12.2023).

13. Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Сетевые ресурсы развития локальной политики // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. №5. С. 39-49.

14. Покатов Д.В. Социальные сети как ресурс взаимодействия административно-политической элиты и населения региона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №11-1. С. 76-79.

15. Никитинская А.А. Феномен социальных сетей как инструмент диалога органов власти и общественности (на примере МО Северодвинск) // Философская мысль. 2021. №4. С. 26-35.

16. Федеральный закон от 01.07.2021 №261-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации», ст. 10–5 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <https://clck.ru/397C3m> (дата обращения 13.11.2023).

17. Павлутенкова М.Ю., Гердичук Ю.В. Электронное правительство в реализации политики устойчивого развития // PolitBook. 2017. №2. С. 6-21.

18. Чумиков А.Н. Коммуникации государства и граждан в цифровой среде как фактор управления восприятием актуального политического контекста // PolitBook. 2023. №4. С. 136-158.

19. Гаджиев Х.А. Цифровое пространство и политическая стабильность России // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. №6. С. 22–28.

References

1. Rossiya i mir: 2023. Ekonomika i vneshnyaya politika. Ezhegodnyi prognoz / ruk. proekta: A.A. Dynkin, V.G. Baranovskii; otv. red.: G.I. Machavariani, I.Ya. Kobrinskaya. Moskva: IMEMO RAN, 2022. 130 s.

2. Yurchenko I.V. Teoreticheskie aspekty analiza etnopoliticheskikh i geopoliticheskikh protsessov i popytki profilaktiki konfliktov (na primere deyatelnosti OChES). Chernomorsko-Sredizemnomorskii region v sisteme natsional'noi bezopasno-sti Rossii: k 240-letiyu prisoedineniya Kryma i Kubani k Rossii i 80-letiyu osvobodzheniya Krasnodarskogo kraja ot nemetsko-fashistskikh zakhvatnikov. Krasnodar: KubGU, 2023. S. 472-476.

3. Pushkareva G.V. Politicheskoe prostranstvo: problemy teoreticheskoi kontseptualizatsii. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2012. №2. S. 166-176.

4. Samarkina I.V. Politicheskaya kartina mira kak komponent sub"ektivnogo prostranstva politiki: dis. ... d. polit. n. M.: MGU imeni M.V. Lomonosova, 2013.

5. Miroshnichenko I.V., Kol'ba A.I. Resursnyi potentsial molodezhnogo liderstva v usloviyakh formirovaniya novykh prostranstv publichnoi politiki. KhI Stolypinskie chteniya.

Molodezh' XXI veka: rol' vysshei shkoly v innovatsionnom razvitii Rossii: materialy Vse-ross. nauch.-praktich. konf. Krasnodar: KubGU, 2022. С. 199-203.

6. Konstantinova L.V. Integratsionnyi potentsial obshchestva: opyt kontseptualizatsii. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. №8. S. 19-29.

7. Pravitel'stvo Rossiiskoi Federatsii utverdilo Kontseptsiyu tekhnologicheskogo razvitiya do 2030 goda. Rasporyazhenie ot 20 maya 2023 goda №1315-r. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/624/> (data obrashcheniya 12.12.2023).

8. O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda. Ukaz Prezidenta RF ot 21.07.2020 №474. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (data obrashcheniya 12.12.2023).

9. Tsifrovizatsiya regionov Rossii. Gosudarstvo. Biznes. Tekhnologii. 2023.03.06. URL: <https://clck.ru/397Byv> (data obrashcheniya 12.12.2023).

10. Strategii tsifrovoi transformatsii regionov. Ministerstvo tsifrovogo razvitiya, svyazi i massovykh kommunikatsii Rossiiskoi Federatsii. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1064/> (data obrashcheniya 12.12.2023).

11. Samarkina I.V. Politika formirovaniya grazhdanskoj identichnosti molodezhi v novykh sub"ektakh RF: modeli i tekhnologii. KhII Stolypinskie chteniya. Sotsial'no-politicheskoe prostranstvo i publichnaya politika: vektory vneshne- i vnutripoliticheskogo vzaimodeistviya, i razvitiya v usloviyakh global'nykh peremen: materialy Vseros-siiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Krasnodar: KubGU, 2023. S. 7-10.

12. V Rossii vstupil v silu zakon ob obyazannosti gosorganov vesti stranitsy v sotssetyakh. TASS. 01.12.2022. URL: <https://clck.ru/397C2w> (data obrashcheniya 15.12.2023).

13. Miroshnichenko I.V., Ryabchenko N.A. Setevye resursy razvitiya lokal'noi politiki. Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk. 2015. T. 10. №5. S. 39-49.

14. Pokatov D.V. Sotsial'nye seti kak resurs vzaimodeistviya administrativno-politicheskoi elity i naseleniya regiona. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2021. №11-1. S. 76-79.

15. Nikitinskaya A.A. Fenomen sotsial'nykh setei kak instrument dialoga organov vlasti i obshchestvennosti (na primere MO Severodvinsk). Filosofskaya mysli'. 2021. №4. S. 26-35.

16. Federal'nyi zakon ot 01.07.2021 №261-FZ «O vnesenii izmenenii v Zakon Rossiiskoi Federatsii «O sredstvakh massovoi informatsii», st. 10–5 Federal'nogo zakona «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii». Ofitsial'nyi internet portal pravovoi informatsii. URL: <https://clck.ru/397C3m> (data obrashcheniya 13.11.2023).

17. Pavlyutenkova M.Yu., Gerdichuk Yu.V. Elektronnoe pravitel'stvo v realizatsii politiki ustoichivogo razvitiya // PolitBook. 2017. №2. S. 6-21.

18. Chumikov A.N. Kommunikatsii gosudarstva i grazhdan v tsifrovoi srede kak faktor upravleniya vospriyatiem aktual'nogo politicheskogo konteksta. PolitBook. 2023. №4. S. 136-158.

19. Gadzhiev Kh.A. Tsifrovoe prostranstvo i politicheskaya stabil'nost' Rossii. Sotsial'no-politicheskije nauki. 2022. T. 12. №6. S. 22–28.

О.Г. Щенина

O. Schenina

**ТОПОЛОГИЯ
ЦИФРОВИЗАЦИИ
ПРОСТРАНСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

**TOPOLOGY OF
DIGITALIZATION OF THE
SPACE OF POLITICAL
RELATIONS**

Аннотация

Целью статьи является исследование пространства политических отношений в контексте цифровизации на основе применения методов топологии. Обращение специалистов в области социально-гуманитарного знания к методологии топологии позволяет выявить новые грани процессов и явлений на принципах междисциплинарного синтеза. Изучение эволюции становления сетевого общества связано с попытками обновления и пересмотра методологии ряда социально-гуманитарных наук. Цифровизация практически всех сфер общественной жизни ставит в повестку дня вопрос научного поиска объяснительных моделей, теорий, идей для ее анализа. Наряду с цифровизацией, не менее значимы в рамках рассматриваемой темы и процессы информатизации и сетевизации, во многом преобразующие социальную действительность и формирующие новую реальность.

В статье рассматриваются ряд теоретико-методологических подходов изучения пространства политических отношений. В работах Г. Зиммеля, А. Лefевра, М. Фуко представлены новые ракурсы к изучению подходов к социальному пространству, а их применение позволяет проанализировать пространство политических отношений сетевого общества. Обосновывается актуальность применения методов топологии к анализу пространства политических отношений в условиях цифровизации на базе трудов К. Левина и П. Бурдьё, а также на основе идеи социальной топологии Дж. Ло.

В процессе изучения различных аспектов развития политических отношений автор статьи использует также методы контент-анализа, сетевого подхода, дискурс-

Abstract

The purpose of the article is to study the space of political relations in the context of digitalization based on the use of topology methods. The appeal of specialists in the field of social and humanitarian knowledge to the methodology of topology allows us to identify new facets of processes and phenomena based on the principles of interdisciplinary synthesis. The study of the evolution of the formation of a network society is associated with attempts to update and revise the methodology of a number of social sciences and humanities. Digitalization of almost all spheres of public life puts on the agenda the issue of scientific search for explanatory models, theories, ideas for its analysis. Along with digitalization, the processes of informatization and networking are no less significant within the framework of the topic under consideration, which in many ways transform social reality and form a new reality.

The article discusses a number of theoretical and methodological approaches to the study of the space of political relations. It is shown that the works of G. Simmel, A. Lefebvre, M. Foucault present new perspectives to the study of approaches to social space, and their application allows us to analyze the space of political relations of a network society. The relevance of the application of topology methods to the analysis of the space of political relations in the conditions of digitalization is substantiated on the basis of the works of K. Levin and P. Bourdieu, as well as on the basis of the idea of D. Lo's social topology.

анализа, системного подхода. Автор приходит к выводу о том, что цифровизация оказывает значительное влияние на общественные отношения, в том числе и политические. Одной из сторон эффектов цифровизации является преобразование пространства политического и во многом мира политики в целом. Применение топологической оптики для анализа столь сложных процессов позволяет исследователю выявить их сущность и приблизиться к пониманию их смыслов.

In the process of studying various aspects of the development of political relations, the author also uses the methods of content analysis, network approach, discourse analysis, system approach.

The author comes to the conclusion that digitalization has a significant impact on public relations, including political ones. One of the sides of the effects of digitalization is the transformation of the political space and, in many ways, the world of politics as a whole. The use of topological optics for the analysis of such complex processes allows the researcher to identify their essence and get closer to understanding their meanings.

Ключевые слова:

политические отношения, цифровизация, топология, пространство, методология, информационное общество, сетевое общество.

Key words:

political relations, digitalization, topology, space, methodology, information society, network society.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-35-50>

В условиях глобальной турбулентности современного мира актуализируются вопросы поиска объяснительных моделей происходящих перемен на основе сопряжения методологий ряда социально-гуманитарных наук. Вместе с тем использование методов математики (и топологии как одного из ее разделов) в области социально-гуманитарного знания позволяет расширять спектр исследований пространства политики. Поскольку топология относится к области «неколичественной (качественной, реляционной) математики, что как нельзя лучше соответствует природе изучаемых гуманитарными науками объектов и явлений» [23, с. 103].

Специалисты обращают внимание на то, что наступает эпоха смены научных парадигм под влиянием ускорения динамики социальных и политических трансформаций. Гибридный характер текущих процессов также оказывает существенное влияние на конструирование новой реальности. Кроме того, изменения конфигураций современного мира связаны с этапами становления сетевого общества и его эволюции, проявляющиеся в информатизации, сетевизации, цифровизации.

Цифровизация практически всех сфер общественной жизни ставит в повестку дня вопрос научного поиска теорий, идей для ее анализа. Исследо-

ватели отмечают, что цифровизация носит «гуманитарно-технический характер», а также указывают на вероятностный («описательный, предположительный») аспекты ее изучения специалистами [28, с. 16].

Наряду с цифровизацией, не менее значимы в рамках рассматриваемой темы и процессы информатизации и сетевизации, во многом преобразующие социальную действительность и формирующие новую реальность.

Целью статьи является исследование пространства политических отношений в контексте цифровизации на основе применения методов топологии. Обращение специалистов в области социально-гуманитарного знания к методологии топологии позволяет выявить новые грани процессов и явлений на принципах междисциплинарного синтеза [2; 6; 7; 8; 25; 27]. В статье рассматриваются ряд теоретико-методологических подходов к изучению пространства политических отношений. Показано, что в работах Г. Зиммеля, А. Лефевра, М. Фуко представлены новые ракурсы к изучению подходов к социальному пространству, а их применение в контексте современных реалий позволяет проанализировать пространство политических отношений сетевого общества. Обосновывается востребованность применения методов топологии к анализу пространства политических отношений в условиях цифровизации на базе трудов К. Левина и П. Бурдьё, а также на основе идеи социальной топологии Дж. Ло.

В процессе изучения различных аспектов развития политических отношений автор статьи использует методы контент-анализа, сетевого подхода, дискурс-анализа, системного подхода. Представляется, что на основе методологического синтеза методов политологии и топологии происходит расширение арсенала средств, применяемых для анализа новой реальности.

Автор приходит к выводу о том, что цифровизация оказывает значительное влияние на общественные отношения в том числе и политические. Одной из сторон эффектов цифровизации является преобразование пространства политического и во многом мира политики в целом. Применение топологической оптики для анализа столь сложных процессов позволяет исследователю выявить их сущность и приблизиться к пониманию их смыслов.

Методология топологии начинает активно применяться в области социально-гуманитарного знания еще в прошлом столетии. По мнению специалистов, в разных областях научного знания на рубеже XX-XXI вв. проявляется тенденция «междисциплинарного совмещения научных интересов» [22, с. 9].

В этой связи следует отметить, что расширяющийся спектр исследования современных общественных и технологических процессов на основе научного поиска в области интеграции методов их познания позволяет приблизиться к пониманию и трактовке многообразия современного мира. Возможности использования не только методов политических наук, политических субдисциплин в контексте анализа новой реальности, но и применение топологической оптики позволяет предложить инновационные трактовки сложных, нелинейных, во многом неопределенных процессов действительности [34, с. 20]. Процессы становления сетевого в своей основе информационного общества разворачиваются на фоне перехода к антропогенной цивилизации, от пятого к шестому технологическому укладу, а также, как упоминалось выше, продолжающихся цифровизации, сетевизации, информатизации.

В контексте рассматриваемой в статье проблемы представляется необходимым упомянуть об активном использовании специалистами методов топологии в области философии, лингвистики, социологии, социальной психологии, антропологии и др. Вероятно в этой связи в научном дискурсе появляется идея о том, что топология может быть предложена в качестве «новой парадигмы гуманитарного знания» [23, с. 102].

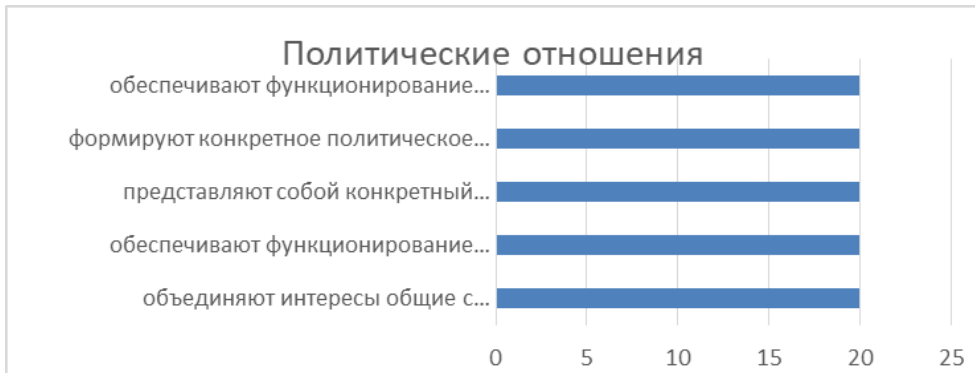
На наш взгляд наиболее органично использование методов топологии в политических науках для исследования политических отношений и политических коммуникаций. Поскольку пространство политического в разных его проявлениях формируется и модифицируется практически одновременно в двух реальностях (виртуальной и социальной), оно существенно преобразует политические отношения, а также форматы коммуникаций в целом и политических коммуникаций в частности. Виртуальное пространство политических отношений складывается в том числе и на основе политических сетей, а также сетей политических отношений. Они характеризуются не только многообразием субъектов, их связей и отношений, но и новыми проявлениями их коммуникативной и коммуникационной составляющих [19, с. 136].

Топология политических отношений может быть охарактеризована на основе применения основных концептов топологии как науки. К ним относится прежде всего понятие пространства, в котором происходят интеракции политических акторов и субъектов. Политические отношения будем рассматривать как многоуровневый комплекс взаимодействий, реализуемых в пространстве политики, постоянно изменяющий свою конфигурацию, контуры и политический контент.

В этой связи необходимо обратиться к определению топологии, которое было сформулировано еще в 1847 году основоположником этой науки немецким математиком И. Листингом: «Под топологией будем понимать учение о модальных отношениях пространственных образов, или о законах связности, взаимного положения и следования точек, линий, поверхностей, тел и их частей или их совокупности в пространстве, независимо от отношений мер и величин» [15, с. 35].

Еще одним ключевым понятием топологии в том числе и политической является понятие формы. Например, в сетевом обществе возможна трактовка «топологической формы» на основе применения дефиниции «конфигурации сетевых акторов» [5, с. 128]. В условиях сетевого общества возрастает роль и значение в политических отношениях сетевых акторов: государств и негосударственных участников, сетевых сообществ [12; 13; 17; 20]. В этой связи следует обратить внимание на коммуникации между сетевыми акторами, многоуровневость связей и отношений между ними, поскольку, по мнению М. Кастельса, «коммуникационная власть находится в сердце структуры и динамики общества» [10, с. 20; 29].

Диапазон форм политических отношений чрезвычайно обширен, ведь их реализация в пространстве политики связана с многообразными условиями формирования и функционирования, например, уровнями государственного устройства: федеральный, региональный и местный. Политические отношения рассматриваются и как механизм реализации интересов и потребностей граждан, социальных групп, гражданского общества в сфере взаимодействия с органами государственной власти (формы политического участия и политической деятельности). Либо как способ функционирования политических институтов в мире политики, а также политической системы общества в целом. Например, И.И. Санжаревский предлагает следующие подходы к трактовке политических отношений (диаграмма 1) [26, с. 3].

Диаграмма 1. Подходы к трактовке политических отношений [26, с. 3]

Существует множество трактовок политических отношений на основе выделения всевозможных критериев, однако применение топологической оптики исследования политических отношений позволяет выявить полиморфизм их форм.

Следует подчеркнуть, что впервые предпринимается попытка изучения форм в топологическом ракурсе в работах французского математика Р. Тома, которые были посвящены биологии и лингвистике. В работах «Структурная устойчивость и морфогенез», «Топология и лингвистика» Р. Том рассматривает биологические и морфологические конструкты с точки зрения их генезиса и деформации форм в пространстве, применяя топологические методы исследования [29; 30, с. 199–221]. Оригинальный исследовательский подход в области нематематических наук на основе применения концепта «топологическое пространство» предложенный Р. Томом, получил дальнейшее развитие в общественных и гуманитарных науках.

Теоретико-методологические основы топологии начинают активно применяться в XX веке и в других областях знания. Например, К. Левин в работе «Принципы топологической психологии» исследует социальное пространство и предлагает концепцию психологического поля [35, с. 360; 14, с. 313]. И это одна из первых работ, появление которой свидетельствует о становлении и эволюции социальной топологии «в качестве учения о роли и значении положения социальных объектов в пространстве» [6, с. 45].

Следовательно, в области социальной психологии К. Левин на основе сформулированных им принципов топологической психологии исследует соци-

альное пространство, предлагает теорию поля, а также анализирует формы взаимодействий в пространстве социального. К. Левин проводит топологический анализ социального пространства на основе применения методологии топологии, а предложенные им методологические новации нашли отражение в области социальной философии, а затем и ряде других социально-гуманитарных наук. Таким образом, в XX в. происходит расширение спектра областей научного знания, где находят применение теория и методы топологии.

Эти идеи получают свое развитие и в теории социального поля П. Бурдьё, в его исследованиях социального и политического пространства, которые во многом изменили исследовательские подходы к оценке роли пространства в целом. Например, социальное пространство рассматривается как пространство сообществ, в котором формируются различные конфигурации акторов на коммуникативной основе. Применение топологической оптики в процессе их анализа позволяет выявить новые грани социального пространства, «социального мира» как «многомерного пространства» [1, с. 15]. Таким образом, социальная топология предлагает для анализа процессов и явлений широкий методологический спектр, позволяющий в многообразных ракурсах исследовать социум.

Попытку методологического синтеза направлений исследования пространства и форм предпринимает Дж. Ло, который предлагает концепцию «социальной топологии», рассматриваемой им в ракурсе пространственной множественности пространственных объектов. Таким образом, происходит расширение спектра изучения социально-политических процессов и явлений на основе методологии топологии. Основными понятиями топологии являются: явления континуальности (непрерывности), морфогенез (появление новых форм), гомеоморфность (в процессе деформации сохранение свойств), пространство, формы. Вместе с тем «основная идея топологии – это отвлечение от положения, величины и формы геометрических фигур: изучаются лишь те их свойства, которые сохраняются при... непрерывных преобразованиях их» [15, с. 16].

Перейдем к рассмотрению понятия пространства на основе применения методов топологии в контексте анализа процесса цифровизации.

Понятие пространства относится к числу достаточно распространенных в самых разных областях наук. Его востребованность обусловлена широким диапазоном исследовательского спектра в области естественных, математических, социально-гуманитарных наук. Прежде всего оно относится к гео-

графии (географические аспекты пространства) и именно с этой дефиницией связаны многочисленные попытки поиска инновационных объяснительных моделей действительности.

Информационное общество привносит новые смыслы понимания пространства, поскольку информационное пространство во многом преобразует жизнедеятельность каждого человека и общества в целом. Кроме того, невозможно представить современный социум без образовательного пространства, городского и локального пространств и т.д. Медиапространство фактически является средой существования любого из нас, средой коммуникаций и общения, дискурсов и смыслов, опосредованных технологической составляющей. Оно постоянно изменяет конфигурации под влиянием информационных потоков, создавая тем самым особое пространство, которое имеет множество граней. Таким образом, медиапространство сетевого общества выступает неотъемлемым структурным элементом новой социальной реальности.

Пространственный вектор анализа процессов и явлений в политической, экономической, социальной, социокультурной сферах позволяет выявить глубинную сущность многих процессов и явлений, в том числе цифровизации, сетевизации, информатизации. «Наиболее проработанным топологическим взглядом в науках о человеке и обществе является пространственный вектор топологии» [5, с. 125].

Однако только в прошлом столетии исследовательские подходы к трактовке пространства начинают изменяться, специалисты в разных областях знания обращают пристальное внимание на роль пространства в процессе анализа событий, процессов, явлений. Прежде всего эта тематика становится актуальной для социальной философии, антропологии, экономических и политических наук. В научном дискурсе в 80-е годы XX века появляется дефиниция «топологический поворот», поскольку «представители самых разных дисциплин все чаще стали говорить о том, что пространство имеет значения для понимания множества социальных и культурных феноменов» [33, с. 129].

Например, идеи Ф. Ратцеля и Х.Дж. Маккиндера во многом изменили наши представления о пространстве, предложив инновационные, широкие трактовки этого концепта. Г. Зиммель предлагает новый подход к интерпретации пространства и обосновывает его «пространственные качества», а также рассматривает «пространственные образования» в ракурсе взаимовлияния общества и пространства [37, с. 132-183].

Инновационный подход к этой проблематике предложили А. Лефевр и М. Фуко на основе изучения влияния пространства на социальные отношения, анализируя пространственное мышление и пространственные практики. Независимо друг от друга они пришли к сходным выводам о влиянии пространства на социальные отношения, то есть об «общественно- или социально-производимом пространстве» [16, с. 170]. В новом понимании пространства, предлагаемым А. Лефевром и М. Фуко, важную роль играет пространственное мышление, а также «пространственная практика». Таким образом, в контексте рассматриваемых исследовательских подходов пространство может изучаться как социальный капитал и социальный ресурс общества.

Обратимся к еще одной трактовке пространства на основе топологического подхода в рамках междисциплинарного синтеза. «Топологическое пространство – фундаментальный вид абстрактных пространств, формализующий понятия непрерывности, предельного перехода (сходимости) и близости между точками пространства» [2, с. 87]. Значительный исследовательский интерес в области социально-гуманитарного знания вызывает пространство цифровизации, рассматриваемое не только с технологической ее составляющей, но и на основе учета социально-политических, экономических, социокультурных аспектов.

Топологическое пространство цифровизации представляет собой многокомпонентный, многоуровневый комплекс связей, коммуникаций, отношений во всех их проявлениях, обеспечиваемых современными информационно-коммуникационными технологиями.

Поскольку в рамках рассматриваемой темы основное внимание уделяется политической сфере, в частности политическим отношениям, следует отметить, что цифровизация существенно изменяет пространство политических отношений, а также политики в целом. Исследователи отмечают, что «использование цифровых технологий в политике рассматривается через призму двух дискурсов: цифровизации политики как распространения технологий на политические отношения и политики цифровизации, связанной с политическим управлением развитием цифровых технологий в экономике и социальной сфере» [11, с. 47].

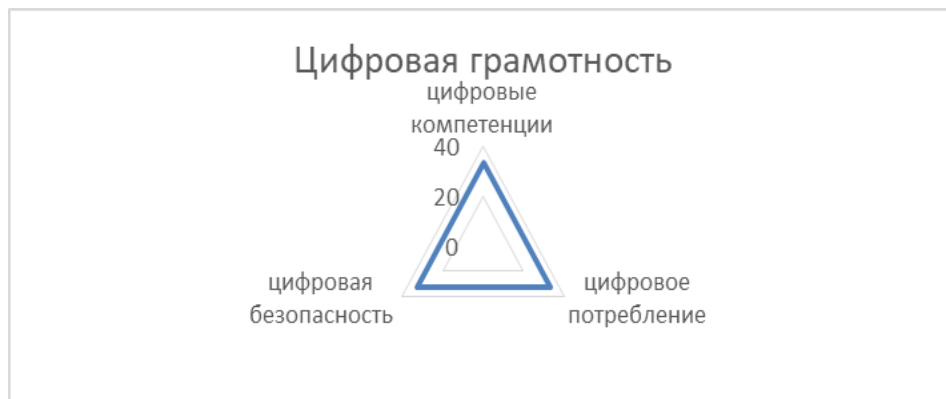
Остановимся на основных изменениях, которые цифровизация привносит в нашу жизнь, в том числе в политическую сферу. Прежде всего, это формирование цифрового государства на основе «цифровизации государственного управления» [4, с. 253].

Представляется, что цифровизация – это один из важных элементов «Великой перезагрузки» по К. Швабу [36, с. 212] современного мира, которая началась под влиянием пандемии COVID-19 и значительно ускоряется на современном этапе общественного развития. Однако исследователи этого сложного и динамично развивающегося процесса обращают внимание на вызовы и риски цифровизации «сопряженных с форсированной цифровизацией гуманитарной сферы» [18, с. 29].

С одной стороны, цифровизация – один из процессов общественного развития на этапе становления сетевого общества наряду со сетевизацией и информатизацией. С другой стороны, она выступает как один из глобальных проектов современного государства, при этом цифровая трансформация различных сфер преобразует жизнь каждого из нас. Например, цифровизация государственных услуг, сфер образования, здравоохранения, труда и т.д. Кроме того, цифровая трансформация заявлена как одна из национальных целей развития России в Указе Президента РФ В.В. Путина [24].

Еще одна важная составляющая процесса цифровизации – необходимость овладения населением навыками работы в сфере информационно-коммуникационных технологий. С началом пандемии COVID-19 эти навыки оказались насущными, чрезвычайно востребованными и поэтому для многих людей их приобретение в кратчайшие сроки оказалось мерой вынужденной. Однако по данным результатов социологического опроса аналитического центра НАФИ 2021 года «Вынужденная цифровизация: исследование цифровой грамотности россиян в 2021 году» по шкале от 0 до 100 уровни информационной грамотности и коммуникативной грамотности россиян – 67%, по уровням цифровой безопасности и навыков решения проблем в цифровой среде – 65%, по уровню создания цифрового контента – 59% [3].

Обратимся к понятию цифровая грамотность (диаграмма 2), которое характеризует один из новых видов грамотности современного человека и включает три элемента: цифровые компетенции, цифровая безопасность и цифровое потребление в соответствии с Индексом цифровой грамотности граждан Российской Федерации [9].

Диаграмма 2. Индекс цифровой грамотности граждан Российской Федерации [9]

Спектр компетенций современного человека представляет собой широкую палитру знаний, умений и навыков (так называемые навыки XXI века), которые реализуются в разных сферах жизни. Например, в области экономики доля населения РФ, которая обладает цифровой грамотностью, в 2024 году должна составлять 40% в соответствии с национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации» [21].

Что же касается доли населения, обладающего высоким уровнем цифровой грамотности в современной России, то к этой категории относится около трети населения страны – 27% (по данным результатов исследования аналитического центра НАФИ «Цифровая грамотность россиян: исследование 2020» (2018-2020 гг.) [32].

Безусловно, эти навыки цифровой грамотности активно применяются в политической сфере, поскольку цифровизация изменяет модели, формы, каналы взаимодействия по линии власть - гражданское общество - граждане (например, цифровизация государственных услуг).

На основании анализа результатов рассматриваемых исследований возможно сделать вывод о достаточно высоком уровне цифровой грамотности населения современной России. Таким образом, цифровая среда становится неотъемлемой частью среды обитания современного человека, а цифровое пространство выступает как часть пространства каждого из нас, то есть является частью реального пространства.

Применяя топологическую оптику в процессе анализа цифрового пространства, ряд специалистов разделяют понятия цифровое пространство, онлайн-пространство, виртуальное пространство, киберпространство. В заключении необходимо отметить, что цифровизация изменяет социально-политическое пространство, практики и их формы и для анализа этих перемен весьма успешно может быть применена методология топологии.

Обращение к топологическому ракурсу изучения процессов и явлений позволяет исследователям в разных областях знания выявить их новые грани в условиях турбулентности, неопределенности развития. Следует упомянуть и о сложности диагностики возрастающих по экспоненте рисков и угроз при кардинальных изменениях системы не только международных отношений, свидетелями которых мы являемся, но и общественных отношений в целом. В этих условиях новых вызовов применение методологии топологии позволит выявить контуры и смыслы происходящих трансформаций.

Литература

1. Бурдьё П. Социология социального пространства. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 288 с.
2. Вечтомов Е.М., Варанкина В.И., Лубягина Е.Н. Изучение топологической структуры // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. №2. С. 86-93.
3. Вынужденная цифровизация: исследование цифровой грамотности россиян в 2021 году. URL: <https://clck.ru/397Coz> (дата обращения 04.01.2024).
4. Гаман-Голутвина О.В., Сморгунов Л.В., Тимофеева Л.Н. Траектории политического развития России // Власть. 2020. №4. С. 253-258.
5. Заякина Р.А. Генезис топологических воззрений в сетевом подходе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. №41. С. 124-130.
6. Заякина Р.А. Роль топологии в исследовании социальных объектов: вчера, сегодня, завтра // Идеи и Идеалы. 2017. №3(33). Т. 2. С. 41-62.
7. Заякина Р.А. Топологические представления в реляционной сетевой теории // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. №10(392). Философские науки. Вып. 42. С. 78–83.
8. Ильин С.Е. Социальная топология после акторно-сетевой теории: проблемы и перспективы // Философская мысль. 2017. №12. С. 1-18.
9. Рассаднев Э.С., Осипенко А.А., Лубянков А.С. Цифровая грамотность населения как фактор развития цифровой экономики в России // Вестник Пермского университета. Серия: Математика. Механика. Информатика. 2021. №1 (52). С. 75-80.

10. Кастельс М. Власть коммуникации. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
11. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 47–68.
12. Лебедева М.М. Акторы в международных отношениях и мировой политике / Современная наука о международных отношениях за рубежом. Хрестоматия в 3-х томах, под общей редакцией И.С. Иванова. Москва: РСМД, 2016. Т. 2. С. 10-17.
13. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №1(28). С. 38-42.
14. Левин К. Теория поля в социальных науках. Москва: Академический проект, 2019. 313 с.
15. Листинг И.Б. Предварительные исследования по топологии. Москва–Ленинград: Гостехиздат, 1932. 119 с.
16. Макогон Т.И. «Пространственный поворот» и возможность инновационных подходов в социально-философском дискурсе // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. №6. С. 167-172.
17. Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А., Ячменник К.В. «Новые» сетевые акторы развития локальной политики в условиях современной России // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. №1. С. 150-163.
18. Михайленок О.М., Малышева Г.А. Пандемия COVID-19 – новый этап цифровой трансформации общества // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. №1. С. 28-39.
19. Михайленок О.М., Щенина О.Г., Ляхов В.П., Максимов М.В. Сетевое измерение политических отношений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство, право и управление. 2019. №7(110). С. 135-138.
20. Най Дж., Кохэн Р. Транснациональные отношения и мировая политика / Теория международных отношений: Хрестоматия / под ред. П.А. Цыганкова. Москва: Гардарики, 2003. С. 147-152.
21. Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» от 04.06.2019 года. URL: <https://digital.ac.gov.ru/materials/passport/> (дата обращения 04.01.2024).
22. Политическая наука в поисках нового мышления // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6. №1. С. 6-11.
23. Полубиченко Л.Б. Топологическая парадигма гуманитарного знания: миф или реальность? // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. №4. С. 102-117.
24. Путин В.В. Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» 21 июля 2020 года. URL: <https://clck.ru/397CoZ> (дата обращения 04.01.2024).
25. Савчук В.В. Топологическая рефлексия. Москва: Канон-Плюс, 2012. 416 с.

26. Санжаревский И.И. Проблема пропорциональности в системе политических отношений в обществе: дис. ... д. полит. н. Саратов, 2004. 296 с.

27. Сетевизация политических отношений в условиях новой реальности / отв. ред. О.М. Михайленок, А.В. Назаренко. Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. 382 с.

28. Сморгун Л.В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. 2021. №3. С. 13-36.

29. Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез. Москва: Логос, 2002. 288 с.

30. Том Р. Топология и лингвистика // Успехи математических наук. 1975. Т. 30. №1(181). С. 199-221.

31. Фронтр сетевго общества как пространство политического взаимодействия / М.Т. Гандалоева, И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова, Н.В. Плотицкина, Н.А. Рябченко, М.В. Тершина, К.В. Ячменник. Краснодар: Перспективы образования, 2017. 272 с.

32. Цифровая грамотность россиян: исследование 2020. URL: <https://clck.ru/397Cny> (дата обращения 04.01.2024).

33. Шалаева А.В. О трансформации понятия пространства в гуманитарных дисциплинах в контексте *topologische Wende* // Труды БГТУ. 2016. №5. С. 129-132.

34. Щенина О.Г. Топологический ракурс исследования политического // Политическое в условиях цифровых трансформаций / Сморгун Л.В., Курочкин А.В., Игнатьева О.А. Москва: Аспект Пресс, 2022. С. 17-26.

35. Lewin K. Principles of topological psychology. New York-London: McGraw-Hill, 1936. 360 p.

36. Schwab K., Malleret T. COVID-19: the great reset. World Economic Forum. Geneva, 2020. 212 p.

37. Simmel G. Soziologie des Raumes // Georg Simmel, Gesamtausgabe. Bd.7. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. 1995. P. 132-183.

References

1. Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2007. 288 s.

2. Vechtomov E.M., Varankina V.I., Lubyagina E.N. Izuchenie topologicheskoi struktury. Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2014. №2. S. 86-93.

3. Vynuzhdennaya tsifrovizatsiya: issledovanie tsifrovoy gramotnosti rossiyan v 2021 godu. URL: <https://nafi.ru/analytics/vynuzhdennaya-tsifrovizatsiya-issledovanie-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-v-2021-godu/> (data obrashcheniya 04.01.2024).

4. Gaman-Golutvina O.V., Smorgunov L.V., Timofeeva L.N. Traektorii politicheskogo razvitiya Rossii. Vlast'. 2020. №4. S. 253-258.

5. Zayakina R.A. Genezis topologicheskikh vozzrenii v setevom podkhode. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2018. №41. S. 124-130.

6. Zayakina R.A. Rol' topologii v issledovanii sotsial'nykh ob"ektov: vchera, segodnya, zavtra. Idei i Idealy. 2017. №3(33). T. 2. S. 41-62.

7. Zayakina R.A. Topologicheskie predstavleniya v relyatsionnoi setevoi teorii. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. №10(392). Filosofskie nauki. Vyp. 42. S. 78–83.

8. Il'in S.E. Sotsial'naya topologiya posle aktorno-setevoi teorii: problemy i perspektivy. Filosofskaya mysl'. 2017. №12. S. 1-18.

9. Rassadnev E.S., Osipenko A.A., Lubyankov A.S. Tsifrovaya gramotnost' naseleniya kak faktor razvitiya tsifrovoi ekonomiki v Rossii. Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Matematika. Mekhanika. Informatika. 2021. №1 (52). S. 75-80.

10. Kastel's M. Vlast' kommunikatsii. Moskva: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016. 564 s.

11. Kon'kov A.E. Tsifrovizatsiya politiki vs politika tsifrovizatsii. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. T. 13. Vyp. 1. S. 47–68.

12. Lebedeva M.M. Aktory v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i mirovoi politike / Sovremennaya nauka o mezhdunarodnykh otnosheniyakh za rubezhom. Khrestomatiya v 3-kh tomakh, pod obshchei redaktsiei I.S. Ivanova. Moskva: RSMD, 2016. T. 2. S. 10-17.

13. Lebedeva M.M. Aktory sovremennoi mirovoi politiki: trendy razvitiya. Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013. №1(28). S. 38-42.

14. Levin K. Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh. Moskva: Akademicheskii proekt, 2019. 313 s.

15. Listing I.B. Predvaritel'nye issledovaniya po topologii. Moskva–Leningrad: Gostekhizdat, 1932. 119 s.

16. Makogon T.I. «Prostranstvennyi povorot» i vozmozhnost' innovatsionnykh podkhodov v sotsial'no-filosofskom diskurse. Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2012. T. 321. №6. S. 167-172.

17. Miroshnichenko I.V., Ryabchenko N.A., Yachmennik K.V. «Novye» setevye aktory razvitiya lokal'noi politiki v usloviyakh sovremennoi Rossii. Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2017. №1. S. 150-163.

18. Mikhailenok O.M., Malysheva G.A. Pandemiya COVID-19 – novyi etap tsifrovoi transformatsii obshchestva. Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. T. 7. №1. S. 28-39.

19. Mikhailenok O.M., Shchenina O.G., Lyakhov V.P., Maksimov M.V. Setevoe izmerenie politicheskikh otnoshenii. Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo, pravo i upravlenie. 2019. №7(110). S. 135-138.

20. Nai Dzh., Kokhen R. Transnatsional'nye otnosheniya i mirovaya politika / Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: Khrestomatiya. pod red. P.A. Tsygankova. Moskva: Gardariki, 2003. S. 147-152.

21. Pasport federal'nogo proekta «Kadry dlya tsifrovoi ekonomiki» natsional'noi programmy «Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii» ot 04.06. 2019 goda. URL: <https://digital.ac.gov.ru/materials/passport/> (data obrashcheniya 04.01.2024).

22. Politicheskaya nauka v poiskakh novogo myshleniya. Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Tom 6. №1. S. 6-11.

23. Polubichenko L.B. Topologicheskaya paradigma gumanitarnogo znaniya: mif ili real'nost'? Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2017. №4. S. 102-117.

24. Putin V.V. Ukaz «O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda» 21 iyulya 2020 goda. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (data obrashcheniya 04.01.2024).

25. Savchuk V.V. Topologicheskaya refleksiya. Moskva: Kanon-Plyus, 2012. 416 s.

26. Sanzharevskii I.I. Problema proporsional'nosti v sisteme politicheskikh otnoshenii v obshchestve: dis. ... d. polit. n. Saratov, 2004. 296 s.

27. Setevizatsiya politicheskikh otnoshenii v usloviyakh novoi real'nosti / otv. red. O.M. Mikhailenok, A.V. Nazarenko. Moskva: FNISTs RAN, 2021. 382 s.

28. Smorgunov L.V. Tsifrovizatsiya i setevaya effektivnost' gosudarstvennoi upravl'yemosti. Politicheskaya nauka. 2021. №3. S. 13-36.

29. Tom R. Strukturnaya ustoichivost' i morfogenez. Moskva: Logos, 2002. 288 s.

30. Tom R. Topologiya i lingvistika. Uspekhi matematicheskikh nauk. 1975. T. 30. №1(181). S. 199-221.

31. Frontir setevogo obshchestva kak prostranstvo politicheskogo vzaimodeistviya / M.T. Gandaloeva, I.V. Miroshnichenko, E.V. Morozova, N.V. Plotichkina, N.A. Ryabchenko, M.V. Tereshina, K.V. Yachmennik. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya, 2017. 272 s.

32. Tsifrovaya gramotnost' rossiyan: issledovanie 2020. URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (data obrashcheniya 04.01.2024).

33. Shalaeva A.V. O transformatsii ponyatiya prostranstva v gumanitarnykh distsiplinakh v kontekste topologische Wende. Trudy BGTU. 2016. №5. S. 129-132.

34. Shchenina O.G. Topologicheskii rakurs issledovaniya politicheskogo. Politicheskoe v usloviyakh tsifrovyykh transformatsii / Smorgunov L.V., Kurochkin A.V., Ignat'eva O.A. Moskva: Aspekt Press, 2022. S. 17-26.

35. Lewin K. Principles of topological psychology. New York-London: McGraw-Hill, 1936. 360 p.

36. Schwab K., Malleret T. COVID-19: the great reset. World Economic Forum. Geneva, 2020. 212 p.

37. Simmel G. Soziologie des Raumes. Georg Simmel, Gesamtausgabe. Bd.7. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. 1995. P. 132-183.

И.М. Виноградова

I. Vinogradova

**ТЕХНОЛОГИЯ
ДИСТАНЦИОННОГО
ЭЛЕКТРОННОГО
ГОЛОСОВАНИЯ
В РОССИИ: ОПЫТ
РЕАЛИЗАЦИИ
И ДАЛЬНЕЙШИЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ**

**REMOTE ELECTRONIC
VOTING TECHNOLOGY
IN RUSSIA:
IMPLEMENTATION
EXPERIENCE AND
FUTURE PROSPECTS**

Аннотация

На основании историко-сравнительного метода в статье выделены основные этапы внедрения дистанционного электронного голосования в России с 2019 по 2023 годы. Проведён политико-правовой анализ нормативно-правовой базы, регулирующей внедрение и применение дистанционных электронных технологий на выборах в России.

На основании теоретического анализа ряда исследований, оценок научного и экспертного сообществ, применяя диалектический метод исследования, выявлены основные преимущества и недостатки использования дистанционного электронного голосования в России, предложен ряд аргументированных тезисов в опровержение устойчивых представлений о недостатках российского дистанционного электронного голосования.

Проведена эмпирическая проверка гипотезы о влиянии дистанционного электронного голосования на рост общей явки избирателей, в том числе с помощью сопоставительно-институционального анализа на основе данных о международном опыте применения дистанционного голосования в ряде иностранных государств. Предпринят кросстемпоральный сравнительный анализ 28 избирательных кампаний в период с 2019 по 2023 гг. в разных регионах России. Результатом анализа стал вывод об отсутствии сильной корреляции дистанционного электронного голосования и роста общей явки избирателей, однако для полноценной проверки гипотезы о подобном влиянии дистанционного электронного

Abstract

Based on the historical and comparative method, the article highlights the main stages of the introduction of remote electronic voting in Russia from 2019 to 2023. A political and legal analysis of the regulatory framework governing the introduction and use of remote electronic technologies in elections in Russia has been carried out.

Based on the theoretical analysis of a number of studies, assessments of scientific and expert communities, using the dialectical method of research, the main advantages and disadvantages of using remote electronic voting in Russia are identified, a number of reasoned theses are proposed to refute the stable ideas about the shortcomings of the Russian REV (remote electronic voting).

An empirical test of the hypothesis about the impact of REV on the growth of overall voter turnout was carried out, including using comparative institutional analysis based on data on international experience in the use of remote voting in a number of foreign countries. A cross-temporal comparative analysis of 28 election campaigns in the period from 2019 to 2023 in different regions of Russia was undertaken. The result of the analysis was the conclusion that there is no strong correlation between REV and the growth of total voter turnout, however, to fully test the hypothesis of a similar effect of REV on electoral behavior of voters, a longitudinal analysis of the dynamics of turnout in the same elections using REV

голосования на электоральное поведение избирателей требуется применение лонгитюдного анализа динамики явки на одних и тех же выборах с применением дистанционного электронного голосования в течение нескольких избирательных циклов. Также в статье рассмотрены тенденции и перспективы развития дистанционного электронного голосования в России, предложены рекомендации для повышения эффективности дистанционного электронного голосования в разрезе его влияния на формирование нового типа электорального поведения избирателей.

over several election cycles is required. The article also examines trends and prospects for the development of remote electronic voting in Russia, and offers recommendations for improving the effectiveness of REV in terms of its impact on the formation of a new type of electoral behavior of voters.

Ключевые слова:

дистанционное электронное голосование, интернет-голосование, ДЭГ, явка избирателей, выборы.

Key words:

remote electronic voting, Internet voting, i-voting, voter turnout, elections.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-51-76>

Одним из основных элементов современного политического процесса России являются выборы, соответствующие международным избирательным стандартам: прозрачность, гласность, свободное и добровольное участие, всеобщность, принцип равенства, тайность и другие, закрепленные в Декларации о критериях свободных и справедливых выборов, принятой Советом Межпарламентского союза в 1994 году. В современных реалиях перехода России к стадии развития информационного общества, еще одним постепенно внедряющимся стандартом избирательного процесса является его цифровизация как элемента «электронной демократии» (e-democracy) [18], «механизм обеспечения политической коммуникации, основанный на применении сетевых компьютерных технологий, способствующий реализации принципов народовластия и позволяющий привести политическое устройство в соответствие с реальными потребностями становящегося информационного общества» [9].

Цифровизация избирательного процесса является частью цифровизации политики как устойчивого процесса перехода реалии интернета и превращения его в наиболее значимый источник информации и средство коммуникации для современного человека [27]. Цифровизация избирательного процесса – это повсеместное внедрение различных технологий, позволяющих автоматизировать сбор и обработку информации, подсчет голосов, подведение результатов и иные действия, совершаемые в рамках избирательного процесса [8, с. 130].

В трудах исследователей электронное голосование рассматривается с разных сторон. В.И. Федоров определяет электронное голосование как «совокупность различных способов волеизъявления избирателя, каждый из которых предполагает подсчет голосов без участия человека, с помощью специальных программно-технических устройств» [25]. Также электронное голосование понимают в более широком смысле как «направление электронной демократии, являющееся комплексным и информационно обусловленным, подразумевающее реализацию народовластия, выражение власти народа путем принятия важных для общества и государства решений посредством процедуры выборов» [4]. В этой дефиниции отсутствует конкретика в отношении применяемых электронных избирательных средств и процедур, но подчеркивается, что электронное голосование должно соответствовать демократическим принципам. В Федеральном законе от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» электронное голосование определяется как «голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием технического средства».

Зачастую в российской практике понятия «электронного» и «дистанционного» голосования путаются, так Ю.В. Митяева [17, с. 13] в рассматриваемом вопросе отождествляет понятия «электронное голосование» и «дистанционное голосование», так как они позволяют не привязывать волеизъявление граждан к фактическому месту нахождения. Однако, опираясь на мировую практику такое отождествление не является корректным. Понятие электронного голосования включает в себя широкий спектр видов голосования с применением технических средств (электронные машины для голосования, комплексы электронного голосования и т.д.), применяемые, в том числе, и на избирательных участках. В англоязычных источниках данный вид голосования называется «electronic voting» или сокращенный его вариант «e-voting». Более узким понятием в рамках электронного голосования является «интернет-голосование» (также используются термины «дистанционное электронное» или «онлайн» голосование), соответственно «remote e-voting via the Internet» или «i-voting», особенностью которого является осуществления волеизъявления дистанционно через сеть Интернет с помощью компьютеров, смартфонов или планшетов. Важно отметить, что дистанционное голосование не всегда является электронным, так как могут применяться дистанционные, но не электронные технологии голосования, таковым,

например, является «почтовое голосование» («postal voting»), используемое в нескольких штатах США, Швейцарии, а также в четырех регионах Соединенного Королевства на выборах в Европейский парламент 2004 года и ряде других стран.

Электронное голосование не является новинкой в мировых электронных процессах. Оно внедрено в избирательные практики разного уровня (региональные, местные) более чем в 40 странах, а на общенациональных выборах применяется в Швейцарии (было приостановлено в 2019 году и внедрено вновь в 2023 году на платформе Swisfrom Post), России и Эстонии, также предусмотрено в законодательстве Бельгии, Бразилии, Венесуэлы, Бутана, Филиппин, Кыргызстана, Монголии и Намибии [23, с. 118]. Однако интернет-голосование ещё не является массовым политическим явлением. Одной из первых стран, применившей i-voting, стала Эстония, в которой в 2005 году оно было апробировано на муниципальных выборах, а в 2007 году на парламентских. В интернет-голосовании существует особый тип, применяющий технологии «избирательного блокчейна» – принцип распределенного хранения информации на электронных носителях без возможности ее изменения [3, с. 11]. Именно эта технология применяется российским ДЭГ с 2019 года. Технология интернет-голосования с применением блокчейн-технологий применялась на выборах в рамках проекта швейцарской стартап-компании «Agora Voting» на праймериз в Испании и в 2018 году на президентских выборах в Сьерра Леона, на других платформах апробировано на местных выборах в Швейцарии, в 2018 году на голосовании в Западной Вирджинии, штате США, на платформе Voatz, с 2019 года работает в Эстонии.

Цифровизация избирательного процесса в России прошла несколько стадий: внедрение ГАС «Выборы» в 1995 году, начало использования Комплексов обработки избирательных бюллетеней (КОИБ) в 1996 году, апробирование Комплекса электронного голосования (КЭГ) в 2006 году, использование технологии QR-кодирования протоколов в 2017 году, создание цифровых избирательных участков в 2019 году [15]. Современный этап цифровизации выборов в России – внедрение дистанционного электронного голосования (далее – ДЭГ). Исследователи выделяют следующую шестиступенчатую эволюцию электронного голосования (ЭГ) в России: 1) экспериментальное ЭГ на избирательных участках в субъектах РФ, не имеющее юридически обязательного значения; 2) электронное голосование на избирательных участках в субъектах РФ с юридически обязательным значением; ЭГ на из-

бирательных участках на федеральных выборах с юридически обязательным значением; экспериментальное ДЭГ в субъектах РФ, не имеющее юридически обязательного значения; ДЭГ в субъектах федерации с юридически обязательным значением; ДЭГ на федеральных выборах с юридически обязательным значением [26, с. 158].

В статье рассматривается один из типов электронного голосования – дистанционное электронное голосование (i-voting), не предполагающее очного нахождения избирателя на избирательном участке для осуществления волеизъявления с помощью специальных технических устройств через сеть Интернет. В соответствии с Федеральным законом от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» дистанционное электронное голосование определяется как «голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения».

Особенности и этапы развития российского интернет-голосования

Процедура ДЭГ в России заключается в следующих этапах: избиратель подает заявление через электронный портал (в московском эксперименте с 2019 года им выступал Портал государственных и муниципальных услуг города Москва, муниципальный аналог Единого портала государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), на федеральных выборах предполагается использование непосредственно ЕПГУ), после чего система проверяет наличие активного избирательного права (соотносит данные пользователя с электронным аналогом списка избирателей) и передает информацию в соответствующие избирательные комиссии о включении избирателя в список для электронного голосования и исключении избирателя из соответствующих списков на избирательном участке по месту жительства.

Комплекс ДЭГ представляет совокупность специализированных информационных технологий и цифровых платформ (ГАС «Выборы», Цифровая платформа, программно-технический комплекс ДЭГ, Единый портал государственных услуг, единая система идентификации и аутентификации), которые обеспечивают защищенную передачу результатов голосования каждого избирателя.

Одним из ключевых процессов в российском ДЭГ является принцип анонимизации, закреплённый в Постановлении ЦИК РФ от 08 июня 2022 года №86/716-8 «О порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем», представляющий собой процедуру, обеспечивающую посредством программно-технических решений и организационных мер невозможность установления связи между персональными данными избирателя или участника референдума и сохраняемым результатом его волеизъявления. Анонимизированные результаты волеизъявления «электронных» избирателей незамедлительно зашифровываются и сохраняются как цепочка блоков информации в распределенной базе данных программно-технического комплекса ДЭГ (ПТК ДЭГ) до окончания голосования, после чего расшифровываются с помощью ключей расшифрования, распределенных между конкретными субъектами (ЦИК России, территориальной избирательной комиссией ДЭГ (ТИК ДЭГ), политическими партиями, общественными палатами и т.д.). Расшифрование результатов волеизъявления участников ДЭГ с использованием ключа зашифрования невозможно.

Процесс внедрения ДЭГ в России соответствует следующим этапам:

До 2019 года: проведение теоретических исследований возможности использования ДЭГ и целесообразность проведения экспериментов [19, с. 163];

2019 год: в единый день голосования 8 сентября в г. Москва на выборах депутатов Московской городской думы провели эксперимент по первому применению избирательных цифровых технологий на 3 одномандатных избирательных округах из 45 существующих (№1 (Зеленоград), №10 (Бибирево, Лианозово, Северный) и №30 (Чертаново Центральное, Чертаново Южное)). Этот эксперимент дал возможность избирателям осуществить волеизъявление дистанционным способом через региональный интернет-сервис MOS.RU.

Этот эксперимент был урегулирован региональным Законом города Москвы от 22 мая 2019 года №18 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» и Федеральным законом от 29 мая 2019 года №103-ФЗ, имевшим одноименное название.

2020 год: расширение эксперимента по реализации ДЭГ за пределами г. Москва. 1 июля 2020 года ДЭГ было применено в ходе общероссийского голосования по поправке в Конституцию РФ в двух субъектах России: городе Москва и Нижегородской области.

В единый день голосования 13 сентября 2020 был проведен эксперимент по сбору подписей для регистрации кандидатов на выборах через Единый портал государственных услуг (ЕПГУ) в Пермском крае, Республике Чувашия и Челябинской области. Это стало возможно благодаря тому, что 23 мая 2020 года Президентом России был подписан Федеральный закон от 23 мая 2020 №154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вносил изменения в Федеральный закон от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В частности, закон №154-ФЗ законодательно определил само понятие «дистанционное голосование», дал возможность субъектам России использовать ДЭГ при проведении выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления, при проведении референдумов регионального и местного значения, а также разрешил осуществлять изменение регионального законодательства по вопросу электронного сбора подписей через ЕПГУ. Сбор подписей через электронные порталы не отменяет сбор подписей в бумажном виде, а лишь являются дополнительной возможностью к традиционному методу сбора.

В этот же день был принят Федеральный закон от 23 мая 2020 года №152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве», уточняющий механизм проведения ДЭГ, полномочия участников и организаторов избирательного процесса.

Кроме того, продолжился эксперимент по применению ДЭГ. На основании Постановления ЦИК России от 27 июля 2020 №261/1924-7 его использовали на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы РФ на одномандатных избирательных округах в Ярославской (Ярославский №194) и Курской (Сеймский №110) областях. Для участия в ДЭГ избиратели могли воспользоваться уже федеральной интернет-платформой ЕПГУ «Госуслуги».

2021 год: был принят региональный Закон города Москвы от 19 мая 2021 года №11 «О внесении изменений в отдельные законы города Москвы и проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах в органы государственной власти города Москвы, органы местного самоуправления в городе Москве в 2021 году», расширивший нормативное регулирование процесса ДЭГ на террито-

рии г. Москва и ставший прецедентным для создания аналогичной нормативно-правовой базы на территории других субъектов РФ.

Эксперимент по проведению ДЭГ получил федеральное распространение в Единый день голосования 17-19 сентября 2021 года на основании Постановления ЦИК России от 25 мая 2021 года №7/49-8 он применялся на выборах депутатов Государственной Думы РФ в 7 субъектах: Курской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской, Ярославской областях, в городах федерального значения Москве и Севастополе. Организующей избирательной комиссией по подготовке и проведению ДЭГ являлась территориальная избирательная комиссия, сформированная ЦИК России. Проголосовать избиратели могли через ЕПГУ, жители Москвы – дополнительно через интернет-портал MOS.RU.

Дополнительно были апробированы новые цифровые механизмы избирательного процесса, например, цифровые сервисы для участников избирательного процесса (избирателей, кандидатов, избирательных объединений, избирательных комиссий, СМИ), анонсировано создание Цифровой платформы (ГАС «Выборы» 2.0) – системы централизованной базы данных для ведения, хранения, актуализации и анализа данных об избирателях и участниках референдума с учетом данных, предоставляемых из государственных информационных систем других государственных органов в рамках национальной системы управления данными (НСУД).

2022 год: в единый день голосования 11 сентября 2022 года ДЭГ применялось в 8 субъектах России (в 7 – на платформе ЕПГУ, в 1 – на региональной платформе MOS.RU). Избирательные кампании, на которых применялся ДЭГ: выборы губернатора (Калининградская, Новгородская, Томская и Ярославская области), выборы депутатов представительного органа административного центра (Курск, Псков и дополнительные выборы в Калуге), и выборы депутатов представительных органов местного самоуправления в городе Москве. Было продемонстрировано, что ДЭГ может успешно применяться одновременно на выборах разной величины, сложности, в разных часовых поясах, на разных территориях с точки зрения социально-экономических, географических и политических аспектов. Также был внедрён институт наблюдателей ДЭГ.

2023 год: в Единый день голосования 10 сентября 2023 года ДЭГ был применен на выборах в значительном количестве регионов России. 7 июня 2023 года ЦИК РФ согласовал проведение ДЭГ в 24 регионах, в 18 из кото-

рых дистанционное голосование проводилось впервые. Также был проведён эксперимент по эксплуатации и проверке готовности системы Цифровой платформы (ГАС «Выборы» 2.0), реализованный в форме Общероссийской тренировки Цифровой платформы – ГАС «Выборы» 2.0 с 9 октября по 29 ноября 2023 года. В 2024 году ДЭГ планируется применять только в 30 субъектах РФ, на которых он уже был апробирован.

Таким образом, процесс внедрения ДЭГ в российский избирательный процесс является системным и планомерным, его применение является поэтапным – от локальных экспериментов до постепенной федерализации, расширения возможностей платформы ЕПГУ работать сразу в нескольких часовых поясах со значительным числом избирателей – пользователей платформы.

Преимущества и недостатки российского ДЭГ

Очевидно, что ДЭГ как значимое политическая технология является объектом пристального анализа научного сообщества, электоральных экспертов, политических сил. Существуют поляризованные мнения о влиянии цифровизации избирательного процесса и ДЭГ, в частности.

Первым недостатком ДЭГ, как любой сложной информационной системы, является возможность совершения хакерских атак и комплекса целенаправленных действий ряда иностранных государств в отношении вмешательства в выборы, а также возможность обособления цифрового сегмента в связи с наложением санкций иностранными государствами [21]. В российском опыте применения системы ДЭГ действительно неоднократно подвергался такому влиянию. В частности, в ходе эксперимента по внедрению ДЭГ на выборах Московской городской думы в его инфраструктуре французским криптографом П. Годри были обнаружены недостатки, которые в дальнейшем были устранены [2]. Опыт проведения ряда кампаний в 2023 году с применением технологии ДЭГ был сопряжен со значительным количеством (более 36 тысяч) кибератак на инфраструктуру ДЭГ и более 175 тысяч «потенциально опасных воздействий» на интернет-портал ЦИК разного уровня организационной сложности, в том числе из-за границы, о чём заявила Председатель ЦИК России Э.А. Памфилова на брифинге после Единого дня голосования. Из заявления заместителя главы Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ Олега Качанов следует, что DDOS-атакам также подвергся сайт ЕПГУ, являющийся частью ДЭГ-

инфраструктуры. Однако, в целом системы ДЭГ устояли перед лицом кибератак, ни в одном из регионов не было зафиксировано критичное «падение» инфраструктуры. Кроме того, ЦИК России неоднократно проводит внешний аудит системы ДЭГ с помощью привлечения «белых хакеров», сторонних специалистов для проверки киберустойчивости в рамках программы bug bounty. Так в 2023 году был проведён двухмесячный анализ от «Ростелеком-Солар» с привлечением компаний «Криптонит» к исследованию стойкости трех криптографических механизмов и компании «Крипто-Про» для исследования криптографического механизма разделения ключей, также проведён трехдневный «краш-тест» на платформе компании Positive Technologies. Привлекалось и научное сообщество – технические специалисты в области криптографии, математики и it-систем Московского технического университета связи и информатики. По итогам внешнего аудита, специалисты, чьё мнение, в том числе, выразил ректор МТУСИ Ерохин С.Д., пришли к выводу, что «сформированная система ДЭГ обеспечивает техническую возможность прямого и свободного волеизъявления граждан с сохранением тайны их голосования, а система является защищенной от известных в настоящее время угроз информационной безопасности». Сама система ДЭГ на сегодня представляет собой комплекс криптографически защищённой обработки информации, блокчейн как отражение действий всех участников процесса в распределённом реестре, схемы обязательств, наблюдаемость и аудит. При этом, безусловной остаётся необходимость непрерывного и системного улучшения ДЭГ-инфраструктуры для обеспечения её кибербезопасности в дальнейшем.

Второй сопутствующей проблемой при применении ДЭГ является техническая и нормативная сложность процедуры проверки и внешнего наблюдения за ходом голосования в неконтролируемой среде [20]. Если при проведении традиционного голосования наблюдатель может непосредственно присутствовать на территории каждого избирательного участка и очно наблюдать за ходом голосования, не обладая исключительными навыками, то при проведении голосования с технологиями ДЭГ возникает ряд организационных сложностей: наблюдатель для полноценного понимания процесса должен обладать знаниями и навыками в области ИТ-технологий и криптографии. Далек не каждая политическая партия или кандидат обладают ресурсами и компетенциями для обеспечения работы такого специалиста. Однако существует возможность доступного контроля за учётом голоса. С по-

мощью уникального индивидуального кода, который каждый избиратель может получить на платформе ДЭГ после голосования, можно проверить статус своего «голоса». Кроме того, существует возможность наблюдения разного уровня включённости за ходом голосования в ТИК ДЭГ (члены комиссий, назначенные избирательными объединениями или кандидатам), через специальный федеральный портал для наблюдателей, в Общественной палате РФ и центрах наблюдения в субъектах РФ, а также на порталах stat.vyborgov.gov.ru и observer.mos.ru для всех избирателей. В зависимости от статуса лица они могут получать разный объем информации от динамики явки «электронных» избирателей до информации о формировании цепочек блоков информации в распределенной базе. Наблюдатели, назначенные кандидатами или избирательными объединениями, могут получить доступ к средствам контроля неизменности и сохранности результатов волеизъявления участников ДЭГ и контроля достоверности установления итогов дистанционного электронного голосования. Кроме того, широкой просветительской работой в вопросах наблюдения занимаются Общественная палата РФ и ассоциация «Независимый общественный мониторинг», разработавшие в 2023 году единый Стандарт по наблюдению за ДЭГ.

Стоит отметить, что у экспертного сообщества было значительное количество вопросов к архитектуре ДЭГ в 2019 – 2021 годах по разному кругу технических аспектов. На крупнейшем сайте it-сообщества Habr были опубликованы десятки статей программистов. В части из них, например, в статьях «Что же не так с ДЭГ в Москве?» и «Протокол, который невозможен: как на самом деле в ДЭГ обеспечивают тайну голосования» в it-расследованиях непосредственное участие принимали члены ТИК ДЭГ и представители «Ростелекома». Однако, в 2023 году новая статья только одна, которая апеллирует, преимущественно, к аномалиям по расхождению результатов за конкретных кандидатов на очном и электронном голосовании, а не к техническим данным. Отчасти, это может свидетельствовать о том, что предложенные решения экспертного сообщества были учтены властью при реализации ДЭГ в 2023 году.

Третьей проблемой, выделяемой при анализе ДЭГ, является сложность идентификации и установки личности (проблема аутентификации пользователя), возможность передавать пароли от своих личных кабинетов за материальное вознаграждение третьим лицам (родственники, друзья, работодатели и т.д.), что может нарушать принцип прямых выборов несмотря на то,

что аккаунты на ЕПГУ являются подтвержденными с помощью двухфакторной аутентификации и идентификации. Эта проблема имеет сразу два аспекта. Первый заключается в возможности овладения третьими лиц доступом к аккаунтам ЕПГУ без желания пользователя. Этот вопрос лежит в плоскости цифровой гигиены и, отчасти, нивелируется самой процедурой входа на портал «Госуслуги», так как вероятность единовременного доступа злоумышленника к регистрационным данным и к мобильному телефону является низкой, что формирует определенную «цепочку доверия», которая работает и в рамках других электронных технологий [7]. Второй аспект – целенаправленная передача данных аккаунта для доступа к голосованию третьим лицам лежит, в целом, в области политической культуры граждан и «зависит от субъективного отношения избирателя к осуществлению своего конституционного права и уровня его правовой культуры» [1, с. 124]. Соответственно, оба аспекта проблемы идентификации и установки личности зависят, скорее, не от особенностей ДЭГ как формы голосования, а от моделей поведения граждан.

Четвертым аргументом против применения ДЭГ, считают возможность оказания давления на избирателя, визуального или иного контроля третьих лиц, что нарушает принцип тайности выборов и принцип добровольности волеизъявления. Чаще всего этот аргумент применяется в отношении так называемых «бюджетников», то есть лиц, основным доходом которых является работа в государственных или муниципальных органах власти или иных бюджетных учреждениях. Опасения вызывает возможность работодателя узнать за кого работник отдал свой голос и, соответственно, возможность применения санкций в случае «неправильного» голосования. Однако, на сегодняшний день в России не зафиксированы случаи увольнения, лишения премий или применения иных видов санкций работодателями по отношению к работникам-«бюджетникам» из-за получения доступа к реальному волеизъявлению своих сотрудников. При этом возможность проверить выбор избирателя в интернет-голосовании присутствует в международной практике, так иностранная команда «белых хакеров» в 2021 году смогла нарушить тайну голосования и проверить голоса избирателей в ходе интернет-голосования системы Simply Voting в Канаде с помощью открытых сетевых данных в некоторых случаях с точностью до 100% [30].

Соответственно, совокупность вышеуказанных проблем формирует закономерную проблему достоверности, что действительная воля избирателей

совпадает с их волеизъявлением [20, с. 165], а результаты голосования (или конкретный «голос») не являются сфальсифицированными. Основная причина отсутствия уверенности избирателя в достоверности процедуры может быть вызвана разными факторами, но ключевыми, безусловно, являются устойчивый уровень недоверия к избирательной системе в целом и принцип «чёрного ящика», т. е. недоступность истинного и глубокого понимания цифровых процессов блокчейн-голосования. Избиратели могут наблюдать «внешнюю» сторону ДЭГ – визуализированный интерфейс, но не «внутренность» процесса – программный код, обеспечивающий работу всей системы интернет-голосования. Эта недоступность может порождать недоверие к ДЭГ, убежденность в возможности фальсификации, недостоверного подсчёта голосов. К этой же проблеме относится и убежденность в возможности осуществления цифровых «вбросов», то есть достижение необходимого административного результата разными средствами, например, создание «мёртвых душ» - аккаунтов несуществующих граждан в системе ЕПГУ или использование механизмов изменения результата ДЭГ, равнозначного подмене итогового протокола на «бумажном» голосовании.

Все эти проблемы могут нивелироваться только комплексом разноплановых мер. Во-первых, непонимание любого процесса может быть решено путём доступного объяснения его сути для разных целевых аудиторий. Такое решение реализуется ЦИК России с помощью создания образовательных видеороликов, бумажных и электронных разъясняющих материалов, и широко публичного обсуждения алгоритма ДЭГ. К разъяснительным мерам прибегают общественные палаты субъектов и городов, реализуя их путём обсуждений с широким кругом лиц. Во-вторых, проблема достоверности может быть решена обеспечением доступа к исходному коду или элементам ДЭГ-инфраструктуры для экспертного сообщества и наблюдателей, которые могут ретранслировать обобщенные результаты исследований процесса для общественности. По утверждению главного архитектора ДЭГ в компании «Ростелеком» Ю. Сатирова, в современной ДЭГ-архитектуре «исключается возможность незаметных корректировок в списке избирателей: не получится заменить паспортные данные, добавить кого-то или вычеркнуть, не оставив соответствующую транзакцию, которую смогут обнаружить и проверить наблюдатели». В-третьих, в вопросе доверия к достоверности ДЭГ-системы большую роль играет общий уровень доверия граждан к электронным сервисам, управляющим персональными данными (интернет-банкинг, маркетплей-

сы, «Госуслуги» и т.д.), который на данный момент в России стремительно растёт, о чём свидетельствует динамика пользователей, использующих эти электронные сервисы.

Среди прочих недостатков ДЭГ упоминается проблема цифрового неравенства территорий, их неравномерная оснащённость современными средствами коммуникации, проявляющееся в организационно-финансовом и информационно-технологическом разрыве между субъектами России [29]. Эта проблема пока решается тем, что голосование с применением ДЭГ не заменяет традиционное «бумажное» голосование, а лишь является дополнительным альтернативным вариантом участия в выборах, поэтому недоступность ДЭГ-систем никак не отражается на возможности реализации волеизъявления. Также зачастую эксперты апеллируют к проблеме правового вакуума в отношении развития информационных технологий, а также стремительному развитию избирательного законодательства: частая смена «правил игры», отсутствие стабильности в избирательной системе. На данный момент правотворческая практика идет вслед за инициативами и технологиями, которые появляются в избирательном процессе, являясь «догоняющим игроком». Среди примеров правовой недостаточности отмечают рамочность статьи 64.1 Федерального закона от 12 июня 2003 года №67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», закрепляющий порядок ДЭГ, в сравнении с подробным описанием процедуры очного голосования. Однако, представители избирательных комиссий справедливо отмечают, что это нивелируется путём принятия Постановлением ЦИК России Порядка дистанционного электронного голосования. Нормативное «отставание» от реальности – довольно частое явление в сфере неконтролируемого роста информационных технологий и их внедрения в общественную жизнь. Например, во всем мире до сих пор почти отсутствует подробное законодательство о технологиях искусственного интеллекта или последствиях применения deepfake, технологии синтеза голоса человека или его изображения. С точки зрения правового анализа электронных выборов в мире, можно привести пример Бразилии, где от первого эксперимента до законодательного закрепления электронных выборов прошло 7 лет, и Индию, где на это потребовался 21 год. За это время большая часть населения привыкла к новым технологиям голосования и приняла их [25, с. 181].

Совокупность всех недостатков ДЭГ-голосования, безусловно, влияет на уровень доверия граждан как к способу голосования, так и к избиратель-

ной системе в целом, что соответствует теории политической системы Д. Истона, в соответствии с которой легитимность политической системы и её институтов (а значит – доверие общества) повышается, если она соответствует ожиданиям граждан и реагирует на трансформацию общества. Внедрение ДЭГ – это реакция государства на существующий общественный запрос по упрощению политического процесса, повышению его прозрачности и доступности. Ключевой проблемой онлайн-голосования с применением блокчейн-технологий становится именно доверие избирателей к этой системе в силу технологической сложности процесса в сравнении с традиционным голосованием [32; 34].

На данный момент не существует достоверных и системных исследований уровня доверия российских избирателей к ДЭГ в силу недолговременности существования этого политического явления. Эпизодически подобные исследования проводились Всероссийским центром изучения общественного мнения. В 2019 году после проведения первого «московского эксперимента» ДЭГ 49% россиян выразили одобрение онлайн-голосованию и 48% выразили готовность принять в нём участие (данные аналитического доклада ВЦИОМ «Цифровое голосование в России: первые эксперименты и перспективы»), а в 2020 году готовность голосовать дистанционно выразили 51% россиян (данные аналитического доклада ВЦИОМ «Электронное голосование: новые технологии меняют электоральные привычки»).

Теперь рассмотрим ряд преимуществ ДЭГ, выдвигаемые научным и экспертным сообществами. Отмечают, что в целом цифровизация электорального процесса конструирует новые паттерны политического сознания, что серьезно влияет на модели массового электорального поведения [5]. Среди наиболее очевидных преимуществ ДЭГ выделяют факторы, в целом присущие всем дистанционным технологиям, заменяющим очные коммуникации между гражданином и органом власти (оформление договоров, цифровой дистанционный нотариат, регистрация юридических лиц, заключение брака и т.д.) Это такие преимущества как:

- уменьшение сроков бюрократических процедур и повышение уровня процессуальной динамики (оформление, транспортировка, проверка итоговых протоколов и подведение результатов выборов за счет применения электронных технологий) [28];

- снижение затрат на организацию голосования за счет постепенного отказа от содержания аппарата избирательных комиссий, печати бумажных

бюллетеней, оплаты всех сопутствующих традиционному голосованию расходов [22]. Это подтверждается эмпирическими данными в Эстонии, где интернет-голосование снижает стоимость голосования одного интернет-избирателя с 17 до 2 евро [33]. В 2023 году в 63 из 85 субъектов РФ количество УИК сократилось, в том числе, из-за внедрения технологии ДЭГ;

- снижение вероятности ошибки из-за человеческого фактора за счет минимизации участия человека при подсчете голосов и обработке результатов, например, в Бразилии вероятность ошибок сведена к 0,2% [3, с. 12];

- снижение барьеров для участия в выборах категорий граждан, у которых нет возможности дойти до избирательного участка (маломобильные, больные, трудовые и учебные мигранты, военнослужащие, граждане, находящиеся за границей или пределом избирательного округа, граждане, говорящие на языке меньшинств и т.д.), замена технологий досрочного голосования, голосования вне помещения и открепительных удостоверений [19].

Среди специфических преимуществ ДЭГ-голосования можно выделить формирование общественного контроля над органами власти в силу потенциальной возможности отслеживания действий членов избирательных комиссий на всех этапах избирательного процесса и возможности перепроверки собственного голоса. Кроме того, одной из ключевых задач внедрения ДЭГ является повышение доступности и открытости избирательного процесса, который, скорее всего, ведёт к росту уровня доверия граждан как к избирательной системе, так и к государству в целом. Так ЦИК России заявляют, что главной целью внедрения элементов цифровизации в избирательный процесс, включая внедрение дистанционного электронного голосования (ДЭГ), является именно повышение уровня доверия избирателей.

Анализ влияния ДЭГ на явку избирателей

Ещё одним ключевым преимуществом ДЭГ является потенциальное влияние ДЭГ на повышение явки избирателей на выборах. О повышении интереса избирателей к выборам через институт ДЭГ говорится в работах многих исследователей: А.В. Григорьев [10, с. 52], Е.И. Колюшин [13], Д.В. Котикова [14], И.Б. Борисов [6], Р.А. Алексеев [3, с. 16] и др. Зачастую выделяют три фактора вероятного повышения явки:

1. ДЭГ предоставляет избирателям возможность не привязываться к фактическому месту нахождения и даже регистрации, позволяет голосовать

в любом месте с доступом в интернет. Таким образом онлайн-голосование позволяет увеличить количество избирателей за счет своей доступности;

2. ДЭГ предоставляет альтернативный способ голосования, так как он не заменяет собой традиционное, а лишь его дополняет. Это увеличивает возможности волеизъявления граждан путём использования иных средств и способов голосования;

3. ДЭГ повышает уровень электоральной активности молодежи (демографическая категория от 18 до 35 лет) [7], которая традиционно является самой незаинтересованной частью электората, но при этом в силу широкого присутствия в интернете (что подтверждается исследованиями Google и Ipsos, что использование молодежью (люди в возрасте от 13 до 30 лет) социальных сетей доходит до 98%) более вероятно будет участвовать в электронном голосовании. В аналитическом докладе ВЦИОМ «Цифровое голосование в России: первые эксперименты и перспективы» утверждается, что 95% людей возрастом от 18 до 24 лет и 89% людей в возрасте от 25 до 34 лет ежедневно взаимодействуют с интернетом.

Для достоверного анализа влияния ДЭГ на рост явки необходим лонгитюдный анализ результатов выборов, как минимум, в течение двух избирательных циклов. Так повышение явки можно зафиксировать в странах с устойчивой традицией электронного голосования. Рассмотрим несколько случаев влияния интернет-голосования, в том числе с применением технологий блокчейна, на динамику явки.

В Эстонии с 2007 года используется ДЭГ на парламентских выборах. Доля эстонских электронных избирателей за 14 лет увеличилась в 8,5 раз, с 5,5% в 2007 году до 46,72% в 2019 году (или в 25 раз, если сравнивать с явкой 1,9% в пилотном 2005 году). При этом рост общей явки избирателей составил 1,53% с 61% в 2007 г. до 63,67% в 2019 г. Однако уже в 2023 году она сократилась на 0,12% [11, с. 186]. В результате математического анализа исследователь В.И. Федоров заключил, что ДЭГ на парламентских выборах оказывает умеренное положительное влияние на явку в силу наличия сильной корреляционной зависимости между явкой избирателей и долей электронных избирателей [24]. В марте 2023 году в Эстонии на парламентских выборах доля «электронных избирателей» впервые в мире превысила процент «бумажных» и составила 51% при общей явке 63,7% (рост относительно выборов 2019 года составил 0,33%).

В Канаде с 2003 года интернет-голосование активно применяется в регионе Онтарио по системе Simply Voting. При анализе более 173 избирательных кампаний разного уровня в течение 14 лет исследователи пришли к выводу, что несмотря на то, что «как и в большинстве развитых демократических стран, в Канаде за последние двадцать пять лет наблюдалось снижение явки избирателей», наблюдается статистически сильное влияние интернет-голосования на увеличение явки избирателей на 3,5 % [31, р. 1161].

В Швейцарии интернет-голосование используется неравномерно в разных кантонах. Наиболее устойчивая традиция использования i-voting в кантоне Женева. При анализе 30 избирательных кампаний в течение 8 лет (с 2008 по 2016 год) исследователи пришли к выводу, что электронное голосование не оказывает измеримого влияния на динамику общей явки, однако оно увеличивает явку среди определённых электоральных групп, по большей части среди «воздержавшихся» и «случайных» избирателей, то есть избирателей, для которых голосование на выборах не является устойчивым элементом их модели политического поведения [35].

Вывод о незначительном влиянии интернет-голосование на рост общей явки избирателей, находит отражение в работе М. Солвак и К. Вассил, которые отмечают, что ДЭГ не оказывает значительного влияния на рост явки избирателей. Но скорее предотвращает её снижение. Важным остается психологический фактор, так как у избирателя гораздо быстрее формируется привычка электронного голосования, нежели традиционного [36].

Тем не менее, представляется нецелесообразным отождествление опыта внедрения интернет-голосования в иностранных государствах и в России. В каждой стране существенно различается характер электорального поведения, избирательное законодательство (в ряде государств участие в выборах является обязанностью гражданина), само голосование проводится по разным правилам, с разным набором средств (почтовое голосование, голосование с применением электронных машин и т.д.), в течение разного времени, различаются даже уровнем доступности для разных групп населения. Например, в Австралии iVote доступно только для людей с ограниченными возможностями, а в Армении онлайн-голосование – преференция для военных и экспатов, в ряде стран – только для избирателей, находящихся за пределами страны. Кроме того, в разных государствах, которые применяют дистанционное электронное голосование используются совершенно разные электронные технологии, решения и программное обеспечение, как прави-

ло, разработанное или в рамках самого государства для защиты собственного цифрового суверенитета, или странами с развитой IT-отраслью.

В связи с этим можно считать нерелевантным сравнение негативного опыта иностранных государств с российским, прежде всего, из-за применения разных электронных систем голосования. Часто, анализируя недостатки ДЭГ, эксперты приводят в пример страны Европы и США. Так в своём исследовании Е.А. Минтусов и Д.С. Гуляев апеллируют к отказу США от применения электронного голосования в ряде штатов из-за скандалов вокруг неавтономности американских аналогов КОИБ и возможности фальсификация, а также приводят в пример штат Гавайи, где применяется интернет-голосование, однако явка избирателей является одной из наиболее низкой по стране [16]. В первом случае рассматривается опыт не дистанционного голосования, а во втором – интернет-голосование проводится с помощью электронной почты и является аналогом почтового голосования. Приводится опыт отказа Австралии от интернет-голосования в 2022 году в Южном Уэльсе из-за проблем с перегрузкой серверов и отсутствием двух партий в бюллетене или отказ Великобритании от ДЭГ в 2007 году в связи с неэкономичностью и технической сложностью системы. Оба государства применяли совершенно другие системы электронного голосования, не использующие технологию избирательного блокчейна, поэтому такой опыт не может быть полностью применим к анализу российского ДЭГ.

В России применение интернет-голосования не является устойчивой электоральной традицией, однако уже сейчас можно сделать предварительные выводы в отношении влияния ДЭГ на рост явки. Для этого в рамках этого исследования был проведён кросстемпоральный сравнительный анализ результатов наиболее крупных избирательных кампаний в России, на которых был применён ДЭГ с 2019 по 2023 годы.

В анализ были включены данные 28 избирательных кампаний, которые сравниваются на основании следующих данных: 1) количество избирателей, имеющих активное избирательное право; 2) количество избирателей, проголосовавших на данных выборах (результат получен путём сложения всех действительных и недействительных бюллетеней); 3) явка избирателей – процент избирателей, воспользовавшихся своим правом проголосовать на данных выборах, полученная как отношение проголосовавших избирателей к числу всех избирателей. Также дополнительно в отношении избирательных кампаний, на которых был применён ДЭГ включались следующие дан-

ные: 4) количество избирателей, подавших заявление на участие в выборах с применением ДЭГ; 5) доля избирателей в процентах, выбравших ДЭГ в отношении к числу всех проголосовавших избирателей; 6) количество избирателей, проголосовавших с применением ДЭГ; 7) явка избирателей на ДЭГ; 8) доля избирателей в процентах, проголосовавших с применением ДЭГ от общего числа проголосовавших избирателей.

Проведенный анализ является количественным и не включает в себя различные качественные факторы, влияющие на явку избирателей. Среди таких можно выделить как факторы объективного, так и субъективного характера: разный уровень бюджета на проведение избирательных кампаний, разный уровень информационного освещения избирательных кампаний, совмещенность с другими избирательными кампаниями, активность избирательных объединений и кандидатов, макро- и микроэкономическое положение избирателей, внешне- и внутривнутриполитические процессы, происходящие во время кампании, общий уровень политического и институционального доверия избирателей к избирательной системе и власти в целом, и ряд других факторов.

Тем не менее, даже количественный анализ явки избирателей может дать определенное объективное представление о влиянии ДЭГ на активность избирателей через анализ роста или падения явки избирателей на тех или иных избирательных кампаниях. Для проведения исследования были использованы официальные данные «Сведения о проводящихся выборах и референдумах», на которых размещены открытые данные Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы».

Целью анализа была проверка гипотезы, что применение ДЭГ на выборах непосредственно влияет на рост общей явки избирателей. В приложении №1 представлена сводная аналитическая таблица по сравнению результатов избирательных кампаний без применения ДЭГ и с его применением в период с 2019 по 2023 годы.

В рамках анализа вышеуказанных избирательных кампаний можно сделать следующие выводы:

При взгляде на анализируемые избирательные кампании не прослеживается устойчивой тенденции к росту общей явки избирателей. В 16 из 28 выборов присутствует рост общей явки, а в 12 оставшихся – её падение.

Наибольшую динамику явки и вовлеченность избирателей в процесс электронного голосования показывают результаты выборов в Москве и Мос-

ковской области. Так в Москве по заявлению ЦИК России общая явка на муниципальные выборы в 2022 году составила 33,9% в сравнении с 15% в 2017 году, т.е. рост явки составил более 2 раз, при этом электронный вид голосования выбрали 1 748 616 избирателя, а традиционный – в 2,5 раз меньше, всего 695 214 избирателей. В 2023 году на выборах мэра Москвы наблюдался рекорд – 81,5% избирателей от всех проголосовавших выбрали электронную форму голосования, а рост общей явки составил 11,9% (в 2018 – 30,9%, в 2023 – 42,5%). Важно отметить, что ДЭГ в Москве проходит на региональной площадке mos.ru, на которой не требуется заранее регистрироваться на выборы.

ДЭГ больше «дисциплинирует» избирателей голосовать. Средняя общая явка на анализируемых выборах составила 36,1%, а «электронная» явка – 89%. Однако, данное сравнение не является полностью корректным, так как «электронным избирателям» необходимо заранее проявить интерес и выполнить действие (подать заявление на портале «Госуслуги»), соответственно, электронные избиратели – это лица, уже заинтересованные в реализации своего активного избирательного права.

Соответственно, гипотеза о влиянии ДЭГ на общий рост явки не находит подтверждения в силу того, что исследуемых данных недостаточно для формирования однозначного вывода. Для полноценного исследования этой гипотезы требуется применение лонгитюдного анализа одних и тех же объектов, применяющих ДЭГ на выборах одного уровня. В частности, этим объектом исследования может стать явка на федеральных парламентских выборах 2026 и 2031 годов, так как ЦИК России неоднократно объявлял о том, что цифровизация избирательного процесса, федерализация электронного голосования – закономерный шаг в развитии избирательной системы. После апробации ДЭГ в Единый день голосования 2023 года и на выборах Президента РФ в 2024 году, внедрение ДЭГ планируется на выборах всех уровней на территории всей страны.

Перспективы российского ДЭГ

Возможные перспективы и тенденции развития ДЭГ в России:

– отказ от предварительной регистрации на ДЭГ через «Госуслуги» для избирателей вне Москвы, где подобная разработка уже существует на платформе mos.ru путём внедрения Единого электронного реестра избирателей, с помощью которого информация о полученном бюллетене передаётся в

УИК мгновенно в режиме реального времени. Отчасти таким решением может стать пилотный проект ЦИК ГАС «Выборы 2.0»;

- оптимизация итогового протокола ДЭГ, а именно систематизация данных о голосовании в региональном порядке (сейчас размещение итогов происходит хаотично, а сам протокол может содержать до 1000 протоколов разных регионов, городов и округов вперемешку), а также возможность выгрузки сводных таблиц результатов электронного голосования с разделением голосов избирателей в разрезе участковых комиссий (однако, по мнению председателя ТИК ДЭГ на выборах 2023 года Олега Артамонова на выборах Президента РФ в 2024 году такой возможности не будет);

- широкая информационная кампания о возможностях использования ДЭГ как альтернативной формы голосования не только через push-уведомления и электронные письма, но и с помощью традиционных методов информирования (почтовые рассылки, приподъездные объявления и т.д.);

- обеспечение доступности понятных и систематизированных материалов о тонкостях работы ПТК ДЭГ для избирателей, испытывающих недоверие к технической стороне процесса, а также публикация ответов на наиболее популярные вопросы для экспертного сообщества;

- возможное применение дополнительных криптографических технологий для защиты голоса и повышения анонимности голосования [12];

- создание «телефона доверия», в том числе в онлайн-формате, для предоставления возможности гражданам обращаться с вопросами о принуждении к голосованию со стороны работодателя или иных третьих лиц;

- расширение практики использования ДЭГ-технологий политическими партиями для реализации внутрипартийных голосований, например, партийных праймериз (подобный опыт есть у партии «Единая Россия», которая в 2023 провела свой электронный праймериз с применением блокчейн-технологий через «Госуслуги» в ряде субъектов России в рамках Единого дня голосования). Это позволит ещё больше расширить электоральные практики онлайн-голосования среди разных групп избирателей.

Для достижения целей внедрения ДЭГ и роста политического доверия избирателей к этому политическому инструменту, требуется соблюдение ряда операционных, технологических и законодательных мер. Наиболее важным аспектом внедрения ДЭГ в России является подкрепление объективной информации о процедуре голосования постоянным позитивным опытом, позволяющим избирателям эмпирически убедиться в прозрачности и эффектив-

ности избирательной процедуры. Для этого необходимо тщательно озаботиться проверкой безопасности системы и организации допуска независимых наблюдателей и научных организаций к архитектуре программного кода, обеспечение возможностей независимого тестирования и проверок системы.

Дистанционное электронное голосование – новый шаг российской власти к приближению нового типа политической и электоральной культуры. При этом внедрение электронного голосования и технологии блокчейн должно быть постепенным и не должно отменять возможности бумажного голосования, что также находит отражение в приоритетах деятельности ЦИК РФ.

В обозримом будущем в Российской Федерации не идет речи о полной замене традиционной процедуры проведения выборов электронной, а лишь о ее дополнении современными информационными технологиями. Несомненно, что введение и использование дистанционного голосования посредством сети Интернет и мобильной связи является полезной мерой, которая, однако, требует осторожности, как с технической стороны, так и с точки зрения ее правового регулирования.

Литература

1. Акчурина А.Р. Цифровизация избирательного процесса – ключевой вектор развития института выборов в России // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. №3(25). С. 120-128.
2. Алексеев Р.А. Апробация технологии блокчейн на выборах в Московскую городскую думу в 2019 г.: результаты и перспективы применения для федерального избирательного процесса // Журнал политических исследований. 2019. №4, том 3. С. 12-23.
3. Алексеев Р.А. Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. №1(15). С. 9-21.
4. Антонов Я. В., Овчинников В.А. Международный опыт электронного голосования: к вопросу о поиске источников // Время и право. 2011. №1. С. 43-45.
5. Белоконов С.Ю., Васильев М.С., Титов, В.В. Цифровые технологии в современных избирательных кампаниях: особенности применения // Власть. 2019. №4, том 27. С. 51-57.
6. Борисов И.Б., Головин А.В., Игнатов А.В. Выборы в мире: электронное голосование. М.: Российский общественный институт избирательного права. 2020. 218 с.
7. Босова Е.Н., Реут Д.А. Дистанционное электронное голосование: поиск законодательного оформления // Правоприменение. 2019. №3. Том 3. С. 53-62.
8. Виноградова И.М., Шепелев О.Ю. Цифровизация избирательного процесса: классификация электоральных моделей и их экономическая целесообразность // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Управление изменениями: мозаика сценариев в условиях турбулентности: Сб. ст. Екатеринбург: Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2019. С. 129-134.
9. Грачев М.Н. Демократия: методология исследования, анализ перспектив. Москва: АЛКИГАММА, 2004. 192 с.
10. Григорьев А.В. Реализация конституционного права граждан на управление делами государства в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2020. №2. С. 45-57.

11. Гуселетов Б.П. Парламентские выборы в Эстонии: победа либералов и поражение консерваторов // PolitBook. 2023. №3. С. 180-194.
12. Зворыкина Е.В. Перспективы применения технологии блокчейн на выборах в России // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. №4. С. 179-183.
13. Колюшин Е.И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. №2. С. 25-30.
14. Котикова Д.В. Правовое регулирование дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы: проблемы, их решение и перспективы совершенствования // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. №5. С. 22-28.
15. Масланов Е.В. Цифровизация и развитие информационно-коммуникационных технологий: новые вызовы или обострение старых проблем? // Научный электронный журнал Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. №1. том 2. С. 6-21.
16. Минтусов И.Е. Дистанционное электронное голосование в странах англосаксонской системы: США, Австралия, Великобритания. Почему голосование ДЭГ не прижилось? // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. №1(23). С. 122-139.
17. Митяева Ю.В. Опыт проведения интернет - голосования на выборах и референдумах в России и за рубежом // Выборы: теория и практика. 2013. №2(26). С. 13-18.
18. Постников А. Е. Конституционная модель политической системы России в условиях развития «цифрового общества» // Журнал российского права. 2020. №5. С. 38-49.
19. Рулев М. С. Дистанционное электронное голосование: проблемы и перспективы развития в Российской Федерации // Выборы: теория и практика. 2020. №1(53). С. 8-13.
20. Рыбин А. В. Защита результатов волеизъявления избирателей при дистанционном электронном голосовании // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. №3(25). С. 161-175.
21. Рыбин А. В. Преимущества и недостатки дистанционного электронного голосования: перспектива или тупик? // Научный электронный журнал Электоральная политика. 2020. №1(7). С. 1.
22. Турищева Н. Ю. Активное избирательное право: развитие форм реализации // Журнал российского права. 2021. №6, том 25. С. 37-47.
23. Федоров В. И. Электронное голосование как сеть коммуникаций между государством и обществом // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. №4. С. 117-135.
24. Федоров В.И. Дистанционное электронное голосование и явка избирателей: опыт Эстонии и Москвы // Избирательное законодательство и практика. 2019. №4. С. 37-42.
25. Федоров В.И. Электронное голосование: идея фикс или основа демократии будущего? // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. №1-2. С. 170-185.
26. Федоров В.И., Ежов Д.А. Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. №1. С. 146-163.
27. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. №10(14). С. 46-63.
28. Худoley Д. М. Электронное голосование — необходимость для цифровизации избирательного процесса Российской Федерации // Пермский юридический альманах. 2019. №2. С. 163-170.
29. Цаплин А. Ю. Перспективы дистанционного электронного голосования в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. №3, том 16. С. 345-350.
30. Brunet J. et al. Review Your Choices: When Confirmation Page from Break Ballot Secrecy in Online Elections // Electronic Voting. International Joint Conference on Electronic Voting E-Vote-ID 2022. 2022. P. 36-52.

31. Goodman N., Stokes, C. Leah. Reducing the Cost of Voting: An Evaluation of Internet Voting from Effect on Turnout // *British Journal of Political Science*. 2020. №3(50). P. 1155-1167.
32. Jafar U. Blockchain for Electronic Voting System—Review and Open Research Challenges // *Sensors*. 2021. 321(17), 5874. 22 p.
33. Krimmer R. et al. New methodology for calculating cost-efficiency of different wayfrom of voting: ifrom internet voting cheaper? // *Public Money & Management*. 2020. №3(41). P. 1-10.
34. Kshetri N., Voas J. Blockchain-enabled e-voting // *IEEE Softw*. 2018. P. 95–99.
35. Petitpas A., Jaquet M. Julien, Sciarini P. Doefrom E-Voting matter for turnout, and to whom? // *Electoral Studies*. 2021. №71. 14 p.
36. Solvak M. Could Internet Voting Halt Declining Electoral Turnout? New Evidence That E-Voting Ifrom Habit Forming // *Policy & Internet*. 2018. №1. P. 4-21.

References

1. Akchurin A.R. Tsifrovizatsiya izbiratel'nogo protsessa – klyuchevoi vektor razvitiya instituta vyborov v Rossii. Grazhdanin. Vybory. Vlast'. 2022. №3(25). S. 120-128.
2. Alekseev R.A. Aprobatsiya tekhnologii blokchein na vyborakh v Moskovskuyu gorodskuyu dumu v 2019 g.: rezul'taty i perspektivy primeneniya dlya federal'nogo izbiratel'nogo protsessa. Zhurnal politicheskikh issledovaniy. 2019. №4, tom 3. S. 12-23.
3. Alekseev R.A. Problemy i perspektivy primeneniya elektronnoho golosovaniya i tekhnologii izbiratel'nogo blokcheina v Rossii i za rubezhom. Grazhdanin. Vybory. Vlast'. 2020. №1(15). S. 9-21.
4. Antonov Ya. V., Ovchinnikov V.A. Mezhdunarodnyi opyt elektronnoho golosovaniya: k voprosu o poiske istochnikov. Vremya i pravo. 2011. №1. S. 43-45.
5. Belokonev S.Yu., Vasil'ev M.S., Titov, V.V. Tsifrovye tekhnologii v sovremennykh izbiratel'nykh kampaniyakh: osobennosti primeneniya. Vlast'. 2019. №4, tom 27. S. 51-57.
6. Borisov I.B., Golovin A.V., Ignatov A.V. Vybory v mire: elektronnoe golosovanie. M.: Rossiiskii obshchestvennyi institut izbiratel'nogo prava. 2020. 218 s.
7. Bosova E.N., Reut D.A. Distantcionnoe elektronnoe golosovanie: poisk zakonodatel'nogo oformleniya. Pravoprimenenie. 2019. №3. Tom 3. S. 53-62.
8. Vinogradova I.M., Shepelev O.Yu. Tsifrovizatsiya izbiratel'nogo protsessa: klassifikatsiya elektoral'nykh modelei i ikh ekonomicheskaya tselesobraznost'. Gosudarstvo, politika, sotsium: vyzovy i strategicheskie priority razvitiya. Upravlenie izmeneniyami: mozaika stsenariy v usloviyakh turbulentsnosti: Sb. st. Ekaterinburg: Ural'skii institut upravleniya – filial RANKhiGS, 2019. S. 129-134.
9. Grachev M.N. Demokratiya: metodologiya issledovaniya, analiz perspektiv. Moskva: ALKIGAMMA, 2004. 192 s.
10. Grigor'ev A.V. Realizatsiya konstitutsionnogo prava grazhdan na upravlenie delami gosudarstva v usloviyakh tsifrovizatsii. Zhurnal rossiiskogo prava. 2020. №2. S. 45-57.
11. Guseletov B.P. Parlamentskie vybory v Estonii: pobeda liberalov i porazhenie konservatorov. PolitBook. 2023. №3. S. 180-194.
12. Zhvorykina E.V. Perspektivy primeneniya tekhnologii blokchein na vyborakh v Rossii. Grazhdanin. Vybory. Vlast'. 2018. №4. S. 179-183.
13. Kolyushin E.I. Pravovye problemy distantsionnogo elektronnoho golosovaniya izbiratelei. Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2020. №2. S. 25-30.
14. Kotikova D.V. Pravovoe regulirovanie distantsionnogo elektronnoho golosovaniya na vyborakh deputatov Moskovskoi gorodskoi Dumy: problemy, ikh reshenie i perspektivy sovershenstvovaniya. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2020. №5. S. 22-28.
15. Maslanov E.V. Tsifrovizatsiya i razvitie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii: novye vyzovy ili obostrenie starykh problem? Nauchnyi elektronnyi zhurnal Tsifrovoy uchenyi: laboratoriya filosafo. 2019. №1. tom 2. S. 6-21.
16. Mintusov I.E. Distantcionnoe elektronnoe golosovanie v stranakh anglosaksonskoi sistemy: SShA, Avstraliya, Velikobritaniya. Pochemu golosovanie DEG ne prizhilos'? Grazhdanin. Vybory. Vlast'. 2020. №1(23). S. 122-139.

17. Mityaeva Yu.V. Opyt provedeniya internet - golosovaniya na vyborakh i referendumakh v Rossii i za rubezhom. Vybory: teoriya i praktika. 2013. №2(26). S. 13-18.
18. Postnikov A. E. Konstitutsionnaya model' politicheskoi sistemy Rossii v usloviyakh razvitiya «tsifrovogo obshchestva». Zhurnal rossiiskogo prava. 2020. №5. S. 38-49.
19. Rulev M. S. Distsionnoe elektronnoe golosovanie: problemy i perspektivy razvitiya v Rossiiskoi Federatsii. Vybory: teoriya i praktika. 2020. №1(53). S. 8-13.
20. Rybin A. V. Zashchita rezul'tatov voleiz'yavleniya izbiratelei pri distantsionnom elektronnom golosovanii. Grazhdanin. Vybory. Vlast'. 2020. №3(25). S. 161-175.
21. Rybin A. V. Preimushchestva i nedostatki distantsionnogo elektronnoego golosovaniya: perspektiva ili tupik? Nauchnyi elektronnyi zhurnal Elektoral'naya politika. 2020. №1(7). S. 1.
22. Turishcheva N. Yu. Aktivnoe izbiratel'noe pravo: razvitie form realizatsii. Zhurnal rossiiskogo prava. 2021. №6, tom 25. S. 37-47.
23. Fedorov V. I. Elektronnoe golosovanie kak set' kommunikatsii mezhdru gosudarstvom i obshchestvom. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universi-teta. 2022. №4. S. 117-135.
24. Fedorov V.I. Distsionnoe elektronnoe golosovanie i yavka izbiratelei: opyt Estonii i Moskvy. Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika. 2019. №4. S. 37-42.
25. Fedorov V.I. Elektronnoe golosovanie: ideya fiks ili osnova demokratii budushchego? Grazhdanin. Vybory. Vlast'. 2017. №1-2. S. 170-185.
26. Fedorov V.I., Ezhov D.A. Evolyutsiya elektronnoego golosovaniya v Rossii: problemy klassifikatsii i periodizatsii. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2021. №1. S. 146-163.
27. Khalin V.G., Chernova G.V. Tsifrovizatsiya i ee vliyanie na rossiiskuyu ekonomiku i obshchestvo: preimushchestva, vyzovy, ugrozy i riski. Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2018. №10(14). S. 46-63.
28. Khudolei D. M. Elektronnoe golosovanie — neobkhodimost' dlya tsifrovizatsii izbiratel'nogo protsessa Rossiiskoi Federatsii. Permskii yuridicheskii al'manakh. 2019. №2. S. 163-170.
29. Tsaplin A. Yu. Perspektivy distantsionnogo elektronnoego golosovaniya v Rossii. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya. 2016. №3, tom 16. S. 345-350.
30. Brunet J. et al. Review Your Choices: When Confirmation Pagefrom Break Ballot Secrecy in Online Elections. Electronic Voting. International Joint Conference on Electronic Voting E-Vote-ID 2022. 2022. P. 36-52.
31. Goodman N., Stokes, C. Leah. Reducing the Cost of Voting: An Evaluation of Internet Voting'from Effect on Turnout. British Journal of Political Science. 2020. №3(50). P. 1155-1167.
32. Jafar U. Blockchain for Electronic Voting System—Review and Open Research Challenges. Sensors. 2021. 321(17), 5874. 22 p.
33. Krimmer R. et al. New methodology for calculating cost-efficiency of different wayfrom of voting: ifrom internet voting cheaper? Public Money & Management. 2020. №3(41). P. 1-10.
34. Kshetri N., Voas J. Blockchain-enabled e-voting. IEEE Softw. 2018. P. 95–99.
35. Petitpas A., Jaquet M. Julien, Sciarini P. Doefrom E-Voting matter for turnout, and to whom? Electoral Studies. 2021. №71. 14 p.
36. Solvak M. Could Internet Voting Halt Declining Electoral Turnout? New Evidence That E-Voting Ifrom Habit Forming. Policy & Internet. 2018. №1. P. 4-21.

В.И. Федоров

V. Fedorov

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В ШВЕЙЦАРИИ В 2023 ГОДУ

THE RETURN OF INTERNET VOTING IN THE SWISS PARLIAMENTARY ELECTIONS IN 2023

Аннотация

Особенностью парламентских выборов в Швейцарии в 2023 г. стало применение дистанционного электронного голосования (ДЭГ), которое не использовалось с 2019 г. после обнаружения проблем технического характера, делавших уязвимой для фальсификаций платформу ДЭГ. В результате применения ДЭГ явка избирателей на парламентских выборах в Швейцарии в 2023 году составила 46,6%, увеличившись на 2% по сравнению с предыдущими выборами, которые проводились без электронного голосования. Однако абсентеистов в Швейцарии, как и прежде было больше, чем избирателей. Донором электоральной активности для Швейцарии является дальнейшее расширение масштабов применения ДЭГ, которое было ограничено в 2023 году тремя кантонами. Наиболее актуальной темой политического дискурса в ходе избирательной кампании в Швейцарии была миграционная политика, которая воспринималась большинством швейцарцев как приоритетная в условиях беспрецедентного притока украинских беженцев, создающих напряженность в обществе. Недостатком швейцарского ДЭГ является сложный и неудобный интерфейс приложения для избирателя, которому нужно несколько раз вводить коды для подтверждения выбора и передачи голоса. Пример Швейцарии демонстрирует функционирование механизма обратной связи между властью и контрвластью в лице гражданского общества в сети электронного голосования. После успешного опыта применения ДЭГ на парламентских выборах в 2011–2015 гг. власти Швейцарии были вынуждены отказаться от ДЭГ в 2019 году из-за выявленных технических про-

Abstract

A feature of the parliamentary elections in Switzerland in 2023 was the use of Internet voting, which has not been used since 2019 after the discovery of technical problems. As a result of the use of internet-voting, voter turnout in the Swiss parliamentary elections in 2023 It was 46,6%, an increase of 2% compared to the previous elections, which were held without electronic voting. However, absenteeists in Switzerland, as before, were more than voters. The donor of electoral activity for Switzerland is the further expansion of the use of Internet voting, limited in 2023 to three cantons. The current topic of political discourse during the election campaign was again migration policy, which was perceived by most Swiss as a priority in the face of an unprecedented influx of Ukrainian refugees. The problem of the Swiss internet-voting is the complicated and inconvenient interface of the application for the voter, who needs to enter codes several times to confirm the choice and transfer the vote. The example of Switzerland demonstrates the functioning of a feedback mechanism between the government and the counter-power represented by civil society in the electronic voting network. After the successful experience of using internet-voting in the parliamentary elections in 2011-2015, the Swiss authorities were forced to abandon internet-voting in 2019 due to identified technical problems and the threat of falsification of voting results. However, after the elimination of problems and the creation of a new electronic voting platform that meets the requirements of the majority of citizens and

блем и угрозы фальсификации итогов голосования. Однако после устранения проблем и создания новой платформы электронного голосования, удовлетворяющей требованиям большинства граждан и политических сил ДЭГ было возвращено в выборную практику в ограниченном масштабе.

political forces, the internet-voting was returned to electoral practice on a limited scale.

Ключевые слова:

Швейцария, Эстония, Россия, электронное голосование, выборы, избирательный процесс, делиберативная демократия.

Key words:

Switzerland, Estonia, Russia, electronic voting, internet voting, elections, the electoral process, a deliberative democracy.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-77-92>

Швейцария известна как страна с образцовой демократией, где регулярно проводятся парламентские выборы, а также выборы регионального и муниципального уровней. Кроме того, ежегодно организуется несколько референдумов, вовлекающих граждан в прямое правотворчество по вопросам государственного значения. Однако с момента отмены обязательного голосования на выборах в 1970-е гг. и до настоящего времени доля абсентеистов в Швейцарии превышает число избирателей. Стимулировать электоральную активность швейцарцев было призвано дистанционное электронное голосование (ДЭГ). В Швейцарии с 2000 г. тестировались две платформы ДЭГ, разработанные швейцарской Swiss Post и испанской компанией ScytI. Для Швейцарии ДЭГ стало развитием почтового голосования, которое использовалось с 1978 года и увеличивало явку избирателей в среднем на 4%, обеспечивая единственную возможность голосования для швейцарцев, проживающих за рубежом. Наиболее широко электронное голосование применялось в Швейцарии на референдумах и парламентских выборах в 2011–2017 гг. в 15 кантонах.

Однако в 2019 году накануне очередных парламентских выборов в электронном голосовании были выявлены серьезные технические проблемы, из-за которых злоумышленники могли бы бесследно фальсифицировать итоги голосования. Политики и гражданские активисты потребовали от правительства не использовать его на выборах. В результате общественного давления Федеральный совет Швейцарии принял решение отказаться от его использования на 5 лет и параллельно вести разработку новой платформы электронного голосования. Её создателем была выбрана государственная компания Swiss Post. Лишь в 2023 г. ДЭГ было возвращено на парламентские выборы. При этом власти страны ограничили

электронное голосование 30% избирателей в кантоне или 10% по всей Швейцарии. В 2023 г. электронное голосование на парламентских выборах проводилось в кантонах Базель-городской, Санкт-Галлен и Тургау и было доступно для швейцарцев, проживающих за рубежом, зарегистрированных в этих кантонах, а также для людей с ограниченными возможностями. Использование электронного голосования разрешено до мая 2025 года в кантонах Базель-городской, Санкт-Галлен и Тургау и до марта 2026 года в кантоне Граубюнден.

Целью данного исследования является определение влияния ДЭГ на явку избирателей и результаты партий, участвующих в парламентских выборах в Швейцарии в 2023 году.

Гипотеза исследования сводится к предположению о том, что ДЭГ как дополнительный канал голосования создает условия для предотвращения снижения и обеспечения роста явки избирателей.

Методологической основой исследования выступает теория информационного общества и сравнительный подход, позволяющие рассмотреть электронное голосование с учетом его социотехнической структуры и географии распространения. В качестве базовой модели исследования в данной работе применяется авторская концепция электронного голосования как сети коммуникаций государства и общества. Дистанционное электронное голосование является сетью коммуникаций между властью, представляющей государственные институты и контрвластью в лице общества с целью привлечения граждан к конвенциональному политическому участию, достигаемому посредством удержания и контроля аудитории избирателей. Сеть электронного голосования имеет потенциал для мирного разрешения конфликта за власть между политическими акторами и обеспечения обмена информацией об электоральном выборе между государством и обществом.

Пионерами зарубежных исследований электронного голосования, оформившие политологический подход стали Р. Альварес, Р. Криммер, А.Д. Рубин, Ю. Спайчер-Кривоносова, Т.Э. Холл [10; 13; 14; 15]. В работах проводится сравнительный анализ особенностей становления электронного голосования и их влияние на явку избирателей и легитимность выборов.

В России влияние электронного голосования на результаты выборов и особенности этого механизма политического участия изучали Р.А. Алексеев, Н.А. Баранов, И.Е. Минтусов, С.С. Морозова, Д.А. Будко [1; 3; 5; 6]. В российском научном дискурсе по вопросу электронного голосования оформились позиции цифровых оптимистов, реалистов и алармистов.

Если использовать методологическую оптику автора коммуникационной теории власти в сетевом обществе М. Кастельса, то на примере Швейцарии мы увидим, что отношения между властью и контрвластью в лице гражданского общества в сети электронного голосования выражаются естественным взаимным недоверием и сдерживанием друг друга [7, с. 122]. В случае с сетью электронного голосования контрвластью являются избиратели, которые не поддаются программированию на доверие к сети. Если гражданские активисты не доверяют результатам выборов с использованием электронного голосования, то предъявляют к государству как политической сети требования об отмене электронного голосования или изменении механизма с целью усиления гражданского контроля. Власть в рамках сетевого подхода осуществляется через программирование и переключение сетей, а контрвласть, делиберативная попытка изменить властные взаимоотношения, осуществляется через перепрограммирование сетей вокруг альтернативных интересов и ценностей. Для сети электронного голосования это перепрограммирование осуществляется группами избирателей, которые стремятся усилить контроль за государством. Только после устранения технических проблем власти Швейцарии и гражданское общество приняли решение о продолжении использования ДЭГ. Следует согласиться с российским политологом А.Г. Арутюновым, который отмечает, что наиболее эффективной технологией легитимации ДЭГ является «информирование о чистоте и техническом совершенстве самого ДЭГ, а также профилактика на ранних этапах возможных правонарушений и манипуляционных воздействий» [2, с. 748].

Рассмотрим швейцарский опыт дистанционного электронного голосования в 2023 году, используя для оценки четыре критерия, ранее сформулированных в концепции электронного голосования как сети коммуникаций государства и общества [7, с. 130-131]: уровень явки избирателей, уровень доверия общества к результатам выборов, экономия ресурсов на проведение выборов, протестная активность после выборов. Статья отражает авторский подход к электронному голосованию как пространству коммуникаций между государством и обществом по вопросам выборов и референдумов.

Правовые основы проведения электронного голосования в Швейцарии закреплены в ст. 8а Федерального закона о политических правах, в ст. 27а-г Положения о политических правах и Постановлении Федеральной канцелярии об электронном голосовании. 3 марта 2023 года Федеральный совет предоставил кантонам Базель-городской, Санкт-Галлен и

Тургау разрешение на использование системы электронного голосования Swiss Post на срок до 3 мая 2025 года.

Согласно ст. 8а Федерального закона о политических правах, Федеральный совет по согласованию с заинтересованными кантонами и муниципалитетами может разрешить инициативы по проведению электронного голосования в ограниченном масштабе. Федеральный совет по запросу может разрешить кантонам, которые в течение длительного периода времени успешно проводили электронное голосование, продолжать его применение в течение определенного им периода времени. Также Федеральный совет может запретить проведение электронного голосования в любое время. Контроль за избирательными правами, тайна голосования и запись всех голосов должны быть гарантированы, а злоупотребления должны быть исключены.

Согласно ст. 27а-г Положения о политических правах, попытки проведения электронного голосования на федеральных референдумах требуют одобрения Бундесрата. Федеральный совет предоставляет кантонам, впервые подавшим заявку на получение земельного участка, разрешение на проведение не более пяти голосований. После как минимум пяти успешных попыток электронного голосования кантоном Федеральный совет может разрешить этому кантону использовать электронное голосование в течение определенного максимального срока. В любом случае попытки электронного голосования на выборах в национальные советы требуют специального базового разрешения Федерального совета. Федеральный совет может дать разрешение на попытки проведения федеральных референдумов в электронном виде при условии принятия всех эффективных и надлежащих мер для обеспечения контроля за правом голоса, тайны голосования и правильного распределения всех подписей и исключения опасности целенаправленного или систематического злоупотребления.

Таким образом, в швейцарском избирательном законодательстве закреплена возможность применения дистанционного электронного голосования, но его имплементация возможна только при одобрении этого способа голосования на уровне соответствующего кантона и при согласии Федерального совета.

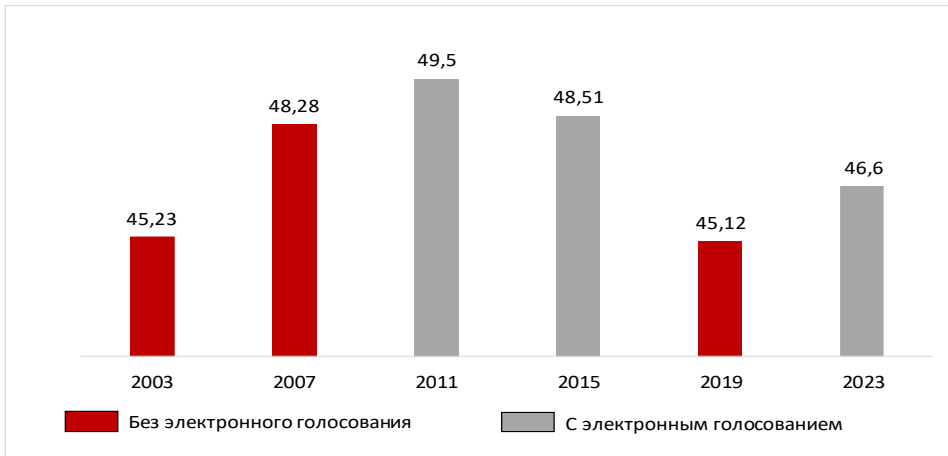
Успех правых партий на выборах во многих европейских странах (Венгрия, Италия, Франция, Словакия, Швеция) объясняется значительным общественным недовольством в отношении мигрантов и экономическими проблемами [9, с. 847]. Перед парламентскими выборами 2023 года политические партии особенно активно вели агитацию в социальных сетях, предпочитая их традиционной печатной прессе [13, с. 474 Опрос

одного из крупнейших центров изучения общественного мнения компании «Ipsos», проведенный в сентябре 2023 года по заказу газеты «Le Temps», показал, что миграционная ситуация в Швейцарии воспринимается 41% швейцарцев как очень тревожная. Пожилые люди (от 55 лет) и жители немецкоязычных регионов обеспокоены миграционной ситуацией в Швейцарии больше, чем молодежь (18-34 года) и франкоязычные регионы. В целом, 66% заявили, что миграция окажет влияние на их решение о голосовании [19].

На парламентских выборах в 2019 году наиболее обсуждаемыми были проблемы окружающей среды и смены пола [12, с. 190], а в 2023 году в повестке доминировали темы миграционной политики и снижения налогов. В 2023 году Народная партия Швейцарии (SVP) выступала за жесткие ограничения приема мигрантов и получила 62 места в парламенте, прибавив 9 мандатов по сравнению с выборами 2019 года SVP сосредоточила свою агитационную кампанию на актуальных проблемах населения: борьбе с миграцией, инфляцией и снижению налогового бремени.

Другие политические партии тоже пытаются использовать в своих программах тему решения проблем, связанных с мигрантами [11, с. 20-21]. Например, Радикально-либеральная партия (FDP) тоже сделала миграционную политику одной из своих приоритетных тем во время избирательной кампании. В отличие от SVP радикально-либералы настаивали на необходимости сохранения свободного передвижения людей для привлечения квалифицированных европейских рабочих, одновременно заявляя о своем желании бороться с «социальным туризмом» и «хаосом в сфере предоставления убежища». Одновременно с этим экологическая проблематика потеряла свою привлекательность как в Швейцарии, так и в других странах Европы. Поражение двух «зеленых» партий GLP и Grüne, потерявших 11 мест в парламенте является отголоском трудностей, с которыми сталкиваются такие партии в Европейском союзе.

Явка избирателей на парламентских выборах в Швейцарии в 2023 году составила 47% против 45% в 2019 году, что в том числе было достигнуто благодаря применению ДЭГ. В каждом из трех кантонов, тестирующих электронное голосование, более половины швейцарцев, зарегистрированных в кантональном реестре за рубежом, проголосовали электронным способом. На диаграмме показано, что средняя явка без ДЭГ на трех парламентских выборах составила 46,21%, а с ДЭГ – 48,20%. Таким образом, прирост явки составил 2%.

Рисунок 1 – Явка избирателей на парламентских выборах в Швейцарии, в % (+ 2%)

Однако абсентеистов в Швейцарии, как и прежде больше, чем избирателей. Это является существенной проблемой для властей страны, потому что неучастие в политической жизни общества приводит к недоверию граждан ко всем государственным институтам. Основная причина большой доли абсентеистов в Швейцарии кроется в парламентской коалиционной политической системе и возможности отменить решение парламента и правительства на референдуме. Даже в случае значимого усиления одной политической силы она не может сформировать правительство без вступления в коалиции с другими партиями. В связи с этим избиратели уверены, что смогут защитить свои интересы через участие в референдуме.

В других государствах-операторах ДЭГ – России и Эстонии его применение обеспечивает рост явки избирателей, особенно на уровне общенациональных парламентских выборов. Например, в 2021 году на выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва явка избирателей составила 51,72% и по сравнению с 2016 годом выросла на 3,84%. В 2023 году в парламентских выборах в Эстонии приняли участие 63,7% избирателей и по сравнению с последними выборами без электронного голосования в 2003 году прирост явки составил 5,46%. Как отмечают И.Б. Борисов и А.В. Игнатов [4, с. 19-20], проекты, направленные на цифровизацию электоральных процедур способны обеспечить устойчивый прирост явки избирателей. В Эстонии явка избирателей в результате применения ДЭГ тоже имеет тенденцию к росту. Эстония провела уже пять парламентских выборов с использованием ДЭГ и

по сравнению с последними выборами без электронного голосования в 2003 году прирост явки составил 5,46%, достигнув в 2023 году 63,7% [4, с. 20]. Парадоксально, но, как утверждает Ю. Кривоносова, при всех плюсах электронного голосования в Эстонии до введения электронных списков избирателей в 2023 году этот способ голосования не обеспечивал снижение нагрузки на избирательные комиссии из-за необходимости учета избирателей, голосовавших online и на избирательных участках [15, с. 75–76].

Главными выгодоприобретателями возвращения ДЭГ в Швейцарии стали зарубежные избиратели и люди с нарушениями зрения. Для 220 тыс. избирателей-экспатов было трудно принять участие в политической жизни страны. После отмены электронного голосования в 2019 году из-за задержек с почтовыми отправлениями и их дороговизны многие швейцарцы, проживающие в других странах, не успевали принять участие в выборах. Именно общественное объединение швейцарцев за рубежом неоднократно требовало у правительства возобновления электронного голосования, ставшего удобной альтернативной голосованию по почте [17, с. 9–10]. Кроме того, около 380 тыс. швейцарцев живут с нарушениями зрения. Они не могут участвовать в голосовании и выборах без посторонней помощи, что нарушает тайну голосования. Благодаря электронному голосованию многие барьеры для слабовидящих людей будут сняты.

В опросе, проведенном в 2023 году авторитетным исследовательским институтом gfs-zürich 72% респондентов, выступили за введение электронного голосования в дополнение к другим каналам голосования [18]. При этом отсутствовали существенные различия между языковыми регионами и между мужчинами и женщинами. Среди пожилых людей в возрасте 65 лет и старше уровень одобрения ниже, примерно на 60%. Уровень одобрения электронного голосования среди сторонников SVP составляет 68% и 82% у центристов и «зеленых». Респондентам были представлены различные аргументы за и против введения электронного голосования. При этом аргументы «за» находят значительно большее одобрение, чем аргументы «против». Больше всего (76%) поддерживают аргумент о том, что электронное голосование улучшит доступ к выборам и голосованию для проживающих за границей швейцарцев. Аргументы о том, что электронное голосование упростит процесс голосования, также находят явное одобрение (63%); электронное голосование улучшит доступ к выборам и голосованию для слабовидящих и слепых людей (56%). Отметим, что доверие к результатам выборов заметно ниже среди молодежи. Если большинство швейцарцев доверяет федеральным выборам, а также национальным, кантональным и муниципальным ин-

ститутам, то молодежь скептически относится к политическим партиям, политикам и средствам массовой информации.

Швейцария вернулась к проведению ДЭГ в 2023 году после пятилетнего перерыва. В течение четырех лет государственная компания Swiss Post разрабатывала и тестировала новую платформу электронного голосования. Компания не разглашает расходы на реализацию проекта, но очевидно, что электронное голосование может сэкономить финансовые и человеческие ресурсы только при условии его масштабирования и многократного использования. Расходы в расчете на одного избирателя снизятся по мере увеличения числа избирателей, участвующих в электронном голосовании, и увеличения числа кантонов, использующих решение Swiss Post для электронного голосования. В связи с этим первый опыт применения новой платформы ДЭГ не позволил обеспечить экономию ресурсов.

Однако российский и эстонский опыт электронного голосования убедительно доказывает, что экономия возможна. Так, в г. Москве в 2023 году количество избирательных участков было уменьшено в 1,5 раза, что позволило снизить размер зарплатного фонда для членов УИК, на который приходится до 60% всех расходов организаторов выборов. Электронных избирателей в Москве было 81%. В других регионах тоже уменьшилось количество участковых избирательных комиссий, что позволит сэкономить ресурсы и повысить профессионализм состава работающих комиссий. В Эстонии именно электронное голосование является наиболее дешевым каналом голосования из-за количества избирателей, решивших им воспользоваться. Стоимость голосования одного избирателя через интернет составляет около 2 евро, а при традиционном голосовании на избирательном участке в день выборов – 3 евро. Досрочное голосование на обычных избирательных участках является самым дорогим – 16 евро, что связано с небольшим числом голосующих [14, с. 9–10]. Впервые в мировой практике проведения выборов в 2023 году в Эстонии «электронных избирателей» было больше (51%), чем избирателей, проголосовавших бумажными бюллетенями (49%). Эстонское электронное голосование стало главным донором явки и будет применяться в будущем, потому что удерживает аудиторию избирателей, предупреждая снижение явки за счет удобства и доверия к ставшей привычной процедуре [4, с. 17].

После объявления результатов парламентских выборов в Швейцарии не было протестных выступлений, оспаривающих их. Уличные митинги в октябре 2023 года были посвящены поддержке Израиля в конфликте с движением Хамас. Кроме того, власти Берна и Базеля запретили проведение любых митингов и даже одиночных пикетов в день голосования, 22 октября.

При этом известный юрист из Базельского университета Маркус Шефер отметил, что такие запреты нарушают принципы свободы мнений и демонстраций [8]. Ученый не видит правовых оснований для запретов на демонстрации протеста, а из-за этого создается впечатление, что в Швейцарии осуществляется цензура.

Swiss Post разработала систему электронного голосования в своем ИТ-центре в Невшателе в Германии, что согласуется с требованиями избирательного законодательства Швейцарии. Система электронного голосования основана на криптографическом протоколе, обеспечивающем проверку результатов голосования как индивидуально (избирателями), так и кантональной избирательной комиссией.

С 2021 года компания раскрывает информацию о своей новой системе электронного голосования. Все компоненты и документы полностью и постоянно доступны для общественности и могут быть изучены независимыми экспертами. Swiss Post продолжает публиковать новые версии разработки и новые релизы на специальной платформе «Swisspost-evoting. GitLab», где доступны исходный код, криптографические алгоритмы и программа проверки электронного голосования.

Система настроена, чтобы предотвратить подачу недействительных электронных бюллетеней. Особенностью интерфейса швейцарского электронного голосования является представление информации на четырех национальных языках Швейцарии: немецком, французском, итальянском и ретороманском. Несмотря на то, что платформа голосования уже запущена, публичный поиск уязвимостей в системе безопасности продолжается на постоянной основе. В период с 8 по 31 июля 2023 года «белые хакеры» со всего мира смогли протестировать последнюю версию электронного голосования в рамках публичного тестирования на вторжение. В ходе таких тестов хакеры атакуют приложение с целью обнаружения уязвимостей, а те, кому это удается, получают финансовое вознаграждение.

Тестирование является ключевым инструментом Swiss Post и частью ее программы по борьбе с ошибками, которая гарантирует постоянное совершенствование системы. ИТ-специалисты со всего мира используют ее для выявления потенциальных уязвимостей в системе электронного голосования. Регулярные тесты такого типа являются юридическим требованием, предусмотренным правительством Швейцарии. В 2023 году был проведен тест на вторжение, в ходе которого более 2 тысяч хакеров попытались взломать систему электронного голосования. После более чем 55 тысяч атак ни одному из участников не удалось проникнуть в систему электронного голосования или в накопитель бюллетеней.

В тесте на вторжение можно выявить ошибки четырех уровней серьезности: низкий, средний, высокий или критический. После проверки Swiss Post подтвердила только одно из четырех представленных результатов, классифицированных как ошибка низкого уровня. Результаты не касались каких-либо аспектов, связанных с безопасностью, а указывали на ошибки в навигации на сайте электронного голосования. Хакер получил вознаграждение в размере 4 тысяч франков, а Swiss Post внедрила это улучшение.

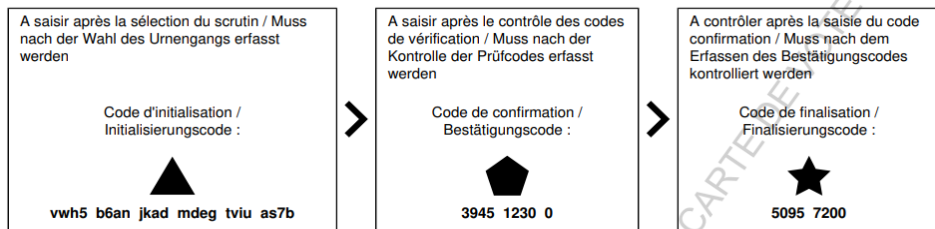
Помимо публичного тестирования на вторжение, которое Swiss Post проводит на регулярной основе, постоянно проводится публичный обзор программного кода, спецификаций и другой важной документации системы электронного голосования. Последние версии этих документов находятся в открытом доступе для проверки специалистами. Swiss Post уже получила более 285 отчетов от «белых хакеров» и выплатила им более 170 тысяч франков вознаграждения.

Важным аспектом подготовки к электронному голосованию стало обучение избирателей. В преддверии федеральных выборов 2023 года Swiss Post открыла доступ к тестовой платформе электронного голосования [21] для обучения избирателей. Избиратель в несколько этапов может пройти весь процесс голосования. Он входит на портал электронного голосования, вводя код инициализации (Initialisierungscode) из удостоверения личности избирателя для начала голосования.

Vote électronique / E-Voting

URL : <https://demo.evoting.ch>

Fingerprint (SHA-256) : 3D 07 7A 24 37 1B 4C 22 2A 6F E3 4A 7C 27 AD A8 A6 30 5C 6B 7B 8F 83 0F 56 F0 CA 2F FE FE 2B EB

Election du 30.12.2023 - codes de vérification / Wahl vom 30.12.2023 - Prüfcodes

Рисунок 2. - Набор кодов, которые получали швейцарские избиратели при тестовом голосовании в 2023 году [21]

Избирателям предлагалось проголосовать по одному из списков: композиторы, писатели, музыканты, ученые, математики. Например, избиратель выбрал список математиков и проголосовал за Николая Коперника. Для от-

правки голоса он должен самостоятельно зашифровать его, введя индивидуальный код подтверждения (Bestätigungscode), соответствующий Николаю Копернику, который указан в документах, присланных избирателю по почте. После подачи голоса избирателю предлагается сравнить код завершения (Finalisierungscode), отображенный на экране голосования с кодом, указанным в удостоверении личности избирателя. Если код совпадает, то избиратель нажимает кнопку, завершающую голосование. Организаторы электронного голосования рекомендовали избирателю очистить кэш браузера после голосования, чтобы устройство не узнало о его выборе. Такую же сложную процедуру голосования нужно выполнить и на официальных выборах.

Аутентификация швейцарских избирателей является сложной задачей поскольку в Швейцарии нет универсальной цифровой идентификационной карты. Swiss Post решает эту проблему, отправляя по почте каждому избирателю перед выборами бумажное письмо с удостоверением электронного избирателя, а также ключом авторизации и кодами подтверждения выбора избирателя. Как при тестовом голосовании один код позволяет избирателю войти на платформу электронного голосования своего кантона, а другие коды используются для проверки корректности учета голоса избирателя и подтверждения сделанного выбора.

The screenshot shows the 'Stimmabgabe starten' (Start Voting) page of the Swiss voting portal. At the top, there is a progress bar with six steps: 1. Gesetzliche Bestimmungen, 2. Stimmabgabe starten (active), 3. Stimme erfassen, 4. Kontrollieren und verschlüsseln, 5. Verifizieren und abgeben, and 6. Stimme abgegeben. Below the progress bar, the main heading is 'Stimmabgabe starten'. A sub-heading reads: 'Geben Sie Ihren Initialisierungscode und Ihr Geburtsdatum ein. Drücken Sie anschließend auf Starten. Verwenden Sie während des Stimmabgabeverganges nicht die Navigationsschaltflächen Ihres Webbrowsers und aktualisieren Sie die Website nicht manuell, Ihre Sitzung kann sonst verloren gehen.' The form contains two main input fields: 'Initialisierungscode' with a value 'a0b1c2d3e4f5g6h7i8j9k0l1' and a link 'Was ist der Initialisierungscode?'; and 'Geburtsdatum' with a value '01.01.1970'. At the bottom right, there are 'Zurück' and 'Starten' buttons.

Рисунок 3 - Начало голосования с полями для ввода кода инициализации из удостоверения личности избирателя и даты рождения [20]

Затем избиратель выбирает кандидатов в приложении, а приложение использует ключ избирателя для шифрования и аутентификации результатов голосования и передачи их на сервер. Следующим шагом является отправление избирателю кодов возврата (Prüfcode). Они вычисляются на основе закрытого ключа, известного серверу, но не избирателю или клиентскому приложению, связанному с ключом начала голосования, который ввел избиратель. Приложение для голосования отображает эти коды результатов. Затем избиратель сравнивает коды результатов на листе бумаги и проверяет, соответствуют ли они выбранным кандидатам. Компьютер избирателя не знает этих кодов, поэтому, даже если он заражен вредоносным ПО, он не может обмануть избирателя.

Если система работает правильно, то приложение для голосования (даже взломанное) не может узнать коды результатов. Приложение не может видеть, какие коды результатов указаны на бумажном документе, если только к компьютеру избирателя не подключено устройство слежения. Одной из ступеней безопасности швейцарской системы электронного голосования является внешний канал связи, который полностью недоступен компьютеру избирателя. Голосование избирателя зашифровывается в системе, анонимизируется и сохраняется в электронном накопителе бюллетеней. Только избирательная комиссия соответствующего кантона может открыть хранилище голосов, расшифровать и подсчитать их.

Цель этого исследования состояла в том, чтобы определить влияние ДЭГ на явку избирателей и результаты партий, участвующих в парламентских выборах в Швейцарии в 2023 году. Возвращение электронного голосования в выборную практику, обеспечило умеренный рост явки избирателей при общественном доверии к новой форме политического участия и отсутствии политических протестов, оспаривающих итоги выборов. Гипотеза о положительном влиянии ДЭГ на явку избирателей на выборах с некоторыми оговорками подтвердилась. Значительное повышение электоральной активности в Швейцарии в результате применения ДЭГ возможно при дальнейшем расширении географии его применения с трех кантонов до всей территории страны.

Однако швейцарские организаторы выборов не смогли обеспечить экономию ресурсов на их проведение, что объясняется первым опытом применения ДЭГ после пятилетнего перерыва. При увеличении числа электронных избирателей снижается стоимость голосования из расчета на одного избирателя. Среди основных заинтересованных групп возобновления электронного голосования в Швейцарии были общественные организации швей-

царцев, проживающих за рубежом (ASO), и швейцарская ассоциация слепых и слабовидящих (SBV).

Нужно отметить, что при всей надежности электронного голосования в Швейцарии существуют два недостатка. Во-первых, интерфейс швейцарского ДЭГ является сложным и неудобным для избирателя, которому нужно несколько раз вводить коды для подтверждения выбора и передачи голоса. При этом пакет идентификационных документов для голосования избиратель должен получить бумажным письмом через почтовую службу. Во-вторых, избирателю на этапе проверки корректности учета своего волеизъявления становится известно, как был подсчитан его голос. Тайна голосования не соблюдается, что создает угрозу контроля за голосованием третьих лиц. В российском ДЭГ соблюдается тайна и удобство голосования избирателя, который, впрочем, может проверить был ли учтен его голос с помощью индивидуального кода транзакции, но без раскрытия тайны голосования.

Пример Швейцарии демонстрирует функционирование механизма обратной связи между властью и контрвластью в лице гражданского общества в сети электронного голосования. После успешного опыта применения ДЭГ на парламентских выборах в 2011–2015 гг. власти Швейцарии были вынуждены отказаться от ДЭГ в 2019 году из-за выявленных технических проблем и угрозы фальсификации итогов голосования. Однако после решения проблем и создания новой платформы электронного голосования, удовлетворяющей требованиям большинства граждан и политических сил ДЭГ было возвращено в выборную практику в ограниченном масштабе.

Литература

1. Алексеев Р.А. Технология блокчейн на выборах: прошлое, настоящее и будущее // Журнал политических исследований. 2020. №4. С. 25-38.
2. Арутюнов А.Г. Реализация и легитимация результатов дистанционного электронного голосования в регионах России: особенности городских и сельских практик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №3. С. 738-751.
3. Баранов Н.А. От недоверия — к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. №3. С. 433-446.
4. Борисов И.Б., Игнатов А.В. Электронное голосование в Эстонии бьет рекорды. Общее и особенное в международном развитии ДЭГ // Избирательное законодательство и практика. 2023. №1. С. 14-20.
5. Минтусов И.Е., Гуляев Д.С. Дистанционное электронное голосование в странах англосаксонской системы: США, Австралия, Великобритания. Почему голосование ДЭГ не прижилось? // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. №1. С. 122-139.
6. Морозова С.С., Будко Д.А. Особенности развития цифровой демократии в крупных городах России (на примере Санкт-Петербурга) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18. №4. С. 456-469.
7. Федоров В.И. Электронное голосование как сеть коммуникаций между государством и обществом // Вестник Московского государственного областного универси-

тата (электронный журнал). 2022. №4. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1208> (дата обращения 02.02.2024).

8. Швейцарские города отменяют проведение всех митингов. URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/politics/швейцарские-города-отменяют-проведение-всех-митингов-/48905816> (дата обращения: 25.10.2023).

9. Abou-Chadi T., Krause W. The causal effect of radical right success on main-stream parties' policy positions: A regression discontinuity approach. *British Journal of Political Science*. 2020. №50(3). P. 829-847.

10. Alvarez R., Hall T. *Electronic Elections: The Perils and Promises of Digital Democracy*. Princeton University Press, 2010.

11. Gessler T., Hunger S. How the refugee crisis and radical right parties shape party competition on immigration. *Political Science Research and Methods*. 2021. Vol. 10. Iss. 3. P. 1-21.

12. Gilardi F., Gessler T., Kubli M., Müller S. Issue Ownership and Agenda Setting in the 2019 Swiss National Elections. *Swiss Political Science Review*. 2022. *Schweizerische Zeitschrift für Politikwissenschaft*. Vol. 28. Iss. 2. P. 190-208.

13. Fischer M. From newspapers to social media? Changing dynamics in Swiss direct democratic campaigns. *Swiss Political Science Review*. 2023. Vol. 29. Iss. 4. P. 465-478.

14. Krimmer R., Duenas-Cid D., Krivososova I. New Methodology for Calculating Cost-Efficiency of Different Ways of Voting: Is Internet Voting Cheaper? *Public Money & Management*. 2020. February. P. 1-10.

15. Krivososova I. The forgotten election administrator of internet voting: lessons from Estonia. *Policy studies*. 2021. №43. P. 1254-1276.

16. Rubin A.D. *Brave New Ballot: The Battle to Safeguard Democracy in the Age of Electronic Voting*. New York, 2006, NY: Morgan Road Books, 2006.

17. Pleger L.E., Mertes A. Use and Assessment of E-Voting Systems: Findings from an Online-Survey among Swiss Nationals Living Abroad. *Swiss Yearbook of Administrative Sciences*. 2018. №9. P. 1-11.

18. Schweizer Bevölkerung befürwortet E-Voting. URL: <https://gfs-zh.ch/schweizer-bevoelkerung-befuerwortet-e-voting/> (дата обращения 25.10.2023).

19. The Swiss push for a European solution to migration issues. Ipsos. URL: <https://www.ipsos.com/en-ch/swiss-push-european-solution-migration-issues> (дата обращения 02.02.2024).

20. Voting electronic. Start-voting. URL: <https://demo.evoting.ch/vote/#/start-voting> (дата обращения 25.10.2023).

21. Voting electronic. URL: <https://demo.evoting.ch/> (дата обращения 25.10.2023).

References

1. Alekseev R.A. Tekhnologiya blokchein na vyborah: proshloe, nastoyashchee i budushchee. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*. 2020. №4. S. 25-38.

2. Arutyunov A.G. Realizatsiya i legitimatsiya rezul'tatov distantsionnogo elektron-nogo golosovaniya v regionakh Rossii: osobennosti gorodskikh i sel'skikh praktik. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Politologiya. 2023. T. 25. №3. S. 738-751.

3. Baranov N.A. Ot nedoveriya — k legitimatsii: trudnyi put' tsifrovyykh el-ektoral'nykh tekhnologii na primere Rossii. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Politologiya. 2022. T. 24. №3. S. 433-446.

4. Borisov I.B., Ignatov A.V. Elektronnoe golosovanie v Estonii b'et rekordy. Ob-shchee i osobennoe v mezhdunarodnom razvitii DEG. *Izbitatel'noe zakonodatel'stvo i prak-tika*. 2023. №1. S. 14-20.

5. Mintusov I.E., Gulyaev D.S. Distantsionnoe elektronnoe golosovanie v stranakh anglosaksonskoi sistemy: SShA, Avstraliya, Velikobritaniya. *Pochemu golosovanie DEG ne prizhilos? Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. 2022. №1. S. 122-139.

6. Morozova S.S., Budko D.A. Osobennosti razvitiya tsifrovoi demokratii v krupnykh gorodakh Rossii (na primere Sankt-Peterburga). Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2022. T. 18. №4. S. 456-469.

7. Fedorov V.I. Elektronnoe golosovanie kak set' kommunikatsii mezhdru gosudarstvom i obshchestvom. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal). 2022. №4. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1208> (data obrashcheniya 02.02.2024).

8. Shveitsarskie goroda otmenyat provedenie vsekh mitingov. URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/politics/shveitsarskie-goroda-otmenyat-provedenie-vsekh-mitingov-/48905816> (data obrashcheniya: 25.10.2023).

9. Abou-Chadi T., Krause W. The causal effect of radical right success on mainstream parties' policy positions: A regression discontinuity approach. British Journal of Political Science. 2020. №50(3). R. 829-847.

10. Alvarez R., Hall T. Electronic Elections: The Perils and Promises of Digital Democracy. Princeton University Press, 2010.

11. Gessler T., Hunger S. How the refugee crisis and radical right parties shape party competition on immigration. Political Science Research and Methods. 2021. Vol. 10. Iss. 3. R. 1-21.

12. Gilardi F., Gessler T., Kubli M., Müller S. Issue Ownership and Agenda Setting in the 2019 Swiss National Elections. Swiss Political Science Review. 2022. Schweizerische Zeitschrift für Politikwissenschaft. Vol. 28. Iss. 2. R. 190-208.

13. Fischer M. From newspapers to social media? Changing dynamics in Swiss direct democratic campaigns. Swiss Political Science Review. 2023. Vol. 29. Iss. 4. R. 465-478.

14. Krimmer R., Duenas-Cid D., Krivososova I. New Methodology for Calculating Cost-Efficiency of Different Ways of Voting: Is Internet Voting Cheaper? Public Money & Management. 2020. February. R. 1-10.

15. Krivososova I. The forgotten election administrator of internet voting: lessons from Estonia. Policy studies. 2021. №43. R. 1254-1276.

16. Rubin A.D. Brave New Ballot: The Battle to Safeguard Democracy in the Age of Electronic Voting. New York, 2006, NY: Morgan Road Books, 2006.

17. Pleger L.E., Mertens A. Use and Assessment of E-Voting Systems: Findings from an Online-Survey among Swiss Nationals Living Abroad. Swiss Yearbook of Administrative Sciences. 2018. №9. R. 1-11.

18. Schweizer Bevölkerung befürwortet E-Voting. URL: <https://gfs-zh.ch/schweizer-bevoelkerung-befuerwortet-e-voting/> (data obrashcheniya 25.10.2023).

19. The Swiss push for a European solution to migration issues. Ipsos. URL: <https://www.ipsos.com/en-ch/swiss-push-european-solution-migration-issues> (data obrashcheniya 02.02.2024).

20. Voting electronic. Start-voting. URL: <https://demo.evoting.ch/vote/#/start-voting> (data obrashcheniya 25.10.2023).

21. Voting electronic. URL: <https://demo.evoting.ch/> (data obrashcheniya 25.10.2023).

Л.Я. Прокопенко

**ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПАРТИЙ АФРИКИ
В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ
ПРОЦЕССЕ (РЕСПУБЛИКА
ЗАМБИЯ)**

Аннотация

Крепнущее политическое, экономическое и культурное сотрудничество России и стран Африки предполагает расширение и углубление знаний о специфике исторического развития, современных проблемах африканского общества и политических элит. В XXI веке в общественно-политическом развитии и в политическом процессе Замбии, как и многих других стран Африканского континента, возросла роль репутации и общественного образа партий и их лидеров. В условиях политической конкуренции яркий и положительный имидж политика увеличивает его шансы на электоральный успех. Прежде всего, это связано с легитимностью власти, так как она непосредственно зависит от мнения о ней граждан страны.

Политические партии являются важными институциональными образованиями политической системы. Тема их восприятия электоратом остается крайне актуальной, а имидж политических партий и их кандидатов является важнейшей частью любой избирательной кампании. Отмечается, что в условиях существования в африканских странах персонифицированного восприятия власти баланс в процессе политической коммуникации часто смещается от идеологии и программы партии в сторону имиджа ее лидера.

На примере Замбии автор показал особенности имиджа правящих и оппозиционных партий африканских стран, дал характеристику влияния религиозного и этнического факторов на партийное строительство. Электоральный процесс в Замбии, где за последние десятилетия власть трижды мирно переходила в результате выборов к оппозиции, показал, что мобилизация избирателей вокруг политических лидеров с выразительным и понятным имиджем может

L. Prokopenko

**IMAGE OF AFRICAN
POLITICAL PARTIES IN
THE ELECTORAL PROCESS
(REPUBLIC OF ZAMBIA)**

Abstract

The growing political, economic and cultural cooperation between Russia and African countries involves expanding and deepening knowledge about the specifics of historical development, modern problems of African society and political elites. In the 21st century, the role of the reputation and of public image of parties and their leaders in the socio-political development and in the political process of Zambia, as of many other African countries, has increased. In the context of political competition, a bright and positive image of a politician enlarges his chances of electoral success. This is due, above all, to the legitimacy of the government, since it depends directly on the opinion of the country's citizens about them.

Political parties are important institutional formations of the political system. The issue of their perception by the electorate remains extremely relevant, the image of political parties and their candidates being the most important part of any election campaign. It is noted that given the existence of a personalized perception of power in African countries, the balance in the process of political communication shifts often from the ideology and the program of a party towards the image of its leader.

The author highlights through Zambia the features of the image of ruling and opposition parties and characterizes the influence of religious and ethnic factors on party building. The electoral process in Zambia, where power was peacefully transferred to the opposition three times in recent decades, has shown that a mobilization of voters around political leaders with a clear and understandable image can be a determining guideline for

стать определяющим критерием их победы на выборах. their electoral victory.

Ключевые слова:

Замбия, партии, имидж, президенты, выборы, связи с общественностью, СМИ, имиджмейкеры, особенности партийного имиджа, этнический фактор.

Key words:

Zambia, parties, image, presidents, elections, public relations, media, image makers, features of the party image, ethnic factor.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-93-116>

В 2024 году Россия как председатель международного объединения БРИКС будет проводить его очередной саммит, который состоится в октябре в Казани. Ее партнерство с Южно-Африканской Республикой позволяет расширить и углубить сотрудничество с другими странами южноафриканского региона, в том числе с Замбией.

Российско-замбийские дипломатические отношения были установлены уже через неделю после провозглашения независимости Замбии 24 октября 1964 года. Помощь СССР молодому африканскому государству в его экономическом развитии и становлении национальных кадров стала основой дальнейшего сотрудничества наших стран. Политическое, экономическое и культурное сотрудничество России и Замбии продолжается. В июле 2018 года в Йоханнесбурге (ЮАР) в рамках саммита БРИКС состоялась встреча президента РФ В.В. Путина с президентом Замбии Э. Лунгу. В феврале 2020 года состоялся официальный визит в Замбию делегации Совета Федерации Федерального Собрания РФ во главе с В.И. Матвиенко, которая отметила, что «Замбия для России – надежный и проверенный партнер, с которым сохраняются отношения взаимовыгодного сотрудничества» [4].

Замбия участвовала в Первом (г. Сочи, 23–24 октября 2019 г.) и Втором (г. Санкт-Петербург, 27–28 июля 2023 г.) экономических и гуманитарных форумах Россия – Африка, в подготовке и проведении которых активное участие принял Институт Африки РАН во главе с его директором членом-корреспондентом РАН И.О. Абрамовой. Россия традиционно помогает Замбии в подготовке национальных кадров. В 2017 году началось сотрудничество наших стран в области ядерной энергетики.

Развитие дальнейших связей с Замбией, как и с другими странами Африки, предполагает расширение и углубление знаний о специфике их исторического развития, экономики, культуры, о политических элитах и современных проблемах африканского общества.

Внимание к политическому имиджу на современном этапе является мировой тенденцией. В современных условиях имидж политического лидера приобретает все большую значимость в анализе политического лидерства.

Имидж политических партий стал предметом исследования целого ряда зарубежных и отечественных политологов и психологов, например, Р.Д. Триллинга [40], А. Сандерса [37], Р.Дж. Далтона [18], О.В. Гаман-Голутвиной [2; 3], Е.Б. Шестопал [10; 11]. Работ по этой тематике на африканском материале, в том числе по Замбии, крайне мало, но некоторые аспекты фрагментарно отражены в ряде книг, посвященных ее политическому развитию [19; 21; 23].

Политический имидж партий и кандидатов – важная составляющая избирательной кампании. Сегодня в политике все больше проявляются стандарты бизнес-менеджмента. Поэтому необходимым элементом формирования имиджа политика, который помогает победить на выборах и поддерживать репутацию, является его позиционирование. Согласно зарубежным и отечественным политологам (П. Бурдые, Дж. Миллер, М. Маклюэн, Г.В. Пушкарева и др.), позиционирование в политике – это технология продвижения политических интересов лидера и партий, которая повышает их конкурентоспособность на политическом рынке. Это также публичная коммуникация, которая влияет на изменение позиции субъектов в политическом пространстве.

Республика Замбия, в которой живут более 70 народов, – один из примеров этнополитической стабильности на Африканском континенте. В отличие от ряда других полиэтничных стран континента, в Замбии не было кровопролитных конфликтов. За 60 лет независимости власть трижды переходила в руки оппозиции, но этот переход всякий раз был мирным в результате демократических выборов. Почти 30 лет (1964–1991 гг.) страной управляла Объединенная партия национальной независимости (ЮНИП – United National Independence Party, UNIP) во главе с Кеннетом Каундой, 20 лет (1991–2011 гг.) – партия Движение за многопартийную демократию (ДМД – Movement for Multi-party Democracy, MMD) во главе с президентами Фредериком Чилубой, Леви Мванавасой и Рупиа Бандой, 10 лет (2011–2021 гг.) – Патриотический фронт (ПФ – Patriotic Front, PF), возглавляемые поочередно Майклом Сатой и Эдгаром Лунгу, а в августе 2021 года к власти пришла Объединенная партия за национальное развитие (ОПНР – United Party for National Development, UPND), лидером которой является Хакаинде Хичилема. Этих политиков отличает как возраст на момент избрания главой государства (Каунда – 40 лет, Чилуба – 49, Мванаваса – 53, Банда – 71, Сата – 74, Лунгу – 58, Хичилема – 59 лет), так и этническая принадлежность (Каунда и Хичилема – тонга, Чилуба и Сата – бемба, Л. Мванаваса – лендже, Банда – чева по отцу и нгони по матери, Лунгу – нсенга) и образование (Каунда – учитель, Чилуба – служащий, Мванаваса и Лунгу – юристы, Банда – дипломат, у Саты было только начальное образование, Хичилема – бизнесмен). Однако все они сумели найти решение периодически возникающих

кризисов социально-политической обстановки и сохранить в стране мир. Важная заслуга в этом принадлежит как собственному политическому имиджу президентов, так и имиджу правящей партии.

На первых этапах развития партийного строительства в Замбии образ политической организации формировался стихийно, но под некоторым контролем ее лидера, степень которого определялся профессионализмом его команды. Начало партогенеза связано с созданием в 1920-е гг. первых организаций коренного населения – так называемых «добровольных туземных ассоциаций». Первая политическая партия коренного населения страны – Африканский конгресс Северной Родезии (так тогда называлась Замбия) была создана в 1948 году. В 1951 году партия была переименована в Африканский национальный конгресс (АНК) Северной Родезии. В результате расколов в 1958 и 1959 году была создана Объединенная партия национальной независимости (ЮНИП) во главе с К. Каундой, которая и привела страну к независимости в октябре 1964 года.

В декабре 1972 года была установлена однопартийная система, и партия ЮНИП во главе с К. Каундой находилась у власти до 1991 года. Ухудшение экономической ситуации, нарастание недовольства широких масс населения вынудило правительство вернуться к многопартийности, и в 1990 году была создана политическая партия Движение за многопартийную демократию (ДМД – Movement for Multi-party Democracy, MMD), лидером которой стал профсоюзный лидер Фредерик Чилуба. В следующем году были созданы еще восемь политических партий (например, Демократическая партия (Democratic Party, DP)), большинство которых стояли на платформе ДМД.

Как и во многих других африканских странах, многопартийную систему Замбии характеризует раздробленность политических сил, выраженная в наличии большого количества партий. В 1993 году их насчитывалось около двух десятков, а к середине 2010-х гг. их было почти 30. Количество партий, как правило, растет перед очередными всеобщими выборами, и часто такие организации состоят только из лидера и нескольких членов. В партийном спектре страны действуют партии различной идеологической направленности. При этом необходимо учитывать, что в Африке идеологические различия между политическими партиями не всегда четко выражены. Различия между государством и правящей партией также часто размыты, что «...затрудняет их включение в классификации, разработанные политологами» [9, с. 6]. Политические партии регистрируются в соответствии с Законом об обществах и в большинстве случаев не сталкиваются с обременительными регистрационными требованиями. В партийном спектре Замбии помимо реально действующих политических партий возникали и продолжают возникать

каты ряд именуемых себя партиями деидеологизированных образований, подобные которым российский политолог О.В. Гаман-Голутвина называет «политическими фантомами» [2, с. 89].

По результатам последних президентских и парламентских выборов, состоявшихся в августе 2021 года, наиболее влиятельными партиями являются правящая Объединенная партия за национальное развитие (ОПНР – United Party for National Development, UPND), (Патриотический фронт, ПФ – Patriotic Front, PF) и Партия национального единства и прогресса (Party Of National Unity and Progress), все они представлены в парламенте. На президентских выборах в числе 16-ти зарегистрированных кандидатов были кандидаты старейших партий страны: ЮНИП (Тревор Мвамбва), ДМД (Неверс Мумба), Демократическая партия (Гарри Калаба), ОПНР (Хакаинде Хичилема, партия создана в 1998 году), «Новая партия Наследие» (New Heritage Party, бывшая партия «Наследие», созданная в 2001 году, кандидат Чисала Катэка). Кроме победившей на выборах ОПНР во главе с Х. Хичилемой, ни одна из этих партий не смогла получить места в парламенте, и все они оказались вне парламента. В то же время одна из молодых организаций (создана в 2017 году) Партия национального единства и прогресса сумела завоевать в парламенте одно место.

Необходимо отметить, что не всегда известна численность рядов партии, более того не каждая штаб-квартира партии располагает полными списками своих членов. О численности партийных рядов можно судить (хотя и приблизительно) по количеству голосов избирателей, проголосовавших за организацию на выборах. При этом необходимо учитывать, что из прагматичных соображений один и тот же человек одновременно может состоять в нескольких организациях. В этих условиях сложно определить степень поддержки партии в обществе, выражаемую так называемым «индексом членства» (отношение числа голосующих за партию к числу членов партии), который ввел французский политолог М. Дюверже.

Политическая партия представляет собой социальную систему, которая имеет достаточно большое количество подсистем и блоков, среди которых имиджевый блок играет значимую роль.

В начале политической деятельности имидж лидера часто формируется стихийно. Но для достижения им власти, а потом для ее сохранения необходимы комплексные усилия как самого политика и его команды, так и привлечение профессионалов из национальных и/или зарубежных PR-компаний.

Информация об активном использовании политиками Замбии услуг специалистов в сфере PR (связи с общественностью) ограничена. Это зако-

номерно, потому что в данном случае в конфиденциальности заинтересованы обе стороны. Политики в глазах главных целевых аудиторий – электората страны, международного сообщества и финансовых доноров – пытаются соответствовать имиджу эффективных лидеров партий, которые способны после победы на выборах улучшить жизнь своих граждан. А сами PR-специалисты, хотя и не против лишней рекламы, часто умалчивают о своем участии в формировании имиджа политиков из-за полученных ими высоких гонораров. Но даже поверхностный анализ предвыборных выступлений кандидатов в президенты, их поведение в ходе дебатов, а также анализ агитационной тактики партий свидетельствует о том, что многое из этого является результатом работы опытных имиджмейкеров.

В африканской политической культуре сочетаются западные и местные элементы. Этот дуализм усложняет процесс формирования имиджа местного политика. С одной стороны, его образ должен быть понятным и воспринимаемым электоратом, немалая часть которого малообразованна, живет в условиях сохранения элементов традиционного африканского общества. А с другой – имидж лидера должен соответствовать запросам западных финансовых доноров и иностранных инвесторов, от помощи которых продолжает зависеть развитие страны. Поэтому предвыборным кампаниям присуща эклектика: лидеры провозглашают лозунги западной демократии на митингах, которые часто проходят под традиционные африканские песни и танцы. В коммуникации во всех ситуациях политику необходимо внушать доверие, быть уверенным и убедительным. Для лидера обладание положительным и привлекательным имиджем только одно из условий его победы на выборах, но он способствует росту количества голосов избирателей, принадлежащих к разным социальным слоям, этническим группам и возрастным категориям. Перечисленные требования, предъявляемые к эффективному лидеру, были учтены специалистом в области репутационного менеджмента Ф. Бэрдом (пионер коммуникационного консалтинга в Африке), который был консультантом избирательной кампании Ф. Чилубы в 1991 году. Результатом работы Бэрда стало десятилетнее пребывание Чилубы на вершине власти.

На замбийском рынке работают несколько международных фирм, которые предоставляют PR-услуги. В их числе британская фирма Langmead & Baker Ltd. и одна из старейших глобальных PR-компаний Burson Marsteller (США), созданная в 1953 году. Считается, что PR-поддержкой избирательных кампаний Р. Банды в 2008 и 2011 гг. занималась британская фирма Bell Portinger. По информации замбийских СМИ, нынешний президент страны Хакаинде Хичилема во время своих неоднократных попыток попасть на Олимп

власти также прибегал к услугам британских имиджмейкеров, о чем свидетельствуют некоторые изменения его риторики и манеры общения.

Политики и партии за имидж-консультацией могут обратиться и к местным специалистам. В 2005 году в столице страны г. Лусака была создана национальная частная PR-фирма Cutting Edge PR Zambia. В стране действует национальная Ассоциация по связям с общественностью (Zambia Public Relations Association, ZAPRA), в которую входит и вышеназванная фирма. Ее председатель Д. Мупенда в октябре 2014 года обратился к политическим партиям страны с призывом в ходе избирательной кампании 2016 года «прибегать к квалифицированной помощи практиков PR для улучшения стратегии коммуникации» [32].

Формирование имиджа партии и ее лидера – постоянный процесс, активизация которого проявляется в период избирательных кампаний. У партии власти есть преимущества в плане возможностей реализовать свои стратегические планы, так как она задействует мощный административный ресурс. А оппозиционным партиям поддерживать свой заявленный имидж значительно сложнее.

Важность формирования положительного образа лидера страны и правящей партии признавал уже первый президент Замбии К. Каунда. В штате его канцелярии (Statehouse) работала целая команда личных секретарей и помощников, некоторые из них отвечали за связи с прессой (Б. Чисала, М. Милимо). Должность официального помощника президента по СМИ и связям с общественностью впервые ввел президент Л. Мванаваса, ее занял Д. Мусукума. Усилия работающих в дальнейшем на этой должности юристов и журналистов, в том числе, формировали имидж президентов и правящих партий. Некоторые имиджмейкеры позже писали мемуары, например Д. Диксон (помощник президента Р. Банды) в 2014 году опубликовал книгу «Превратности президентства глазами замбийского политтехнолога» [22].

Признавая принципиальную разницу понятий «образ» (спонтанно формируемое в массовом сознании отражение политического объекта) и «имидж» (сознательно и целенаправленно сформированное представление о политическом объекте), в данной статье одновременно рассматриваются как образы, так и имидж политических партий и лидеров Замбии.

В современных условиях во многих африканских странах в центре политического процесса часто находятся не сами политические партии, а их лидеры, с которыми африканцы связывают свои надежды на настоящее и будущее. Программы замбийских партий содержат положения, соответствующие их идеологической направленности. Однако зачастую в избирательных кампаниях партийные программы существенно не отличаются, что затрудняет

избирателям определить того кандидата, кто будет наиболее точно выражать его потребности. Об этом, например, на основании опросов избирателей, участвовавших на выборах в Замбии в 2006 году, писал исследователь из Германии Геро Эрдман: «Подавляющее их большинство (избирателей – прим. автора) не видели никакой разницы в программах кандидатов» [23, р. 22].

Для Замбии, как и для африканских стран в целом, присуща персонификация власти. Ее персонифицированное восприятие является одной из особенностей местной политической культуры. Поэтому на имидж политической партии значительным образом влияет имидж ее лидера. Как отмечал российский политолог Н.Д. Косухин, «Будучи главами государств, руководителями правящих партий, идеологами, африканские лидеры наделяются большими полномочиями. Президент в Африке – не только высшее должностное лицо, но и олицетворение государства, нации.» [6, с. 136]. Важность внимания к имиджу президентов объясняется еще одним фактором. В странах Африки, как и в ряде других развивающихся государств, где существовала / существует власть тоталитарного или авторитарного типа, широко распространена идея уподобления общества семье, в которой лидер страны становится «отцом нации». Во многом это связано с сохраняющимися элементами архаичности традиционного общества, когда человек воспринимает мир через призму родственных отношений. Это априори влияет на уважительное отношение электората к президенту, что дополнительно подкрепляется сохраняющейся в африканском обществе традицией уважения к людям старшего возраста. Одним из отличий африканских правителей от политических лидеров стран Запада, является, как отмечает российский исследователь Т.С. Денисова, «...создание (невольное – благодаря сильной харизме или преднамеренное – в целях упрочения власти) имиджа главы государства как «отца нации», «великого вождя», «великого воина», «мудреца», «учителя» и т.д. [4, с. 81]. Таким образом, субъективное (но совершенно справедливое в определенный период) восприятие первого президента Замбии К. Каунды в качестве «отца нации» привело к тому, что он стал символом и инструментом национального единения.

Необходимо отметить еще одну важную деталь политического имиджа в африканских реалиях – его экономическую «стоимость». Положительный имидж главы государства и страны в целом, несомненно, влияет на оказание помощи и поддержки Замбии со стороны международных доноров и организаций для получения внешней помощи.

Положительный имидж сформировался у первого президента страны Кеннета Каунды (1964–1991 гг.), которого многие замбийцы до самой его кончины 17 июня 2021 года называли «отцом-основателем нации».

Тот факт, что партия ЮНИП находилась у власти, почти избегая этнического напряжения, по-прежнему считается несомненным достоинством наследия К. Каунды. Он говорил: «Я избран лидером ЮНИП и президентом Замбии для того, чтобы объединить и сохранить нацию» [27, р. 54]. Во многом этому способствовал действующий в стране принцип этнического балансирования – пропорционального представительства во власти этнических групп страны.

К. Каунда разработал официальную философскую и социально-экономическую доктрину развития страны под названием «замбийский гуманизм», изложенную в его книгах *Humanism in Zambia and a Guide to its Implementation* (Lusaka: Zambia Information Services, 1967) и *Humanism in Zambia and a Guide to its Implementation. Part II.* (Lusaka, 1974). Концепция, которую новая конституция страны, принятая в августе 1973 года, закрепила в качестве официальной государственной идеологической платформы, предполагала построение общества социальной справедливости с учетом лучших черт традиционного африканского общества взаимопомощи.

ЮНИП и ее лидер провозгласили лозунг «Одна Замбия – один народ» ('One Zambia, One Nation'). К. Каунда, как уже сказано, стал символом и инструментом национального единения, крайне важного фактора в условиях полиэтничности африканских стран.

Мирно передав в 1991 году власть Ф. Чилубе (ДМД), К. Каунда, однако, оказался в роли преследуемого новыми властями. В 1995 году он ушел из большой политики. Эпизодически поддерживал на выборах кандидатуры оппозиционных политиков, например, Х. Хичилему в 2006 году. За мирную передачу власти в 1991 году (что в африканских странах происходит не всегда) пользовался уважением соотечественников и мировой общественности. После ухода из политики в течение многих лет К. Каунда работал в общественных организациях и фондах.

К. Каунда был очень начитанным, любил музыку и спорт. Неотъемлемым элементом его габитарного имиджа был белый платок (политик всегда держал его в руке на официальных мероприятиях), ставший для него талисманом еще со времен тюремного заключения в 1960 году. Он пользовался авторитетом среди африканских лидеров, прежде всего стран Юга Африки.

В 1974 году К. Каунда приезжал с официальным визитом в СССР, был снят документальный фильм о его пребывании в Москве.

Наиболее противоречив имидж президента страны Ф. Чилубы, сохранявшего власть в течение десяти лет (1991–2001 гг.). Его можно по М. Веберу причислить к категории харизматических лидеров. Имидж Ф. Чилубы подвергся самым кардинальным изменениям. На первых много-

партийных выборах в 1991 году в глазах большинства сограждан он был смелым борцом с однопартийностью, ратовавшим за демократические реформы. А спустя десять лет в ходе проведения следующим президентом Леви Мванавасой антикоррупционной кампании имя борца за новую Замбию стало практически синонимом коррупции.

Ф. Чилуба многое сделал для политической и экономической либерализации страны. Реформатора ценили на Западе, чего он усиленно добивался. В его имидже есть важная составляющая – он вошел в историю Замбии как президент, провозгласивший страну в 1991 году христианской нацией. Основанием для такого решения называлось то, что эту религию исповедовали более 70% населения (большинство христиан страны составляют протестанты). Ф. Чилуба заявлял также, что провозглашение Замбии христианской нацией поможет ей избавиться от коррупции и приведет ее к процветанию. Этот шаг правящей ДМД во главе с Ф. Чилубой во многом способствовал усилению в стране взаимного влияния политики и религии.

Но амбициозный лидер совершил ряд ошибок как в плане руководства страной, так и в управлении правящей партией: отказ ДМД во главе с Ф. Чилубой (бемба) от принципа регионального и этнического балансирования (что привело к превалированию его соплеменников в органах власти), невыполнение предвыборного обещания рассмотреть вопрос автономии Баротселенда (Западная провинция, территория основанного в XVIII веке королевства народа лози (баротсе), которое в 1891 году стало протекторатом Британии, а в 1964 году вошло в состав независимой Республики Замбия по условиям договора о его особом статусе), а также введение дискриминационной статьи в Конституцию 1996 года, которая запрещала баллотироваться на пост главы государства замбияцам менее чем в третьем поколении [16]. Это не дало возможности экс-президенту К. Каунде выдвинуть свою кандидатуру, так как его отец был родом из Малави. Все это негативно сказалось на политическом имидже власти.

Личному имиджу президент Ф. Чилуба придавал большое, даже гипертрофированное значение. В его имидже явно просматривается использование различных видов репутационных технологий. Консультации видного имиджмейкера Ф. Бэрда, о котором уже шла речь, легли на благодатную почву собственных коммуникационных способностей президента. Красноречивый оратор, умелый организатор, этот политик при росте всего в 150 см обладал мощной харизмой.

Негативно на имидж Ф. Чилубы повлияло затягивание с объявлением преемника, а когда его однопартиец Леви Мванаваса победил на выборах в 2001 году, экс-президент пытался остаться на посту лидера правящего ДМД.

Обсуждение в 2001 году в СМИ скандала вокруг развода с супругой Верой (после 33 лет брака) из-за ее измены также нанесли вред имиджу ревностного католика Ф. Чилубы. СМИ и оппозиция подвергали его критике и за любовь к роскоши, например, обширный гардероб политика изобиловал дорогими костюмами и аксессуарами известных мировых брендов.

Его имидж героя-реформатора окончательно «потускнел», когда президент Мванаваса в 2002 году начал антикоррупционную кампанию. Парламент лишил Ф. Чилубу иммунитета, в феврале 2003 года его арестовали по обвинению в коррупции и неправильном использовании государственных средств в период президентства. Но он упорно отрицал вину, а судебные разбирательства по его делу затянулись на несколько лет из-за проблем со здоровьем и проволочек со сбором необходимых доказательств. В августе 2009 года суд Замбии снял с бывшего президента все обвинения в коррупции. До своей кончины в июне 2011 года он продолжал участвовать в общественной жизни страны, появляясь на различных религиозных мероприятиях. В последние годы происходит постепенная реабилитация памяти Ф. Чилубы, в которой принимают участие видные политические и государственные деятели страны. В 2016 году вышла книга замбийского автора Энтони К. Мубанги «Пристальный взгляд на Ф. Чилубу: невоспетый герой: герой дня», который пишет о недооцененности личности экс-президента, называет его «отцом плюрализма на замбийской сцене» и даже «одним из величайших президентов в истории Африки» [33, р. 4].

У следующего президента Леви Мванавасы (2001–2008 гг.) был имидж борца с коррупцией и сторонника прагматичного сотрудничества с оппозицией [8]. Еще одна его заслуга состоит в том, что в марте 2003 года впервые за десять лет политических реформ представители оппозиции вошли в состав кабинета министров. Юрист по образованию, он был сведущим в вопросах репутационного менеджмента, в том числе ценности имиджа.

Положительный имидж Л. Мванавасы, умело поддерживаемый его PR-помощником Д. Мусукумой, – хороший пример реальной ценности имиджа политического лидера. Он стал результатом его реальной эффективной деятельности на посту президента. После перенесенного инсульта Мванаваса скончался 19 августа 2008 года. Заслуги этого президента Замбии отражены в вышедшей в сентябре 2009 года книге под названием «Леви Патрик Мванаваса. Стимул для потомков» (Malupenga A. Levy Patric Mwanawasa. An Incentive For Posterity. Grahamstown, South Africa, 2009).

Самые короткие президентские сроки были у Рупиа Банды, Майкла Саты (по 3 года) и у Гая Скотта (неполные три месяца). Эти 70-летние политики на момент прихода к власти достигли уже почтенного возраста (средняя

продолжительность жизни в Замбии составляет 48 лет). Это стало дополнительным бонусом к их имиджу, так как уважение и почитание старших по возрасту – основополагающие в африканских традициях.

Рупиа Банда (2008–2011 гг.) стал и.о. президента Замбии после скоропостижной смерти Л. Мванавасы согласно Конституции, как вице-президент. У него дипломатическое прошлое: в возрасте 27 лет он был назначен послом, а в 38 лет стал главой МИДа. На момент начала президентства его политический имидж фактически сливался с имиджем самой ДМД. А на следующих выборах в 2011 году о нем уже говорили, как об уверенном президенте, чья политика была направлена на увеличение объемов иностранных инвестиций (прежде всего Китая) и сотрудничавшего с оппозицией.

Президент Майкл Сата (2011–2014 гг.) стойко, но безуспешно, боролся за власть на выборах в 2001, 2006 и 2008 годы, при этом каждый раз оспаривал их результаты. Бывший член ЮНИП (был при К. Каунде губернатором столичного округа Лусаки), а позже ДМД, в 2001 году создал партию Патриотический фронт. За годы оппозиционной деятельности у М. Саты сложился стойкий имидж критика властей, умелого руководителя партии, хорошо разбиравшегося в кадровых вопросах, а также защитника интересов бедных слоев городского населения. В партии соблюдались атрибуты партийной демократии, регулярно проводились съезды, но на них неизменно выдвигалась кандидатура М. Саты. Сам он заявлял, что молодые члены партии пока руководствуются больше собственными материальными интересами, чем интересами ПФ.

Президент М. Сата продолжал придерживаться курса т.н. «экономической дипломатии», проводимой его предшественником Бандой, и поощрял присутствие иностранных инвесторов. Правительство ПФ продолжало проводить политику добрососедских отношений со странами Сообщества развития Юга Африки (САДК), конструктивно складывались отношения с ЮАР.

М. Сата окончил только начальную школу, но обладая харизмой и опытом коммуникаций, свободно общался со всеми целевыми аудиториями – от бедных городских жителей до глав государств. Как и Чилубу, М. Сату отличало красноречие, при этом он был еще и острословом, за что получил прозвище «королевская кобра». Фактически М. Сата сам был хорошим имиджмейкером для себя и своей партии. Это не раз признавали профессионалы. Замбийский PR-консультант Д.М. Чанда писал: «Сата демонстрировал эффективную PR-стратегию, не являясь профессионалом в этой отрасли. Он всегда владел информацией о проблемах, потребностях и ожиданиях замбийцев в любой провинции» [13]. А К. Каунда на похоронах М. Саты (скончался 28 октября 2014 г.) назвал его «мастером политической мобилизации» [13].

После смерти М. Саты, согласно Конституции, и.о. президента снова стал вице-президент – белый политик Гай Скотт, сын выходцев из Великобритании. Внеочередные президентские выборы стали для правящего ПФ настоящим испытанием на прочность. Выдвижение кандидата в президенты проходило в условиях острого внутривнутрипартийного конфликта между сторонниками Скотта и генерального секретаря партии Эдгара Лунгу, претендовавших стать кандидатом ПФ на выборах главы государства. Конфликт разрешился в Высоком суде Замбии, который признал кандидатуру Э. Лунгу.

Э. Лунгу (2015–2021 гг.) стал президентом страны в январе 2015 года. У него не было собственного четкого имиджа, и на выборах баллотировался с программой своего предшественника М. Саты, которую тот готовил для очередных выборов, назначенных на 2016 год. Э. Лунгу это ничуть не смущало, и, выступая на митингах, он открыто заявлял, что как ученик М. Саты будет продолжать его дело. И во многом слово свое сдержал.

В имидже ПФ и власти постепенно укреплялась религиозная составляющая. В новой редакции конституции, утвержденной в январе 2016 года, подтверждалось, что Замбия – христианская нация [17, р. 9], при этом одновременно она провозглашалась многоконфессиональным государством [17, р. 11]. Предвыборная кампания Э. Лунгу в 2016 году изобиловала христианской риторикой, было создано министерство по делам религий, а день 19 октября был объявлен Национальным днем молитвы.

В ходе предвыборной кампании 2016 года власти ограничивали деятельность независимых СМИ, что вызвало резкую критику оппозиции. На выборах снова победил Э. Лунгу, но снова с отрывом от лидера ОПНР Х. Хичилемы всего в 2% голосов. В 2019 году правительство объявило о пересмотре ряда направлений экономической политики, началась работа по пересмотру инфраструктурных проектов и системы государственных расходов. Принимались некоторые меры по решению проблемы бедности, которая остается актуальной для страны. Из-за пандемии COVID-19 усугубились экономические проблемы.

Накануне начала предвыборной кампании 2021 года правящая партия ПФ предпринимала попытки повысить свой имидж в глазах электората. Видные политики заявляли, что ее численность резко возросла. Утверждалось, что в ПФ перешло много членов оппозиции, потому что «В отличие от других политических партий ПФ является национальной партией, и что она не этническая как другие» [14]. 3 августа 2019 года в центральной газете Lusaka Times было опубликовано заявление представителя по связям с общественностью правящей партии Сандея Чанды. В нем по пунктам доказывалось насколько уникальна и демократична правящая партия ПФ, при этом посто-

янно употреблялись такие словосочетания как «по сравнению с другими партиями», «в то время как другие партии». Налицо применение принципа сравнительной рекламы. Таким образом, имидж правящей партии пытались повысить, в том числе, с помощью приемов так называемого «серого» PR – повышение имиджа одного объекта за счет понижения имиджа другого. В дополнение ко всему в заявлении С. Чанды президент Э. Лунгу был даже назван суперлидером [14].

Уделяют политические партии Замбии внимание и своему фирменному стилю. Анализируя эмблемы и слоганы замбийских партий, можно констатировать, что спикеры и опытные партийные функционеры понимают их важность и эффективность воздействия на избирателей. При формировании партийного имиджа придается значение лингвистической составляющей. Об этом свидетельствуют использование слов-символов, в том числе в названии документов. Повторяемость таких слов в речах лидеров, вызывая у членов партии и избирателей привычную эмоциональную реакцию, оказывает мощное воздействие на их сознание на митингах, а также влияет на выбор избирателей в ходе голосования.

Тщательно продуманы эмблемы партий: протянутая для рукопожатия правая ладонь (ОПНР), лодка с двумя гребцами (ПФ), циферблат часов (ДМД), аббревиатура названия партии на фоне полотна в цветах радуги (Форум за демократию и развитие (ФДР) – Forum for Democracy and Development, FDD), стебель с початком кукурузы, главной зерновой культуры Замбии (партия «Наследие» (Heritage Party)), колесо (Партия национального единства и прогресса), сердце с повязанной ленточкой в цветах национального флага (Партия национального восстановления (National Restoration Party)). В эмблемах партий иногда ясно считывается целевая аудитория их электората, что видно, например, в случае партии «Наследие», ориентированной на сельское население.

Слоганы партий емкие, но при этом некоторые из них популистские: «Замбия вперед!» (ОПНР), «За снижение налогов, новые рабочие места и деньги в ваших карманах!» (ПФ), «Час настал!» (ДМД), «Замбия прежде всего!» (ФДР), «Сердце для людей!» (Партия национального восстановления).

Некоторые партии в меняющейся политической реальности корректируют свои лозунги. Например, лозунгом ДМД на первых многопартийных выборах в 1991 году был лозунг «Час настал!». А когда партия потеряла власть и перешла в оппозицию, лозунг сменили на «Время для новой надежды!».

Элементы фирменного стиля партий разрабатываются по западным технологиям и присутствуют на многих носителях (документах, брошюрах, плакатах, листовках, футболках, бейсболках и пр.). Прослеживается и аф-

риканская специфика: футболки и женские платья, а также головные уборы часто изобилуют крупными повторяющимися портретами лидеров, а также перегружены изображениями логотипов партий.

В Замбии, как и на континенте в целом, в области властных отношений наблюдается определенный симбиоз форм демократии и элементов архаического властвования, что, в том числе, накладывает отпечаток на образы лидеров и политических партий. В постколониальной Замбии вожди не только сохранились, а «...с 1990-х гг. их влияние в обществе усиливается» [1, с. 190]. Например, существует Палата вождей – совещательный орган при президенте по вопросам традиций, обычаев и культуры, в которой представлены все провинции страны. Укреплению политического имиджа Ф. Чилубы накануне выборов в 1991 году способствовала передача ему церемониального жезла (одного из символов традиционной власти) народа бемба, который перешел к нему после кончины вождя бемба С. Капвепве.

Заметна в политическом имидже и религиозная составляющая. Она прослеживается в концепции «замбийского гуманизма» К. Каунды, в постоянном акценте на приверженности христианству у президентов Ф. Чилубы, сумевшего добиться в 1996 году провозглашения Замбии христианской нацией, и Э. Лунгу, подчеркивавшего: «...замбийцы знают меня как лидера, который является человеком веры!» [34]. Как уже отмечалось выше, новая редакция конституции страны от 5 января 2016 года вновь объявила Замбию христианской нацией. Нынешний президент Х. Хичилема все публичные выступления, в том числе в парламенте, как и другие его предшественники, неизменно заканчивает обращением к богу «Господи, благослови Замбию!».

В целом ряде исследовательских работ, рассматривающих партийную систему африканских стран, указывается на тесную взаимосвязь между этнической принадлежностью и политическими предпочтениями избирателей. Однако в современной истории Замбии не было серьезных столкновений на этнической почве. При этом были случаи создания партий, выражавших интересы той или иной этнической группы. Например, в начале 1990-х гг. в политическом ландшафте страны выделялась партия народа лози под названием «Повестка для Замбии» (Agenda for Zambia).

Этническую принадлежность как один из важных аспектов политики в Замбии отмечали, например, Г. Эрдман [23], О. Сичоне и Н. Симутаньи [38], Джереми Гулд [26], Вим Ван Бинсберген [41]. Свой взгляд авторы объясняли фактом превалирования в парламенте и правительстве в годы правления партии ДМД во главе с Ф. Чилубой (бемба) его соплеменников, а также фактом введения дискриминационной статьи в Конституцию 1996 года, о которой уже шла речь [16].

В то же время в середине 2000-х гг. Лиз Ракнер и Ларс Свасанд [35], Питер Бурнелл [12] и Александер Штрох [39] не отмечали заметного влияния этнического фактора на партийную систему Замбии, хотя и упоминали о региональных различиях в предпочтениях избирателей. Речь идет о преимущественной поддержке партии ПФ в северных провинциях страны, а партии ОПНР – в южных. О превалировании регионализма над этничностью в политических предпочтениях замбийского электората писали также в 2023 году Кортни Халлинк и Хангала Сиачивена, проводившие исследования, используя, в том числе, многочисленные интервью с членами партий ПФ и ОПНР. Они утверждают, что «В Замбии этническая принадлежность не имеет значение сама по себе, но связана с конкретными экономическими интересами, которые определяются региональной историей» [28].

Общим положительным штрихом в имидже президентов страны, принадлежавших к разным этническим группам, можно назвать почитание традиций всех народов Замбии. Об этом свидетельствуют, в том числе, регулярные официальные приглашения участвовать в традиционных церемониях местных народов президентов стран-соседей (например, Мозамбика и Малави), где живут те же народы.

Таким образом, в Замбии межэтнические противоречия, проявляясь на уровне политики, не приводят к серьезным конфликтам. Как отмечает, российский ученый Д.М. Бондаренко, «И все же в период после 1990 г. этнический фактор во внутри- и межпартийной борьбе в Замбии не играет такую большую роль, практически определяющую роль, какую он играет во многих государствах Тропической Африки...» [1, с. 182].

Важным фактором становится также отношение партий к гендерному равенству. Замбия по уровню представленности женщин в политике отстает от соседей по южноафриканскому региону, например от Мозамбика и ЮАР. Но в политическом ландшафте были и есть видные политики-женщины, которые баллотировались на президентских выборах. Впервые это осуществила в 2001 году один из лидеров партии Повестка для Замбии Инонге Мбикусита-Леваника. А лидер партии Форум за демократию и развитие Эдит Навакви участвовала в президентской гонке в 2011, 2015 и 2016 гг. (Кстати, в 1996 году в правительстве Ф. Чилубы она получила портфель министра финансов, что стало в истории страны первым случаем назначения женщины на этот пост.). Сходную позицию в отношении гендерного равенства демонстрировал президент Э. Лунгу, назначив в 2015 году впервые в истории Замбии женщину (Инонге Вина) вице-президентом. «Женское лицо» у Демократической партии (Democratic Party), ее лидер – молодой политик Джудит Кабемба.

Политической культуре африканских стран свойственен популизм, который в борьбе за власть в местных реалиях очень часто становится результативным средством. Использование популистских приемов значительно повышало имидж партии у бедных слоев электората и облегчало продвижение к вершине пирамиды власти и ее сохранение многим африканским лидерам, и Замбия не является исключением. К популистским приемам прибегал, например, лидер партии ПФ М. Сата, который, учитывая недовольство части населения издержками присутствия Китая в стране, считавшего, что китайцы отнимают рабочие места у местных, во время своей президентской кампании в 2006 году активно использовал антикитайскую тему. Ряд исследователей политического процесса Замбии, например, М. Лармер и А. Фрейзер [29, р. 630], Д. Резник [36], Н. Чизмен и Р. Форд [15] характеризовали М. Сату и партию ПФ как популистов. Рупиа Банда до выборов 2008 года обещал аграриям максимально снизить цены на удобрения. Элементы популизма были присущи также стилю руководства Л. Мванавасы.

Негативно на имидже политических партий сказываются расколы и переход членов в другие организации. Они происходили в ДМД в 1993 и 2001 гг., в результате которых были созданы Национальная партия (НП – National Party), ПФ во главе с М. Сатой и ФДР под руководством Кристона Тембо. А в ПФ после смерти основателя и бессменного лидера М. Саты в октябре 2014 года началась внутрипартийная борьба, ослабившая партию накануне внеочередных выборов. Это крайне негативно сказалось на ее имидже у избирателей.

Переход из одной партии в другую (как правило, в правящую) происходит и при нынешнем президенте страны Х. Хичилеме. 16 февраля 2024 года одна из центральных газет Замбии Zambia Daily Mail сообщила, что в правящую партию ОПНР перешли член ПФ Патрик Самвимбила, заместитель генерального секретаря Христианско-демократической партии (Christian Democratic Party, CDP) Космас Чилеше и Джайрос Зулу (ДМД). В числе новых членов партии Хичилемы оказался и бывший спикер Социалистической партии (Socialist Party, SP) Замбии Фрэнк Бвалья. Все они были представлены членам правящей партии на заседании ее секретариата, а их решение приветствовал сам президент Х. Хичилема [32]. Интересно, что бывший католический священник Ф. Бвалья совершил такой политический «маневр» уже третий раз. В годы правления партии ДМД он вел кампанию М. Саты за избрание президентом, открыто призывал к отставке правительства, за что был арестован в 2010 году. После прихода М. Саты к власти был назначен руководителем государственной компании ZESCO Limited, но позже покинул этот пост, ссылаясь на отсутствие прозрачности в ее работе. В 2013 году

Бвалья создал собственную политическую партию «Альянс за лучшую Замбию» (Alliance for Better Zambia, ABZ). Снова часто критиковал правительство (теперь уже М. Саты), и в 2014 году был арестован. После оправдания судом неугомонный пастор окончательно рассорился с М. Сатой, а после его смерти распустил свою партию и, вступив в правящий ПФ, стал активным сторонником кандидата в президенты Э. Лунгу. Последние годы был послом Замбии в Австралии, а по возвращении на родину вступил в Социалистическую партию Замбии и стал ее спикером. В августе 2023 года он покинул ее ряды, заявив при этом, что не намерен создавать собственную партию или вступать в другую [24]. Но слово свое не сдержал.

Еще одним штрихом к замбийской специфике политического имиджа можно назвать устоявшуюся традицию оспаривания (в том числе в суде) результатов выборов проигравшими кандидатами. Кроме М. Саты, подобной тактики придерживался и Х. Хичилема.

Необходимо отметить, что за последние 15 лет предвыборные кампании дважды было омрачены насилием, столкновения в основном происходили в городах между сторонниками правящей и оппозиционной партии. В апреле 2010 года в Муфумбе (Северо-Западная провинция), где главными кандидатами были член ДМД и член ОПРН, активисты этих партий устроили беспорядки на главной улице города, полиции пришлось применить силу, в результате чего шесть человек получили ранения. В январе 2011 года начались беспорядки в г. Монгу (Западная провинция), вспыхнувшие после разгона полицией демонстрации сторонников независимости Баротселенда (убиты 2 человека). В ходе избирательной кампании 2016 года также были столкновения (особенно в городских районах) между сторонниками партии ПФ и ОПНР. Накануне выборов в 2021 году после случаев насилия в отношении сторонников правящего ПФ улицы городов страны и избирательные участки патрулировались военными. Выборы прошли без эксцессов.

В течение последних десятилетий на повестке дня всех выборов стоит тема коррупции, так как Замбия входит в число коррумпированных стран мира. Борьба с этим социальным злом – неизменный пункт предвыборных манифестов как правящей, так и оппозиционных партий. Нынешний президент страны Х. Хичилема на своей инаугурации 24 августа 2021 года также заявил о приверженности его правительства борьбе с коррупцией.

Имидж не всех партий страны оказался эффективным. Одним из неудачных примеров формирования имиджа партии может служить партия «Наследие», созданная Годфри Мияндой в 2001 году. Генерал, вице-президент страны в 1994–1997 гг. участвовал в политическом марафоне почти два десятка лет, баллотировавшись на пост президента страны пять раз (в

2001, 2006, 2008, 2011, 2015 гг.). Но его имидж не обладал достаточной пластичностью для изменений, которая необходима в условиях политической конкуренции. Одна из причин этого – отсутствие навыков правильного позиционирования в современном политическом пространстве. И он, и его партия, которые представляли себя защитниками интересов сельских жителей, постепенно отошли от этой главной задачи. В глазах многих замбийцев у Г. Миянды сформировался имидж равнодушного к судьбам страны политика, который пытался что-то изменить к лучшему. Однако по своей сути его имидж не совпадал ни с одним типом имиджа лидера (лидер-знаменосец, лидер-служитель, лидер-торговец, лидер-пожарный).

В Замбии правящие партии не раз демонстрировали понимание роли СМИ в формировании и коррекции их имиджа, так как именно в них возможна качественная презентация «... необходимая для конструирования их эффективного имиджа и повышения уровня доверия граждан к институтам социально-политического представительства» [7, с. 16–17].

В начале 2023 года в Замбии было 11,1 млн интернет-пользователей, что составляет 56,9% населения [25]. Развитие цифровых технологий придало новый импульс и открыло партиям более широкие перспективы для развития их имиджа. Создание сайтов, например, значительно облегчило и ускорило процесс донесения к избирателям программных установок партий, оперативность информации о ходе предвыборной кампании и пр. Новым шагом стало использование молодыми избирателями социальных сетей, которые с одной стороны, являются дополнительным источником информации о лидерах партий и их действиях, а с другой – частым источником компромата (в том числе обоснованного) и формирования негативного мнения об организации. Почти у всех партий страны есть свои сайты, страницы в цифровых социальных сетях. С одной стороны, интернет-пространство значительно расширило доступ к более широкому кругу избирателей и значительно сократило расходы партий на проведение митингов и других мероприятий. С другой, позволяет формировать и корректировать имидж политиков и партий с еще большим использованием мифов (например, не бывшие в реальности события, статьи, якобы написанные лидерами, постановочные фото встреч лидера с избирателями). В этом плане Замбия развивается в русле мировых тенденций, и ее практика подтверждает концепцию французского социолога Жана Бодрийера об имитации несуществующего.

Формирование имиджа лидера и партии, как и имиджа любого объекта, базируется на стереотипном мышлении человека, так как он в силу ряда причин (жизненного опыта, уровня образования, профессиональных навыков, быстро меняющихся событий общественно-политической жизни и пр.),

часто воспринимает окружающую его реальность как систему шаблонов, клише. Как видно из развития имиджа партий Замбии сама сфера политики насквозь пронизана символами. Замбийский опыт подтверждает мнение о том, что в современных условиях развития цифрового пространства политический имидж становится все более символичным.

Борьбу правящей партии ПФ и оппозиционной ОПНР на всеобщих выборах в августе 2021 года в определенном смысле можно назвать борьбой их имиджей. Эти партии были главными соперниками на внеочередных президентских выборах в 2015 году и на всеобщих выборах в 2016 году. А лидер ПФ Э. Лунгу два раза подряд побеждал, получив всего лишь на 2% голосов больше, чем Х. Хичилема.

Главными обещаниями, которые правящая партия ПФ давала избирателям в своем 77-страничном предвыборном манифесте в 2021 году, были обещания снизить стоимость жизни бедных граждан и бороться с безработицей [30]. А центральной темой программы ОПНР было проведение структурных реформ экономики, привлечение зарубежных инвестиций, борьба с безработицей, реформа системы образования.

В отличие от подхода партии ПФ, руководствовавшейся в управлении страной идеями этатизма, правительство ОПНР начало проводить политику ограниченного государственного вмешательства. Сегодня у президента Хичилемы и партии ОПНР, которые уже выполнили ряд своих предвыборных обязательств, укрепляется репутация борцов с коррупцией, приверженцев политики дальнейшего укрепления экономики, осуществления программ социального обеспечения. Правительство приняло ряд мер (например, отмена двойного налогообложения), которые способствуют привлечению в страну иностранного капитала. Имидж власти улучшился после отмены в 2022 году смертной казни и закона о наказании за оскорбление главы государства.

Однако оппозиция все чаще заявляет об укреплении в стиле руководства Хичилемы тенденции к авторитарности. Прежде всего, это проявляется в его попытке ослабить партию ПФ, которая продолжает сохранять влияние даже после ухода Э. Лунгу с поста ее лидера. Например, полиция постоянно блокирует все публичные митинги, которые проводит оппозиция, ссылаясь на соображения безопасности или нехватку полицейских. Новым вызовом стали начавшиеся в конце 2023 года в стране вспышки заболевания холерой.

Таким образом, в XXI веке в политическом процессе Замбии, как и во многих других странах Африканского континента, стала значимой роль имиджа главы государства и правящей партии. В современных условиях развития партийной системы стран континента имиджевый блок партии значительным образом влияет на ее электоральный успех. Эффективными сред-

ствами формирования политического имиджа стали СМИ, различные PR-технологии и интернет.

Перенасыщенность политического ландшафта многочисленными небольшими партиями и отсутствие у некоторых четких программ типично для партийной системы многих африканских стран, что усложняет выбор избирателей, которые часто не могут определить преимущества той или иной партии, тем более, когда ее имидж фактически сливается с имиджем лидера. В то же время в Замбии основные политические партии в последние десятилетия демонстрировали не только понимание важности их имиджа в политической коммуникации, но и способность к его эффективному формированию, коррекции или ребрендингу.

Сегодня в Замбии, как и в других странах мира, действуют электронные СМИ, социальные сети, политически активные блогеры, неумные и вездесущие папарацци. Это значительно усложняет процесс формирования устойчивого идеального имиджа политических лидеров и партий. Практика показывает, что электорату необходимы не их безосновательные обещания, а конкретные дела, приносящие положительные результаты для стабильного и устойчивого развития общества.

Литература

1. Бондаренко Д.М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. Москва: Издательский Дом Яск, 2022. 400 с.
2. Гаман-Голутвина О.В. Особенности эволюции системы партийно-политического представительства в современной России // Социология власти. 2004. №3. С. 89-103.
3. Гаман-Голутвина О.В. Российские партии на выборах: картель “хватай-всех” // Полис. Политические исследования. 2004. №1. С. 22-25.
4. Денисова Т.С. Тропическая Африка: эволюция политического лидерства. Москва: Институт Африки РАН, 2016. 596 с.
5. Дорожим высоким уровнем партнерства России и Замбии на международных площадках. URL: <http://council.gov.ru/events/news/113761> (дата обращения 20.02.2024).
6. Косухин Н.Д. Политическое лидерство в Африке: прошлое и настоящее. Москва: Институт Африки РАН, 2015. 178 с.
7. Невская Т.А. СМИ как технологический инструмент и канал формирования и продвижения имиджа политических партий // Социодинамика. 2022. №10. С. 10-19.
8. Прокопенко Л.Я. Имидж главы государства и его влияние на политический процесс // Юг Африки на современном этапе. Москва: Институт Африки РАН, 2016. С. 51-69.
9. Сантуш М., Бондаренко Д., Аты М. От редакторов специального номера // Ученые записки Института Африки РАН. 2023. №2(63). С. 5-9.
10. Шестопап Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования / Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е.Б. Шестопап. Москва: Аспект Пресс, 2008. С. 8-23.
11. Шестопап Е.Б. Влияние идеальных политических представлений на восприятие разных лидерских ролей // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. №5. С. 29-37.

12. Burnel P. Taking stock of democracy in Zambia / Democracy and political change in the 'third world'. N.-Y.: Routledge, 2001. P. 135-155.
13. Chanda D.M. Sata was an effective PR strategist // Times of Zambia. Ndola, 08.11.2014. URL: <https://www.times.co.zm/?p=42046> (дата обращения 25.02.2024).
14. Chanda S. Why Patriotic Front continues to be Zambia's number one party of choice. // Lusaka Times. 03.08.2019. URL: <https://clck.ru/39eEKs> (дата обращения 25.02.2024).
15. Cheeseman N., Ford R. Ethnicity as a political cleavage. Afrobarometer working papers №83. 2007. 37 p.
16. Constitution of Zambia (Amendment) Act, 1996. Lusaka: Government Printer, 1996. Part IV. Article 34.3 (b).
17. Constitution of Zambia (Amendment). Act №2 of 2016. URL: <https://clck.ru/39eEMF> (дата обращения 25.02.2024).
18. Dalton R.J. 'The decline of party identification'. Parties without partisans: political change in advanced industrial democracies. Oxford University Press, 2000. P. 19-36.
19. Democracy and electoral politics in Zambia. BRILL, 2020. 386 p.
20. Democracy and political change in the 'third world'. N.-Y.: Routledge, 2001. 256 p.
21. Democracy in Zambia: challenges for the third republic. Harare, 1996. 237 p.
22. Dickson J. Inside the presidency: the trials and tribulations of a Zambian spin doctor. Nairobi: Nsemia Inc. Publishers, 2014. 250 p.
23. Erdmann G. Ethnicity, voter alignment and political party affiliation – an African case: Zambia. 2007. Working papers №45. Hamburg: GIGA, 37 p.
24. Frank Bwalya leaves Socialist Party. URL: <https://clck.ru/39eENX> (дата обращения 20.02.2024).
25. Freedom House. Zambia. URL: <https://freedomhouse.org/country/zambia/freedom-net/2023> (дата обращения 20.02.2024).
26. Gould J. Zambia's 2006 elections: the ethnicization of politics? // News from the Nordic Africa Institute. Uppsala, 2007. №1. P. 5-9.
27. Hall R. The high price of principles. London: Penguin, 1973. 288 p.
28. Hallink C., Siachiwena H. Political party ideology in Zambia: comparing the PF and the UPND on social welfare policies 2023 // The Journal of Modern African Studies. 2023. Vol. 61. №3. P. 323-342.
29. Larmer M., Fraser A. Of cabbages and King Cobra: populist politics and Zambia's 2006 election // African Affairs. Oxford University Press, 2007. Vol. 106. №425. P. 611-637.
30. Manifesto of the Patriotic Front Party 2021-2026. URL: <https://clck.ru/39eEPJ> (дата обращения 04.03.2024).
31. Мofya M. Frank Bwalya leaves Socialist Party. URL: <https://clck.ru/39eEPz> (дата обращения 19.02.2024).
32. Moonga C. Frank Bwalya joins UPND. URL: <https://www.daily-mail.co.zm/2024/02/16/frank-bwalya-joins-upnd> (дата обращения 20.02.2024).
33. Mubanga A.K. A closer look at Fredrick Titus Jacob Chiluba: the unsung hero: the man of the hour. Lusaka: Tihsa Publishers, 2016. 84 p.
34. One Zambia one nation, in peace. President Edgar Chagwa Lungu. URL: <https://clck.ru/39eERd> (дата обращения 25.02.2024).
35. Rakner L., Svåsand L. From dominant to competitive party system. The Zambian experience 1991-2001 // Party Politics. 2004. Vol. 10. №1. P. 49-68.
36. Resnick D. Urban poverty and party populism in African democracies. Cambridge University Press, 2013. 312 p.
37. Sanders A. The meaning of party images // The Western Political Quarterly. 1988. Vol. 41. №3. P. 583-599.
38. Sichone O., Simutanyi N.R. The ethnic and regional questions. Ethnic nationalism and the state in Zambia: the case of Barotseland 1964-1994 / Democracy in Zambia: challenges for the third republic. Harare, 1996. P. 173-196.

39. Stroth A. Crafting political institutions in Africa. Electoral systems and systems of government in Rwanda and Zambia compared // *Law and Politics in Africa, Asia and Latin America*. 2007. Vol. 40. №4. P. 449-470.
40. Trilling R.Dj. Party image and electoral behavior. N.-Y.: John Wiley & Sons, 1976. 236 p.
41. Van Binsbergen W. Aspects of democracy & democratisation in Zambia & Botswana / *Readings in African politics*. Indiana University Press, 2003. P. 202-214.
42. Zambia: 'PR vital in politics'. URL: <https://allafrica.com/stories/201410300571.html> (дата обращения 22.02.2024).

References

1. Bondarenko D.M. Postkolonial'nye natsii v istoriko-kul'turnom kontekste. Moskva: Izdatel'skii Dom Yask, 2022. 400 s.
2. Gaman-Golutvina O.V. Osobennosti evolyutsii sistemy partiino-politicheskogo predstavitel'stva v sovremennoi Rossii. *Sotsiologiya vlasti*. 2004. №3. S. 89-103.
3. Gaman-Golutvina O.V. Rossiiskie partii na vyborah: kartel' "khvatai-vsekh". *Polis. Politicheskoe issledovaniya*. 2004. №1. S. 22-25.
4. Denisova T.S. *Tropicheskaya Afrika: evolyutsiya politicheskogo liderstva*. Moskva: Institut Afriki RAN, 2016. 596 s.
5. Dorozhim vysokim urovnem partnerstva Rossii i Zambii na mezhdunarodnykh ploshchadkakh. URL: <http://council.gov.ru/events/news/113761> (дата обрashcheniya 20.02.2024).
6. Kosukhin N.D. *Politicheskoe liderstvo v Afrike: proshloe i nastoyashchee*. Moskva: Institut Afriki RAN, 2015. 178 s.
7. Nevskaya T.A. SMI kak tekhnologicheskii instrument i kanal formirovaniya i prodvizheniya imidzha politicheskikh partii. *Sotsiodinamika*. 2022. №10. S. 10-19.
8. Prokopenko L.Ya. Imidzh glavy gosudarstva i ego vliyanie na politicheskii protsess. *Yug Afriki na sovremennom etape*. Moskva: Institut Afriki RAN, 2016. S. 51-69.
9. Santush M., Bondarenko D., Aty M. Ot redaktorov spetsial'nogo nomera. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*. 2023. №2(63). S. 5-9.
10. Shestopal E.B. *Obraz i imidzh v politicheskom vospriyatii: aktual'nye problemy issledovaniya / Obrazy gosudarstv, natsii i liderov / pod red. E.B. Shestopal*. Moskva: Aspekt Press, 2008. S. 8-23.
11. Shestopal E.B. Vliyanie ideal'nykh politicheskikh predstavlenii na vospriyatie raznykh liderskikh rolei. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2021. №5. S. 29-37.
12. Burnel P. Taking stock of democracy in Zambia / *Democracy and political change in the 'third world'*. N.-Y.: Routledge, 2001. P. 135-155.
13. Chanda D.M. Sata was an effective PR strategist. *Times of Zambia*. Ndola, 08.11.2014. URL: <https://www.times.co.zm/?p=42046> (дата обрashcheniya 25.02.2024).
14. Chanda S. Why Patriotic Front continues to be Zambia's number one party of choice. *Lusaka Times*. 03.08.2019. URL: <https://www.lusakatimes.com/2019/08/03/why-patriotic-front-continues-to-be-zambias-number-one-party-of-choice> (дата обрashcheniya 25.02.2024).
15. Cheeseman N., Ford R. Ethnicity as a political cleavage. *Afrobarometer working papers* №83. 2007. 37 p.
16. *Constitution of Zambia (Amendment) Act, 1996*. Lusaka: Government Printer, 1996. Part IV. Article 34.3 (b).
17. *Constitution of Zambia (Amendment). Act №2 of 2016*. URL: http://www.parliament.gov.zm/sites/default/files/documents/amendment_act/Constitution%20of%20Zambia%20%20%28Amendment%29%2C%202016-Act%20No.%202_0.pdf. (дата обрashcheniya 25.02.2024).
18. Dalton R.J. 'The decline of party identification'. *Parties without partisans: political change in advanced industrial democracies*. Oxford University Press, 2000. P. 19-36.
19. *Democracy and electoral politics in Zambia*. BRILL, 2020. 386 p.
20. *Democracy and political change in the 'third world'*. N.-Y.: Routledge, 2001. 256 p.

21. Demosrasu in Zambia: challenges for the third republic. Narare, 1996. 237 p.
22. Dickson J. Inside the presidency: the trials and tribulations of a Zambian spin doctor. Nairobi: Nsemia Inc. Publishers, 2014. 250 p.
23. Erdmann G. Ethnicity, voter alignment and political party affiliation – an African case: Zambia. 2007. Working papers №45. Hamburg: GIGA, 37 p.
24. Frank Bwalya leaves Socialist Party. URL: <https://diggers.news/local/2023/08/12/frank-bwalya-leaves-socialist-party> (data obrashche-niya 20.02.2024).
25. Freedom House. Zambia. URL: <https://freedomhouse.org/country/zambia/freedom-net/2023> (data obrashcheniya 20.02.2024).
26. Gould J. Zambia's 2006 elections: the ethnicization of politics? News from the Nordic Africa Institute. Uppsala, 2007. №1. P. 5-9.
27. Hall R. The high price of principles. London: Penguin, 1973. 288 p.
28. Hallink C., Siachiwena H. Political party ideology in Zambia: comparing the PF and the UPND on social welfare policies 2023. The Journal of Modern African Studies. 2023. Vol. 61. №3. P. 323-342.
29. Larmer M., Fraser A. Of cabbages and King Cobra: populist politics and Zambia's 2006 election. African Affairs. Oxford University Press, 2007. Vol. 106. №425. P. 611-637.
30. Manifesto of the Patriotic Front Party 2021-2026. URL: <https://pmrczambia.com/wp-content/uploads/2021/05/PF-Manifesto.pdf> (data obrashcheniya 04.03.2024).
31. Mofya M. Frank Bwalya leaves Socialist Party. URL: <https://diggers.news/local/2023/08/12/frank-bwalya-leaves-socialist-party> (data obrashche-niya 19.02.2024).
32. Moonga C. Frank Bwalya joins UPND. URL: <https://www.daily-mail.co.zm/2024/02/16/frank-bwalya-joins-upnd> (data obrashcheniya 20.02.2024).
33. Mubanga A.K. A closer look at Fredrick Titus Jacob Chiluba: the unsung hero: the man of the hour. Lusaka: Tihsa Publishers, 2016. 84 p.
34. One Zambia one nation, in peace. President Edgar Chagwa Lungu. URL: <https://www.zambianobserver.com/one-zambia-one-nation-in-peace-president-edgar-chagwa-lungu> (data obrashcheniya 25.02.2024).
35. Rakner L., Svåsand L. From dominant to competitive party system. The Zambian experience 1991–2001. Party Politics. 2004. Vol. 10. №1. P. 49-68.
36. Resnick D. Urban poverty and party populism in African democracies. Cambridge University Press, 2013. 312 p.
37. Sanders A. The meaning of party images. The Western Political Quarterly. 1988. Vol. 41. №3. P. 583-599.
38. Sichone O., Simutanyi N.R. The ethnic and regional questions. Ethnic nationalism and the state in Zambia: the case of Barotseland 1964–1994 / Demosrasu in Zambia: challenges for the third republic. Narare, 1996. P. 173-196.
39. Stroh A. Crafting political institutions in Africa. Electoral systems and systems of government in Rwanda and Zambia compared. Law and Politics in Africa, Asia and Latin America. 2007. Vol. 40. №4. P. 449-470.
40. Trilling R.Dj. Party image and electoral behavior. N.-Y.: John Wiley & Sons, 1976. 236 p.
41. Van Binsbergen W. Aspects of democracy & democratisation in Zambia & Botswana / Readings in African politics. Indiana University Press, 2003. P. 202-214.
42. Zambia: 'PR vital in politics'. URL: <https://allafrica.com/stories/201410300571.html> (data obrashcheniya 22.02.2024).

Ю.М. Шаев

Yu. Shaev

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ И ГЕНДЕРНЫЕ ОБРАЗЫ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ: МЕЖДУ СУБЛИМАЦИЕЙ И СОЗЕРЦАТЕЛЬНОСТЬЮ

REPRESENTATION OF POWER AND GENDER IMAGES IN COMPUTER GAMES: BETWEEN SUBLIMATION AND CONTEMPLATION

Аннотация

Современные компьютерные игры достаточно сложны и отражают многие реалии современного мира. В качестве важных тем и феноменов, находящихся отражение в нарративе и образах персонажей компьютерных игр, присутствует власть в различных ее проявлениях и видах (политическая, психиатрическая, пенитенциарная, религиозная). Часто современные игры содержат нарративы и персонажей, репрезентирующих разные формы власти. Данное явление заметно в современных компьютерных играх, многие из которых отличаются детально разработанным внутриигровым миром, возможностью нелинейного завершения игры, колоритными и проработанными персонажами. Главные и второстепенные герои видеоигр выступают в качестве носителей власти и влияния, кроме того, большинство из них обладает ярко выраженными гендерными характеристиками, часто умело преподносимыми гейм-дизайнерами. Автор статьи анализирует различные способы фиксации проявлений власти и ее герменевтики через психоаналитическую и феноменологическую интерпретационные перспективы в рамках гендерных образов персонажей. В рамках психоаналитической перспективы власть рассматривается в качестве результата сублимационно-компенсаторных процессов, что отражается в гендерных образах персонажей и их месте в структуре внутриигрового топоса. Феноменологическая же перспектива позволяет проанализировать образы персонажей, репрезентирующих власть в качестве неких це-

Abstract

Modern computer games are quite complicated and reflect many of the realities of the modern world. Power in its various manifestations and types (political, psychiatric, penitentiary, religious) is present as important themes and phenomena reflected in the narrative and images of characters in computer games. Often modern games contain narratives and characters that represent different forms of power. This phenomenon is noticeable in modern computer games, many of them are distinguished by a well-designed internal game world, the possibility of non-linear completion of the game, well-developed characters. The main and minor characters of video games act as representatives of power and influence, in addition, most of them have specific gender characteristics, often skillfully presented by game designers. The author of the article analyzes various ways of presenting manifestations of power and its hermeneutics through psychoanalytic and phenomenological interpretative perspectives within the framework of gender images of characters. Within the psychoanalytic perspective, power is portrayed as the result of sublimation-compensatory processes, which is reflected in the gender images of characters and their place in the structure of the internal game topoi. The phenomenological perspective allows to analyze the images of characters representing power as certain entities, without attempting to trace the "genealogy" of power. The author, analyzing modern games, considers a psychoanalytic perspective and analyzes characters representing various types of power. The

лостностей, без попыток проследить «генеалогию» власти. Автор, анализируя современные игры, рассматривает психоаналитическую перспективу и анализирует персонажей, репрезентирующих различные виды власти. Автор приходит к выводу о том, что психоаналитический способ фиксации власти проявляется у персонажей с ярко выраженными мужскими гендерными характеристиками (что характерно для объяснительных схем и самой традиции психоанализа), тогда как феноменологический способ репрезентации в достаточно большом числе случаев предполагает женские гендерные образы.

author comes to the conclusion that the psychoanalytic method of fixing power is manifested in characters with specific male gender characteristics (which is typical for explanatory schemes and the tradition of psychoanalysis itself), while the phenomenological method of representation in a quite large number of cases assumes female gender images.

Ключевые слова:

гендер, компьютерные игры, гендерный образ, нарратив, власть, семиотика, герменевтика, феноменология.

Key words:

gender, computer games, gender images, narrative, power, semiotics, sign, hermeneutics, phenomenology.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-01526, URL: <https://rscf.ru/project/22-28-01526>

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-117-127>

Современные компьютерные игры часто характеризуются сложным сюжетом и достаточно проработанными персонажами. Сами по себе, компьютерные игры выступают в качестве специфического феномена современного культурного пространства, многие нарративы, которые встречаются в сфере компьютерных игр, не только отражают культурные и исторические реалии (в плане персонажей, современных мифологем и мифологем, относящихся к архетипическим образам), но и способствуют проникновению образов, созданных в рамках игрового нарратива, в культурный ландшафт действительности. Внутриигровой мир многих современных компьютерных игр тесно связан с различными измерениями реального мира. Некоторые исследователи говорят о сложности разграничения реального и виртуального миров, взаимопроникновении их элементов и сложности самого феномена компьютерной игры [26]. В рамках виртуального мира игры мы встречаем различные измерения бытия человека: повседневность и ее практики, эстетическая сфера, экономические аспекты и даже политические. Кроме того, некоторыми исследователями компьютерные игры рассматриваются в качестве элемента политической коммуникации [3]. Помимо этого, исследователи обращают внимание на репрезентацию политических проблем в современном обществе и отражении этих проблем в нарративных мирах популяр-

ных видеоигр [17], трактовку политических теорий прошлого в компьютерных играх [23]. Отдельные теоретики указывают на значимость компьютерных игр как способа ретрансляции идей гражданского общества, форм политического участия и прав человека [18; 21]. Существуют исследования, авторы которых считают, что нарратив компьютерных игр выполняет своего рода образовательно-политическую функцию, формируя у имплицитного игрока базовые политические компетенции в теоретическом и практическом планах [22; 25].

Стоит отметить, что сюжет, нарратив и геймплей игр часто соотносятся с достаточно сложными образами персонажей (главных и второстепенных), их гендерными и личностными характеристиками. Сама проблематика гендера является отдельной темой исследований, которые сопряжены с различными аспектами проявления гендера в виртуальном мире компьютерных игр [19; 20].

В данной статье мы попытаемся показать проявление некоторых гендерных черт персонажей в политическом измерении внутриигрового нарратива, соотношение идей политики и репрезентации власти и некоторых сложных гендерных образов персонажей.

Мы отмечаем, что в качестве внутриигрового нарратива можно зафиксировать время и место, соотносимые с реальными историческими и географическими данностями, либо вымышленное пространство-время. В любом случае, игровое пространство-время связано с реальными прототипами. Мы выделяем топосы игрового нарратива как проявления игрового пространства-времени, в котором действуют персонажи [15, с.187].

Важнейшими координатами человеческого бытия являются политическая сфера и гендер. Под политической сферой мы понимаем порождение и функционирование различных типов власти в современном ее видении [10; 11; 12] как некоей реальности, которая представлена различными видами и измерениями и репрезентируется через различные институты (семья, сфера психиатрического и медицинского праксиса, государство и его структуры). Она имеет множество трактовок, соотносимых со сложностью современного пространства человеческих интеракций [4; 5]. Именно такое многогранное понимание власти и политики в целом, рефлексия над некоторыми ее видами: власть в рамках локального сообщества, власть корпораций и религиозных авторитетов проявляются в современных играх все чаще.

Сфера власти и политики изначально, в годы появления первых компьютерных игр в 80-х и 90-х гг. XX века, была репрезентирована в виде антуража: страны и правители, мафиозные боссы, власть которых напоминала политическую, вымышленные фантазийные миры, в которых политическая реальность изображена с оглядкой на реальные политические институты,

явления и процессы. Кроме того, многие современные игры репрезентируют топос тюрьмы или лечебницы, процессы реализации и функционирования власти в таких учреждениях. Однако, в наши дни указанные топосы в визуальном, аудиальном и идейном плане проработаны значительно лучше, часто, они в свернутом виде содержат целые «встроенные» нарративы, которые отсылают к истории мысли и известным сюжетам культуры, подобно сюжетам и мыслительным опытам Х.Л. Борхеса [2] и У. Эко [16, с. 437].

В частности, в серии игр «The Outlast» действие разворачивается в психиатрической лечебнице, в которой над людьми производятся сомнительные с этической точки зрения эксперименты. Здесь реализован классический паттерн медицинской и психиатрической власти, идеи надзора и интерпретации отклонений вместе с терапией как формами реализации власти [11; 12].

В игре «The Outlast: Trials» главным антагонистом является доктор Х. Истерман, ученый и экспериментатор, который проводит опыты над пациентами-заключенными. В этой игре представлены достаточно интересные образы второстепенных персонажей – людей с психическими отклонениями, репрезентированными нарративом игры как опасные безумцы, с которыми, так или иначе, приходится иметь дело игроку. Во многом, именно псевдопсихиатрическая власть заставляет многих пациентов быть теми, кем они являются, сам образ психиатрической лечебницы в какой-то мере обостряет или проявляет безумие персонажей. Главный антагонист-псевдоученый, выступает своего рода «умом», сосредоточением герменевтической власти, который оттачивал свои умения манипуляции сознанием во время Второй мировой войны в Китае и по сюжету игры, был завербован агентами ЦРУ.

Здесь мы сталкиваемся с интересным моментом в трактовке «власти» как некоего влияния на метальный план человека: центры сосредоточения власти различного рода, как и ее институты представлены в негативном ключе. Часто это касается власти и влияния корпораций, несущих зло человечеству или отдельным людям. Классический пример – транснациональная корпорация Амбрелла в серии игр «Resident Evil», выпускавшая препараты, химическую продукцию и занимавшаяся геной инженерией. В результате опытов руководство корпорации планировало вывести новую расу сверхлюдей и править новым человечеством. В идейном плане здесь причудливо переплетаются идеи трансгуманизма и биополитики, как феномена влияния на непосредственные витальные телесные аспекты человеческого бытия с помощью различных инструментов и практик, о чем размышляли теоретики биополитического дискурса [1; 13]. Стоит сказать, что примеров такой репрезентации достаточно много в играх. Власть корпораций противостоит главный герой, причем опосредованно, как правило, не путем борьбы с ру-

ководителями корпораций, а, например, сражения с монстрами, так или иначе появившимися в результате деятельности корпораций.

В негативном ключе зафиксирована в играх, как правило, идеологическая власть, соотносимая с религиозными убеждениями. Специалисты в области анализа репрезентации феномена религии и ее представленности в компьютерных играх отмечают этот факт [7, с.176-177]. Религия в играх имеет секулярный характер и выступает в качестве неких идеологических рамок, внутри которых происходит противостояние главного героя и антагониста в соответствии с паттерном «свой-чужой». В частности, в игре «Far Cry 5» мы встречаем религиозную секту с достаточно харизматичным лидером, против него предстоит сражаться главному герою. В ходе игры есть возможность примкнуть к другому религиозному движению, конфликтующему с уже упомянутым. Во многих других случаях игр различных жанров (экшн, от англ. action – действие, РПГ или RPG – ролевые игры) религиозные идеи, институты и деятели подчинены идеологически-властной функции религии, которая побуждает, либо ограничивает действия персонажей.

За редкими исключениями игры «рефлексируют» над мировоззренческими вопросами догматики или местом религии в мире внутриигрового нарратива. Особенно это характерно для так называемых «souls like games» – игр, инспирированных популярной серией игр «Dark Souls», в рамках которой был представлен игровой мир открытого типа, с достаточно сложным нарративом и неоднозначными образами персонажей. Помимо этой серии рефлексия над религиозными аспектами прослеживается в таких играх, как «Dragon Age» и «Elden Ring», хотя тоже в достаточно секулярном ключе, адепты той или иной системы религиозных взглядов (хотя правильно было бы их называть псевдорелигиозными, так как речь идет о вымышленных религиях игрового мира, которые, тем не менее имеют свою догматику, репрезентируемую область сакрального и семиотику) могут враждовать с представителями другой системы взглядов или сосуществовать.

В современных играх реализация властных потенциалов через религиозные способы институционализации власти соотносится как с традиционными архетипическими образами (образы пророка или отца-пророка, горячего адепта-мученика, богини), отсылающими к авраамическим и языческим религиозным представлениям. Так, например, в игре «The Outlast 2» мы видим образ Салливана Нота, лидера религиозной секты «Завет Нового Иезекииля», насильничавшего женщин-членов своего религиозного культа, заставляя их рожать детей, будущих адептов и видя в себе некоего нового «пророка». Здесь очевидны отсылки к христианским религиозным паттернам. Помимо этого, в данном образе обнаруживается влияние фрейдизма и фрейдистских

трактовок религиозного сознания через механизмы сублимации и трансформации бессознательных импульсов. В отношении власти и здесь тоже видны следы фрейдистского нарратива: фигура «отца-пророка», руководителя общины, не терпящего неподчинения, выведена достаточно колоритно.

Во многих современных играх репрезентация религиозной власти реализуется не только через мужские образы, но и через женские. Характерный пример – фигура Матери Миранды из игры «Resident Evil: Village». В данном образе мать Миранда представлена в виде жившей много лет назад женщины, потерявшей дочь. Миранда, обнаружив некий грибковый суперорганизм – мегамицелий, заразилась им, получив доступ к воспоминаниям людей, также зараженных мегамицелием, кроме того, она стала практически бессмертной после заражения. Уверовав в свое всеисие, Миранда подчинила своей воле жителей местной деревни, она провозгласила себя проводником темного божества и стала искать способ воскресить свою дочь, используя свойства паразита-мегамицелия. Здесь мы тоже видим некую смесь фрейдистских нарративов, мифологических и религиозно-мифологических представлений, которые соотносятся с репрезентацией псевдорелигиозного типа власти.

Весьма сложен и причудлив нарратив, соотносимый с религиозной властью в серии игр «Dragon Age». В данной серии игр представлен целый пласт представлений о религии внутриигрового мира. В первой части игры упоминается Создатель и его пророчица, Андрасте, которая основала Церковь. Люди же, как создания отвернулись от своего создателя и обратились к Древним Богам. Здесь тоже присутствует секулярное видение религии через конфликт адептов Создателя и Магов, соотносимых со сферой древних богов. Интересен здесь факт наличия женского образа в виде пророчицы.

Мы видим, что религиозная власть может соотноситься в виртуальном мире и с женскими образами. Как нам представляется, сама репрезентация мужских и женских образов как источников власти предполагает связь с различными рефлексивными традициями: психоаналитической и феноменологической.

В рамках психоаналитической традиции, власть, в том числе и религиозная, репрезентирована как результат некоей травмы и желания ее нивелировать. Здесь мы можем взглянуть на достаточно устойчивую традицию трактовки власти и авторитета, существующую в рамках психоаналитических исследований, выходящих в плоскость культуры [14]. В рамках данной традиции власть соотносится с идеей неполноты психики, желанием восстановить целостность своего сущностного событийного образа через влияние, доказательство своей значимости/состоятельности. Это заметно в уже упо-

мянутых сериях РПГ игр, в которых влияние фрейдистской теории явно прослеживается даже без специального анализа.

Что же касается феноменологической линии в трактовке власти, то здесь речь идет об образах властных фигур и авторитетов, без попыток проследить их «генеалогию», психическую основу власти и влияния. Мы пользуемся феноменологическим способом рассмотрения образов, который отсылает к мыслительным опытам феноменологической герменевтики П. Рикера [8; 9]. Здесь мы имеем дело с архетипическими фигурами «отца», «защитника», «вождя», в их некой цельности, непосредственной данности рецепиенту игроку или исследователю, который желает понять устройство современных игр.

Помимо мужских гендерных образов, феноменологические трактовки особенно хорошо коррелируют с женскими неоднозначными гендерными образами, встроенными в структуру сложного игрового нарратива в современных РПГ играх, таких, как, например, «Elden Ring». В данной игре представлен образ Марики Неземной – королевы вымышленного мира, которая является проводницей Великой воли, имеющей явные сакральные основы. Таким образом, сама власть Марики в плане некой нарративной легитимации укоренена в области сакрального, причем эта область не выводится из психоаналитических трактовок. В данном примере, да и в ряде других игр подобного типа (современные РПГ с открытым внутренним миром сложными персонажами), присутствует некая «эстетика созерцательности» гендерных образов, которые в отличие от уже упомянутых образов не предполагают рефлексивную работу и деконструкцию власти в рамках герменевтической концепции психоанализа, культурологических и философских исследований, базирующихся на логике «генеалогии» и экономики страстей.

В качестве примеров неоднозначных образов, укладываемых в подобные феноменологические рамки можно указать образ Малении из уже упомянутой игры «Elden Ring», репрезентирующей как традиционно женские гендерные паттерны, соотносимые с красотой, сексуальностью, так и мужские, фиксирующие силу, упорство и стойкость: не случайно, Маления является одним из самых сильных боссов в игре, и ее образ, хотя и предполагает эротизацию (на финальных стадиях сражения она обнажается), но содержит много мужских черт в дискурсивном плане высказываний, особенностей геймплея – движения Малении отсылают к мужской силе и решительности.

В играх жанра фэнтези достаточно много примеров сложных женских образов, в которых проявляются мужские качества и властные потенции. В частности, можно упомянуть Авелин из игры «Dragon Age: Origins», которая, будучи девой воительницей и пройдя череду испытаний, становится капита-

ном стражи в городе [6, с.148]. Еще одним показательным примером репрезентации власти в образе, соотносимом с женским паттерном, который, тем не менее содержит мужские гендерные характеристики, является образ Кассандры из игры «Dragon Age: Inquisition». Кассандра имеет весьма воинственный вид, она облачена в доспехи и по сюжету проходит ряд испытаний. Здесь мы тоже встречаем некий цельный образ, в рамках герменевтики которого мы не обнаруживаем аспектов власти и влияния, которые были бы трактованы через использование фрейдистской парадигмы. Ее власть и, в целом, образ репрезентируют себя не как нечто компенсаторное, как-то было, например, случае с религиозными фанатиками и проявлениями религиозно-идеологических властных потенций в играх серии «The Outlast».

В целом же, как показывает анализ властных фигур в рамках игрового нарратива, именно мужские гендерные образы фиксируются как обладатели власти, репрезентирующей различные сублимационные механизмы, часто раскрывается история персонажей. Весьма показательный пример – образ Иосифа Сида из игры «Far Cry 5». Данный антагонист является руководителем религиозного культа, и игра частично дает реципиенту-игроку представления об истоках власти Сида: он воспитывался в жестокой семье, где отец часто избивал детей. Здесь мы имеем почти классический случай фрейдистской герменевтики власти и ее сублимационного характера.

Реализация власти в рамках мужских гендерных образов может быть показана в игровом нарративе не только в качестве власти религиозных лидеров, но и секулярных правителей и, например, авторитетов, представляющих власть в рамках криминальных кругов: яркий пример – колоритный образ Вааса Монтенегро в игре «Far Cry 3», который внутренне расколот и обнаруживает семейную психотравму: он убил человека обидевшего его сестру. Вообще, в самом нарративе всячески подчеркивается сущность Вааса как «психопата», и сам его образ проник в массовую культуру и субкультуру геймеров, ассоциируясь с безумием как таковым, которое когда-либо было репрезентировано в рамках игрового нарратива.

Итак, реализация власти в рамках игрового нарратива предполагает различные формы ее проявления, которые соотносятся со сферами политики, религии, экономики. Различные виды власти представлены в современных компьютерных играх достаточно широко. Властные потенции реализуются через главных и второстепенных персонажей игр, действующих в игровых топосах: государства, тюрьмы, лечебницы, религиозной общины. Персонажи современных компьютерных игр, обладающие властными потенциями и реализующие различные разновидности власти, часто обладают выраженными гендерными характеристиками. Реализация и семиотическая фик-

сация власти в рамках мужских гендерных образов соотносятся с сублимационными механизмами и, как правило, предполагают использование психоаналитической парадигмы, мужские гендерные образы, традиционно связанные с наличием власти обнаруживают расколотость и патологичность генеалогии различных проявлений власти, тогда как женские гендерные образы, сопряженные с репрезентациями власти, предполагают феноменологическую парадигму для своей дешифровки. Женские гендерные образы, по крайней мере, достаточно большая часть, видятся более цельными и требуют от имплицитного игрока-реципиента созерцательности и некоего архетипического взгляда.

Литература

1. Агамбен Дж. Номос sacer. Суверенная власть и голая жизнь. Москва: Европа, 2011. 256 с.
2. Борхес Х.Л. Вавилонская библиотека // Письмена бога. Москва: Республика, 1992. С. 217-224.
3. Гришин О.Е., Иглин Д.А. Компьютерные игры как элемент массовой политической культуры и коммуникации // PolitBook. 2015. №1. С. 127-145.
4. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. Москва: РОССПЭН, 2001. 380 с.
5. Ледяев В.Г. Концептуальный анализ власти: Проблематика и современные тенденции // Политическая наука. 2019. №3. С. 14-29.
6. Матюшенко У.А. Гендерная репрезентация героинь серии игр «Dragon Age» // Манускрипт. 2020. Т.13. №5. С. 146-150.
7. Подвальный М. Религиозные культы в функциональной вселенной RPG «Ведьмак» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. №3. С. 173-190.
8. Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. Москва: Искусство, 1996. 270 с.
9. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. Москва: Академический проект, 2008. 695 с.
10. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1984 учебном году. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 677 с.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва: Ad Marginem, 1999. 480 с.
12. Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 450 с.
13. Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. Санкт-Петербург: Наука, 2010. 448 с.
14. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Москва: Республика, 1994. 447 с.
15. Шаев Ю.М. Виртуальный нарратив: топосы, архетипы и акротипы // Видеоигры: введение в исследования. Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2018. С. 185-207.
16. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Имя розы. Москва: Книжная палата, 1989. С. 425-467.

17. Akbar F., Kusumasari B. Making public policy fun: How political aspects and policy issues are found in video games // *Policy Futures in Education*. 2021. Vol 20. №5. P. 646-660.
18. De Zamaróczy N. Are we what we play? Global politics in historical strategy computer games // *International Studies Perspectives*. 2017. Vol. 18. №2. P. 155-174.
19. Dickerman C., Christensen, J., Kerl-McClain S.B. Big Breast and Bad Guys: Depictions of Gender and Race in Video Games // *Journal of Creativity in Mental Health*. 2008. Vol. 3. №1. P. 20-29.
20. Downs E., Smith S.L. Keeping Abreast of Hypersexuality: A Video Game Character Content Analysis // *Sex Roles*. 2009. Vol. 62. №11. P. 721-733.
21. Dishon G., Kafai Y.B. Connected civic gaming: rethinking the role of video games in civic education // *Interactive Learning Environments*. 2022. Vol. 30. №6. P. 999-1010.
22. Exmeyer P.C., Boden D. The 8-Bit Bureaucrat: Can Video Games Teach Us About Administrative Ethics? // *Public Integrity*. 2020. Vol. 22. №5. P. 409-424.
23. Geraci R.M., Recine N. Enlightening the galaxy: How players experience political philosophy in Star Wars: The Old Republic // *Games and Culture*. 2014. Vol. 9. №4. P. 255-276.
24. Jantzen G., Jensen J.F. Powerplay – Power, violence and gender in video games // *AI & Society*. 1993. Vol. 7. №4. P. 368-385.
25. Marengo L.G., Lmhoff D., Godoy J., Cena M., Ferreira P. Videojuegos y socialización política: Evaluación del potencial de los videojuegos para promover aprendizajes sociopolíticos // *Cuadernos del Centro de Estudios en Diseño y Comunicación*. Ensayos. 2021. №130. P. 151-168.
26. Tavinor G. Videogames and Virtual Media / *The Aesthetics of Videogames*, edited by Grant Tavinor and Jon Robson, New York: Routledge. 2018. P. 146-160.

References

1. Agamben Dzh. Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'. Moskva: Evropa, 2011. 256 s.
2. Borkhes Kh.L. Vavilonskaya biblioteka. Pis'mena boga. Moskva: Respublika, 1992. S. 217-224.
3. Grishin O.E., Iglin D.A. Komp'yuternye igry kak element massovoi politicheskoi kul'tury i kommunikatsii. PolitBook. 2015. №1. S. 127-145.
4. LedyaeV V.G. Vlast': kontseptual'nyi analiz. Moskva: ROSSPEN, 2001. 380 s.
5. LedyaeV V.G. Kontseptual'nyi analiz vlasti: Problematika i sovremennye tendentsii. Politicheskaya nauka. 2019. №3. S. 14-29.
6. Matyushenko U.A. Gendernaya reprezentatsiya geroi' serii igr «Dragon Age». Manuskript. 2020. T.13. №5. S. 146-150.
7. Podval'nyi M. Religioznye kul'ty v fiktsional'noi vselennoi RPG «Ved'mak». Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2019. №3. S. 173-190.
8. Riker P. Germenevtika i psikhoanaliz. Religiya i vera. Moskva: Iskusstvo, 1996. 270 s.
9. Riker P. Konflikt interpretatsii: ocherki o germenevtike. Moskva: Akademicheskii proekt, 2008. 695 s.
10. Fuko M. Germenevtika sub"ekta: kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1981-1984 uchebnom godu. Sankt-Peterburg: Nauka, 2007. 677 s.
11. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. Moskva: Ad Marginem, 1999. 480 s.

12. Fuko M. Psikhiatricheskaya vlast': kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1973-1974 uchebnom godu. Sankt-Peterburg: Nauka, 2007. 450 s.
13. Fuko M. Rozhdenie biopolitiki: kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978-1979 uchebnom godu. Sankt-Peterburg: Nauka, 2010. 448 s.
14. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti. Moskva: Respublika, 1994. 447 s.
15. Shaev Yu.M. Virtual'nyi narrativ: toposy, arkhetypy i akrotipy. Videogry: vvedenie v issledovaniya. Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii poli-tekhnicheskii universitet, 2018. S. 185-207.
16. Eko U. Zametki na polyakh «Imeni rozy». Imya rozy. Moskva: Knizhnaya palata, 1989. S. 425-467.
17. Akbar F., Kusumasari B. Making public policy fun: How political aspects and policy issues are found in video games. Policy Futures in Education. 2021. Vol 20. №5. P. 646-660.
18. De Zamaróczy N. Are we what we play? Global politics in historical strategy computer games. International Studies Perspectives. 2017. Vol. 18. №2. P. 155-174.
19. Dickerman C., Christensen, J., Kerl-McSlain S.B. Big Breast and Bad Guys: Depictions of Gender and Race in Video Games. Journal of Creativity in Mental Health. 2008. Vol. 3. №1. P. 20-29.
20. Downs E., Smith S.L. Keeping Abreast of Hypersexuality: A Video Game Character Content Analysis. Sex Roles. 2009. Vol. 62. №11. P. 721-733.
21. Dishon G., Kafai Y.B. Connected civic gaming: rethinking the role of video games in civic education. Interactive Learning Environments. 2022. Vol. 30. №6. P. 999-1010.
22. Exmeyer P.C., Boden D. The 8-Bit Bureaucrat: Can Video Games Teach Us About Administrative Ethics? Public Integrity. 2020. Vol. 22. №5. P. 409-424.
23. Geraci R.M., Recine N. Enlightening the galaxy: How players experience political philosophy in Star Wars: The Old Republic. Games and Culture. 2014. Vol. 9. №4. P. 255-276.
24. Jantzen G., Jensen J.F. Powerplay – Power, violence and gender in video games. AI & Society. 1993. Vol. 7. №4. P. 368-385.
25. Marengo L.G., Lmhoff D., Godoy J., Cena M., Ferreira P. Videogames y socialización política: Evaluación del potencial de los videogames para promover aprendizajes sociopolíticos. Cuadernos del Centro de Estudios en Diseño y Comunicación. Ensayos. 2021. №130. P. 151-168.
26. Tavinor G. Videogames and Virtual Media / The Aesthetics of Videogames, edited by Grant Tavinor and Jon Robson, New York: Routledge. 2018. P. 146-160.

СТАТЬИ

А.Е. Чирикова

МОЖЕТ ЛИ ГУБЕРНАТОР ИЗМЕНИТЬ СИТУАЦИЮ В РЕГИОНЕ К ЛУЧШЕМУ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Аннотация

В статье на примере губернатора Ивановской области С.С. Воскресенском делается попытка найти ответ на важный вопрос: может ли губернатор, пришедший к власти в регионе изменить ситуацию в нем за первые 5 лет своей деятельности, имея низкие стартовые возможности. В основе проведенного анализа, материалы интервью, проведенные с ключевыми фигурами власти, бизнеса и экспертами в два этапа. Первый этап – 2018 год, когда губернатор приступил к своим должностным обязанностям. Второй этап – 2023 год, когда он был переизбран на второй срок с рекордной поддержкой населения региона в 84,2%. Всего было проведено 47 интервью с руководителями регионального и локального уровней в 2018 и 2023 гг.

Основной вывод: даже московский назначенец, в начале пути не принимаемый представителями элитного корпуса, способен переломить настроение элит и изменить ситуацию в регионе к лучшему, если он может предложить и реализовать стратегию развития региона, разделяемую элитным корпусом и населением. Важный фактор успешности губернатора, способность привлечь федеральные средства для реализации экономических и социальных программ в регионе, что воспринимается элитами как высокий показатель влияния губернатора в Правительстве РФ.

A. Chirikova

CAN A GOVERNOR CHANGE THE SITUATION IN THE REGION FOR THE BETTER: A SOCIOLOGICAL CHRONICLE

Abstract

In this article, using the example of the governor of the Ivanovo region, S. Voskresensky, an attempt is made to find an answer to an important question: can a governor change the situation after the first 5 years of his activity in the region, having low starting opportunities. The analysis is based on interviews conducted with key figures in government, business, and experts in two stages. The first stage was in 2018, when the governor began his official duties. The second stage was in 2023, when he was re-elected to a second term with a record support of the region's population of 84.2%. In total, I conducted 47 interviews in 2018 and 2023. Main conclusion: even a Moscow appointee, who initially was not accepted by representatives of the elite corps, is able to change the mood of the elites and the situation in the region for the better if he can propose and implement a strategy for the development of the region, shared by the elite corps and the population. An important factor of his success is his ability to attract federal funds for the implementation of economic and social programs in the region, which is perceived by the elites as a high indicator of the governor's influence in the Government of the Russian Federation.

Ключевые слова:

губернатор, эффективность деятельности, элиты, динамика перемен, выборы, стартовые возможности.

Key words:

governor, effectiveness of government, elites, dynamics of change, elections, starting opportunities.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-128-150>

Губернаторский корпус как политический и управленческий институт исследуется специалистами разных направлений достаточно глубоко. Наиболее часто попадают в поле научного интереса такие вопросы как деятельность губернаторов в условиях трансформации политической системы Российской Федерации [8]. Достаточно серьезно учеными, в том числе историками, проводится анализ основных этапов становления губернаторского института в разные временные отрезки [10; 15; 16; 17] и др. Серьезное внимание исследователями уделяется выборам губернаторов и их назначениям в период 2004-2012 гг., а также в последующие годы [4; 12; 17; 29] и др. Обширный пул аналитических материалов касается отставок губернаторов. Наиболее интересными среди них являются исследования, проведенные Р.Ф. Туровским с соавторами [24].

Тема укорененности губернаторов и влияния этого фактора на их деятельность, в противовес губернаторов «варягов», широко обсуждаемое аналитическое направление на протяжении последних 10 лет [11; 18; 30], несмотря на то что экспертное сообщество не дает однозначного ответа на вопрос: кто лучше, «свои или чужие», эта тема остается сензитивной и будет такой еще не один год.

Взаимоотношения губернаторов с местным самоуправлением еще одно направление исследований, поддерживаемое как социологами, так и политологами. Достаточно давно эта тема разрабатывается пермскими исследователями Т.Б. Витковской и О.А. Рябовой [5]. Наши исследования, совместно с В.Г. Ледяевым, проведенные в разные годы, позволяют убедиться в том, что это исследовательское направление требует своего эмпирического продолжения, так как получаемые результаты не дают однозначной и устоявшейся картины [27; 28; 32] и др.

Еще одно исследовательское направление, которое позволяет расширить представление о губернаторском корпусе – это вопрос о взаимодействии губернатора и бизнеса. Несмотря на то, что эмпирические исследования не вскрывают однозначной картины практик такого взаимодействия, эта тема остается одной из наиболее интересных [19; 27; 28] и др.

Несмотря на то, что губернаторский корпус изучался в последнее десятилетие весьма пристально и вызывал живой профессиональный интерес у исследователей, все же нельзя утверждать, что все исследовательские темы оказались до конца проясненными.

Именно к такой теме относится вопрос о том, способен ли сильный губернатор, придя в слабый, в экономическом отношении, регион, кардинально изменить сложившуюся ситуацию. Пока он не имеет однозначного ответа.

Размышляя о возможностях губернаторского корпуса влиять на ситуацию в регионе, эксперты и исследователи приходят к прямо противоположным выводам.

М. Артемьев, историк, публицист и критик в своей аналитической статье, опубликованной в 2013 году, высказывает достаточно критическую точку зрения на возможности изменять ситуацию в регионе губернаторам, аргументируя свою позицию следующим образом: «У глав регионов не имеется необходимой полноты власти для осуществления своих функций, ибо центр оставил за собой львиную долю тех полномочий, которые в других странах принадлежат именно губернаторам. Милиция, налоговики, пожарные, органы ЧС, статистики, СЭС ... им не подчиняются никоим образом. В лучшем случае губернаторы могут их о чем-то просить или согласовывать с ними. Но главное свое предназначение – охрану жизни, здоровья и имущества граждан – они исполнять самостоятельно никак не могут» [1, с. 1].

Продолжая свои размышления о губернаторском корпусе, М. Артемьев добавляет: «В царское время губернатор вообще не имел экономического влияния в губернии и доступа к финансам. Он назначался министром внутренних дел и, по сути, был главным полицейским губернии, агентом МВД на территории с преимущественно контрольными функциями. Реальная экономическая и финансовая власть была у земств, казенных палат и других учреждений, от губернатора независимых. Он же обходился минимальным штатом чиновников и не управлял жизнью в губернии, а надзирал за ней. Представить вмешательство губернатора в хозяйственные споры пароходств или купеческих домов было в принципе невозможно. Сейчас все, наоборот» [1, с. 2].

Представляя власть губернаторов в регионах как неполную, М. Артемьев проходит мимо того факта, что некоторым губернаторам хватает полномочий для изменения ситуации, а другим – приходится уповать на слишком жесткую политику Центра, которая не позволяет ситуацию изменять к лучшему.

В качестве аргумента, с помощью которого я постараюсь взглянуть на возможности губернатора иначе, приведу данные исследования журнала «Эксперт», которые наглядно показывают, что ресурсы для изменения у губернаторов есть при соблюдении одного важного условия, – авторитета у федеральных, региональных и муниципальных элит. На фоне консолидации региональных и муниципальных элит достичь которую удастся далеко не всем губернаторам.

В проведенном журналом «Эксперт» исследовании в фокусе рассмотрения находились три региона и соответственно три губернатора, это были Белгородская, Калужская и Тюменская области, которые на момент прове-

дения исследования (2015 год) возглавляли три сильных губернатора: Е. Савченко, А. Артамонов, В. Якушев. Несмотря на то, что на момент исследования они находились в разное время у власти, их объединяла ориентация на поиск механизмов объединения элит и их последующая консолидация вокруг курса социально-экономического развития региона [7]. Этот процесс оказался совсем не простым. Однако каждый из перечисленных губернаторов осуществил шаги, которые позволили консолидировать элиты трех регионов.

Шаг первый и обязательный для всех губернаторов: осторожный поиск лояльных элит и определение уже сформировавшейся, но остающейся хаотичной модели взаимоотношений между местными «кланами». Это позволяло губернаторам перейти ко второму шагу: первое лицо власти в регионе формулировало правила игры для всех элит, равные и обязательные к исполнению. То есть, губернатор, таким образом, вводил новую систему ценностей и понятий, в которой себе отводил место главного и независимого регулятора.

Следующий шаг: разработка программы долгосрочного развития, основанная на собственном видении этого процесса губернаторами. Но не только это было важно. Основное, что все три губернатора смогли формальным и неформальным способами донести до представителей элитных групп, какие именно преференции они получают в случае реализации этого курса и какие обязанности на них будут возложены. Этот курс позволил элитам консолидироваться не только вокруг фигуры губернатора, но и вокруг его курса социально-экономического развития. Это способствовало тому, что элиты в исследованных регионах стали непосредственно заинтересованы в успехе начинаний губернатора.

Таким образом, не случайно, перечисленные регионы оказались лидерами социально-экономического развития, а их губернаторы заняли топовые места во всевозможных рейтингах губернаторского корпуса.

Тем не менее, вряд ли все представители губернаторского корпуса способны осуществить предложенную стратегию. Она требует опыта и авторитета.

Возникает вопрос, за что именно губернаторы отвечают в подвластном им регионе и как оценивается эффективность их деятельности? Не исключено, что от них и не ждут серьезного изменения ситуации в подвластном им регионе?

Если обратиться к системе KPI, с помощью которой оценивается система работы губернатора, то она не раз пересматривалась. Первый Указ «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» был опубликован в июне 2007 года под №825 [25]. В Перечень показателей Указа входили 43 пункта, которые дополнили до 48 в 2010 году. В августе 2012 года Перечень показателей в Указе был сокращён с 48 до 12 пунктов. В ноябре 2017 года Перечень в Указе был вновь пересмотрен, количество показателей выросло до 24 пунктов. Указ в апреле 2019 года снизил количество показателей для губернаторов с

24 до 15 пунктов. А 4 февраля 2021 года Президент России подписал новый Указ об оценке эффективности работы губернаторов №620 [26].

Теперь глав регионов оценивают по 15 критериям. Среди них: доверие к власти, уровень бедности, качество окружающей среды, темп роста реальной среднемесячной заработной платы, и даже уровень доверия населения.

До сих пор некоторые из экспертов убеждены – достижение всех обозначенных в ней показателей просто невозможно. Особенно сложно измерить такой показатель как доверие населения. Среди экспертов, высказывающихся по поводу сложности измерения показателя доверие населения, наиболее убедительно звучат аргументы Н. Зубаревич, о том, что индикаторы невозможно измерить, да и методик нет для этого. Все это сугубо вторично по отношению к реальным измерениям, которые приняты в России. Реальным измерением доверия населения могли бы стать нормальные выборы.

Наряду с системой KPI, широко используется также система рейтинговых оценок деятельности губернаторов. Значимой причиной развития рейтингового подхода в оценке деятельности губернаторов, по мнению политолога А. Кынева, стал «кризис системы назначений», который «спровоцировал кризис рейтинга» [12]. Тем не менее, составление рейтингов стало одним из инструментов оценки деятельности губернаторов различного рода экспертами. Достаточно вспомнить рейтинги выживаемости губернаторов, составленные в разные годы экспертами Фонда «Петербургская политика» под руководством М. Виноградова, Международного института политической экспертизы Е. Минченко, Агентством политических и экономических коммуникаций Д. Орлова (АПЭК), Фондом развития гражданского общества, созданного в 2012 году [9], Центром развития региональной политики [3].

Несмотря на то, что составление рейтингов остается востребованным инструментом определения эффективности деятельности губернаторов на протяжении полутора десятилетий, все же некоторые из экспертов убеждены, это не самый надежный инструмент для определения влияния и эффективности деятельности губернаторов. Прежде всего, при их составлении не хватает публичной дискуссии. Так политолог В.Н. Ефремова пишет в своей статье, посвященной анализу губернаторских рейтингов: «Заменой персональным рейтингам глав субъектов может стать постепенное переключение экспертов на рейтинги развития регионов, которые не привязаны к конкретным личностям, а сосредоточены на объективном анализе социально-экономической ситуации в регионе» [9, с. 121].

Однако в научном сообществе есть и другие позиции. Например, А.Б. Берендеева и И.И. Ледяйкина проведя собственный анализ рейтинговых инструментов, склонны видеть в рейтингах вполне надежный измеритель социально-экономической эффективности деятельности государственной и муниципальной службы, при условии, что рейтинги будут учитывать «субъективное качество жизни». В Ивановской области, как считают исследователи, в

госпрограмме «Совершенствование институтов государственного управления и местного самоуправления Ивановской области» один из двух целевых индикаторов (показателей) программы — процент жителей Ивановской области, удовлетворенных информационной открытостью органов исполнительной власти, что также является весьма важным субъективным показателем эффективности деятельности государственной и муниципальной власти [3].

Использование социально-экономических показателей в сочетании с данными экспертов позволяет реализовывать комплексный подход в оценке эффективности деятельности государственной и муниципальной власти.

Таким образом, вполне обоснованно можно говорить о том, что именно комплексный подход, включающий в себя мнения населения, представителей некоммерческих организаций, предпринимательского сообщества, позволяет наиболее точно оценивать эффективность деятельности государственной и муниципальной службы.

События последних лет – пандемия и Специальная военная операция (СВО), резко усложнили деятельность губернаторского корпуса. Тем не менее, В.В. Путин не считает, что внешнее давление должно приводить к смягчению требований к губернаторам. Скорее наоборот, ключевая задача для губернаторов в этих условиях не меняется: «Это повышение качества жизни людей, улучшение социально-экономического положения регионов, создание прочной, надежной базы для дальнейшего движения вперед». Именно такое напутствие дал Президент губернаторам на заседании Совбеза в 2022 году [21].

Губернаторы, обязаны обеспечить полноценное функционирование экономик регионов в условиях санкций. В этом году от них требуется минимизировать возможные потери, а уже «в ближайшей и среднесрочной перспективе» добиться роста. Губернаторы должны «последовательно и неуклонно» реализовывать программы развития и активно привлекать под них частные инвестиции. Перспективные проекты, отвечающие задачам национального развития, должны получать необходимую поддержку, а все предвыборные обещания губернаторов могут отличаться от получаемых результатов «только в сторону увеличения показателей» [21].

Проанализировав имеющиеся инструменты оценки эффективности деятельности губернаторского корпуса, нами было принято решение сосредоточиться не на прямых и объективных оценках социально-экономической ситуации в регионах, и даже не на оценке деятельности губернатора в регионе со стороны населения, которые не всегда точно отражают реальную ситуацию, а использовать в ходе исследования оценки деятельности губернатора региональными и локальными элитами. Востребованность оценок, даваемых губернатору со стороны элитного корпуса весьма велика, так как наиболее часто конфликты возникают и развиваются именно в элитном корпусе, что нередко становится причиной губернаторских отставок.

Однако, несмотря на всю важность таких оценок, даваемых элитным пулом, для нас также было важно посмотреть- только ли элитные отношения влияют на эффективность работы губернатора в регионе?

Выбор Ивановской области и губернатора С.С. Воскресенского в качестве исследовательского кейса был не случаен. С.С. Воскресенский – ставленник московской элиты, до губернаторского поста занимавший пост заместителя министра экономического развития Российской Федерации с временными перерывами до 2012, и затем с 2014 гг. В промежутке он был заместителем полпреда президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. Работал политик преимущественно по направлению развития Калининградской области. Также в 2012 году он занимался связями с представителями стран G-20.

В 2014-м С.С. Воскресенского отозвали обратно в Москву на прежний пост замминистра экономического развития. Работа в Министерстве включала широкий круг вопросов по регулированию тарифов и энергоэффективности. В сферу его компетенций входила также налоговая и инвестиционная политика, реформы в инфраструктуре, организация форумов.

В 2018 году в ноябре С.С. Воскресенский был избран губернатором Ивановской области. На этом посту он сменил непопулярного губернатора П. Конькова, который проходил по делу о коррупции. Обвинение за истечением срока давности с него сняли в 2021 году. Позднее он возглавил областной Союз промышленников и предпринимателей.

Биографический портрет губернатора С.С. Воскресенского свидетельствует о том, что это не только компетентный экономист, способный реализовывать масштабные проекты, но и политик с опытом административной работы. Ивановская область, которой долгое время «не везло» на губернаторов, получила яркую фигуру управленца, способного реализовывать широкомасштабные проекты и имеющего богатые социальные связи российского и международного уровня. Было лишь одно ограничение – он не был уроженцем Ивановской области, поэтому его можно было с полным основанием отнести к губернаторам-варягом, которым, как правило, бывает совсем непросто на старте их деятельности. Именно поэтому в данном исследовании нам было важно получить оценки местных элит и экспертов, которые смотрели бы на ситуацию изнутри, с учетом собственных интересов. Исследование проводилось в два этапа. Первый этап – октябрь 2018 года, за месяц до выборов, на старте губернаторской деятельности. Второй этап – в 2023 году, после пятилетнего пребывания губернатора на своем посту. Элитный пул был разделен нами на две группы: региональные и локальные. В состав региональных элит вошли: глава областной столицы, председатель Законодательного Собрания, депутаты, представители бизнеса, главные редактора печатных изданий, эксперты. В состав локальных элит, опрошенных на первом этапе вошли, главы двух малых городов, председатели городских дум,

местные депутаты, известные бизнесмены, руководители печатных изданий. Всего на первом этапе было взято 32 интервью. В 2023 году число опрошенных представителей элитных групп составило 39 человек. Недостающую информацию в 2023 году мы дополнили материалами ведущих СМИ. Таким образом, наш анализ базируется на материалах 71 интервью, который дополняется материалами СМИ.

Приступая к исследованию, мы выдвинули две основные гипотезы, которые намеревались проверить эмпирически:

1. Губернатор способен изменить ситуацию в регионе к лучшему, в том случае, если ему удастся разработать и реализовать новую стратегию развития региона при поддержке элитного корпуса;

2. Оценки элитного корпуса могут выступать подходящим инструментом для определения уровня эффективности деятельности губернатора.

В качестве метода исследования нами бы выбрано глубинное интервью. И это не случайно. Уже в течение 25 лет метод интервью используется российскими исследователями как ключевой метод изучения элитного слоя [5; 14; 27; 30] и др.

Получение информации через глубинные интервью – доминирующий тренд в изучении локальной политики и у зарубежных исследователей, а изучение кейсов – наиболее популярный метод исследования [31; 34]. Изучение кейсов не могут рассматриваться как «репрезентативные» для анализа во всех случаях, но они дают материал, позволяющий делать более широкие обобщения [33].

Материалы, полученные в ходе интервью в рамках данного исследования, на последующих этапах подвергались тщательному анализу с использованием принципа «рефлексивной дистанции». Это позволяло «очистить» информацию от непреднамеренных субъективных искажений. Тексты интервью разбивались на тематические блоки, в зависимости от полученной от респондентов информации и целей исследования. Далее полученные оценки становились предметом концептуальной интерпретации и системного анализа, при котором особое внимание уделялось их противоречивости или непротиворечивости. В ходе интервью мы стремились уходить от социально-одобряемых ответов респондентов, за счет уточняющих и углубленных вопросов. Полученная информация проверялась перекрестными вопросами, что позволяло снизить эффект социальных ожиданий.

С приходом к власти в Ивановский регион в 2018 году московского ставленника и представителя московской экономической элиты настроение элитного корпуса было напряженным.

Смена лидеров региональной власти, по мнению элит всегда, влечет за собой перемены на всех ее этажах. Именно так считали большинство представителей элитного корпуса в регионе и в муниципалитетах, не зная до конца, будут ли такие перемены позитивными или негативными, признавая,

что перемены все равно неизбежны: «Смена первого лица всегда ведет к смене общественной и политической парадигмы в регионе. Она не может не меняться с приходом нового губернатора. Какие это перемены? Пока, честно говоря, не совсем понятно, ... С одной стороны, при прежнем губернаторе кошмаром местной элиты стали посадки... Преследование первых лиц... Вроде сейчас все прекратилось. Связано это с новым губернатором или не связано, не знает никто... Может быть, это совпало по времени. Но может быть в этом есть и его заслуга».

Представители элитного корпуса в начале пути не были уверены в том, что губернатор пришел в регион, хотя бы на 4 года: «Большинство изменений в регионе всегда идут от губернатора. И это вряд ли кто-то будет оспаривать, кто разбирается в элитном раскладе сил, но пока не понятно приживется ли у нас в глубинке москвич, может это для него просто карьерный мостик», - убежден известный в городе журналист.

Одновременно региональные элиты были убеждены – новый губернатор, пришедший недавно, похоже, решил изменить ситуацию в регионе кардинальным образом. И уже тогда они говорили о том, что перемены заметны. Хотя однозначной оценки действиям губернатора со стороны региональных и муниципальных элит тогда не было. Представление, согласно которому «новый губернатор не умеет работать на земле», особенно характерно для представителей элитного регионального корпуса. Муниципальные элиты были настроены к губернатору более позитивно, но все равно настороженно.

Что сдерживало оптимизм региональных элит, и что вселяло в них надежду? На первом этапе исследования нам не удалось получить четких оценок, относительно совершаемых губернатором действий. Претензии были размыты и строились на признании того, что они пока не понимают действий губернатора и не могут предсказать его будущие шаги: «Что говорить, московский ставленник не знает региона, никогда ни одной территорией не управлял, а его приход мотивационно никак не оправдан для него самого. Самая большая претензия, - он не хочет замечать представителей элитного слоя региона, и, прежде всего, представителей бизнеса. Если он с кем-то из них общается, то весьма избирательно», - замечает один из представителей бизнеса.

Опасения, что у губернатора отсутствует опыт управления каким-либо регионом, со всеми вытекающими отсюда последствиями, подтверждает и бывший вице-губернатор: «Ясно, что пришел человек, обладающий сильным федеральным ресурсом, но не имеющий управленческого опыта...Именно с этим я связываю отсутствие изменений в правительстве, не получившийся контакт с областной думой, с партией ЕР. Пришел такой пока эффективный одиночка. В результате дополнительных денег просто не будет. По сути деньги висают... Губернатор уверен, он поедет в Москву и все решит. Лето на дворе, а у нас нет денег на медицину... Нет денег на дворы, на пионер-

ские лагеря. Мало иметь деньги, в бюджете должны быть прописаны ходы, по которым они будут тратиться. Он этого не понимает. Он стратег», – восклицает наш респондент.

Близкой позиции придерживается один из старейших представителей элитного корпуса, с большим управленческим опытом: «Многое уже успел губернатор в области сделать... У него ориентация на яркие внешние шаги, а внутренняя повестка проседает. По одной простой причине, – у него нет кадров в правительстве. Я искренне считаю, что его приход – это шанс для области. У нее появляются связи с федеральным уровнем, каких у нее никогда не было... В то же время кто-то должен вырыть колодец, посмотреть, чтобы люди не замерзли... Да и за местной властью смотреть. Они не всегда умеют все делать хорошо».

Еще более болезненно элиты воспринимают отсутствие прямой коммуникации с губернатором, его закрытость от ключевых фигур в бизнесе и СМИ: «Аппарат нашего правительства не принимает решений. Из-за этого начинается конфликт элит... Он не видит принципиально местных элит. Он не видит местных СМИ. Его коронная фраза – СМИ, это РБК и Коммерсант... Коммуникации не выстраиваются...», – продолжает свои размышления респондент.

Тот факт, что коммуникация с представителями бизнеса не выстраивается особенно удивляет местные бизнес-круги хотя бы потому, что многие из них имеют свои связи с Москвой, через которые они могут донести до вышестоящих структур свое недовольство закрытостью губернатора: «Появился новый губернатор. В области всегда были бизнес-круги, у всех есть свои связи, взаимоотношения с Москвой... Все воспрянули, человек новый...Интересно...Хотелось бы пообщаться, предложить... Люди приходили по звонкам из администрации президента. Однако шли только коллективные встречи, а персональных контактов не было. Он должен был начать встречаться с ключевыми игроками... Но на контакты он не идет... .. Может боится? Рядом есть у тебя управление ФСБ. Проверь человека перед встречей... Пусть составят объективку».

Элиты отлично понимают, что губернатор для ключевых фигур региона и губернатор для населения, может по-разному восприниматься, но все же губернатор, не сумевший разобраться со своей элитой, – это взрывоопасная ситуация: «... Пока ситуация очень непонятная... Я бы не сказал, что к губернатору отторжение со стороны людей. Их интересует, пьет ли он водку, живет ли он с женой? И все. А политический класс напряжен. Губернатор самоустранился от одной вещи, – от разборок в элите. Он становится бюрократом, а не политиком».

Часть элитного корпуса убеждена – управлять регионом без взаимодействия с местными региональными элитами, вряд ли возможно в принципе: «У нас область на распутье в очередной раз, и не понятно, что же будет дальше.

Если ты пришел по серьезному работать... Сделай ревизию... Ревизию денег, ревизию людей... ключевых фигур... Не подходящим, скажи до свидания... Я понимаю, что это война, но без нее не сдвинуться с мертвой точки. ... Ему просто не дадут работать, если он не станет ни с кем договариваться. ... Он едет как свадебный генерал на места, ... говорит умные слова... и все».

Для некоторых представителей элитного корпуса тревожным является и то, что в область потянулись крупные московские бизнесмены, которые способны оттеснить от бюджетной трубы местных бизнес-игроков: «Элиты уже поняли, что ждать нечего... В область пошли так называемые инвесторы... И ясно, что это крупные игроки..., которые просто будут забирать у наших бизнес... Р-Фарм приходит... Репик – король госзакупок... Они приходят на бюджетные деньги... У нас нет ни нефти, ни газа... и леса уже нет... Бюджет – это та труба, вокруг которой развивается бизнес. А сейчас элиту оттесняют от трубы».

Тем не менее, часть элитного корпуса относится с пониманием, когда речь заходит об открытости/закрытости коммуникации, справедливо полагая, - прежде чем, выстраивать отношения с элитами, надо их лучше узнать: «Стать губернатором большого региона и сразу выстраивать отношения со всеми? Вряд ли это правильно... Он уже многое сделал... Многие его предшественники не могли ничего сделать... Поживем, увидим. Человека сразу видно, его уровень... Кто-то болтает и все... А этот делает», – замечает один из респондентов с большим административным и политическим опытом.

Тем не менее, те представители элиты, которые видели губернатора в деле, оценивают его готовность к коммуникации, особенно с общественностью, достаточно высоко, хотя и признают, не все могут принять такой стиль общения, что, однако, не означает, что он плох: «Это очень реальный человек. Я была на его встрече с избирателями. Я специально сидела и фиксировала все. Мне было интересно, как он отвечает на вопросы. Как он ведет диалог. Особенно с простыми людьми. Мне нужна была школа. Как это происходит... Он не стесняется говорить о том, чего он не знает. Это нормально, но не для всех», – отмечает кандидат в депутаты областного собрания.

Пытаясь определить, что именно дает руководство регионом самому губернатору, элиты не могут выстроить внутренней мотивации, которая позволила бы ему сохраниться в регионе 3-4 года, полагая, что его назначение на эту должность, скорее падение, нежели карьерный взлет: «Сегодня положение губернатора не прочное. Он понял, что ловушка захлопнулась, и ему надо будет искать новые возможности для продвижения... Он привык так себя вести, он бессознательно себя противопоставляет другим. Он амбициозный человек, не любит красную историю, сторонник белой истории. У нас красная история и делать вид, что у нас этого не было, нельзя. Просто не очень правильно... Он у власти 8 месяцев, пора что-то родить... Пока я не вижу, как таким способом руководить регионом хотя бы 3-4 года... Это ди-

станционное управление... Надо помнить, что для некоторых площадка губернатора – это некий взлет, а для некоторых – это падение», - замечает региональный эксперт.

Тем не менее, элита понимает, – это губернатор новой формации, мотивация которого не ограничивается привычными стимулами, - извлечь из региона максимальную пользу для себя: «Сегодня парадигма сменилась... Люди вспомнили, что они не только обогащаться должны во власти, но и работать. Он молодой... 42 года. У него все есть. Воровать не надо... Он явно рассматривает область, как возможность старта. Не обладая достаточными компетенциями, и не имея квалифицированных советников, он начал играть в хозяина... Это злит, но может быть все закончится хорошо», – считает один из представителей элитного корпуса.

Достаточно противоречиво, но все же с позитивными нотками оценивает пришедшего губернатора представитель политической элиты региона: «Уже сейчас он перестает советоваться, он перестает разговаривать с той же оппозицией. Критику воспринимает очень болезненно. Хотя нужно просто тереть к носу и говорить, да я Вас понял... Как руководитель регионального уровня он пока не состоялся. Но у него есть положительные задатки... Здесь я вижу определенный потенциал, а непонимание и запальчивость, некоторую категоричность можно списать на молодость».

На особую роль окружения и команды в деятельности губернатора указывает большинство респондентов, по мнению которых без критичной команды управлять хорошо регионом просто невозможно: «Губернатора будет делать его окружение... Если окружение состоит из людей, заглядывающих в рот, то вряд ли он состоится как политик уровня нужного области... Нужна стратегия... Для этого ему надо менять в корне свое окружение. Чтобы люди не боялись подсказывать... и указывать на ошибки. Надо, чтобы они выстраивали взаимоотношения со всеми ветвями власти. Не в режиме подавления» ...

Особенно, если учитывать тот факт, что масштабных проектов много, а ресурсов мало: «... Проекты у губернатора все масштабные... А ресурсов у нас нет никаких... Нужна сильная команда, он ее по любому должен сформировать. Ему придется многим доверять», убежден представитель муниципальной элиты.

Пытаясь оценить кадровые стратегии губернатора, региональный эксперт сомневается в том, что они являются независимыми от близкого окружения хотя бы потому, что губернатор пока хорошо не знает региональную ситуацию: «Политика губернатора пока заключается в тусовании кадров, Вектор назначений не совсем понятен... Исходя из чего, из каких соображений они производятся? ... Пока у меня складывается ощущение, что губернатор присматривается к области. Может быть, у него есть скрытые мотивы... Но, больше я склоняюсь к той точке зрения, что он просто не знает местной

специфики... В этом смысле кажется, что не губернатор управляет в каких-то сферах, а те, кто его знакомит с территорией».

Пока он не произвел заметных кадровых изменений в регионе, но элиты полагают, что после выборов он будет действовать более решительно: «Он принял достаточно много решений интересных. Он оставил старую команду...Нравится ему это или нет. По крайней мере на переходный период. Как здравомыслящий человек, после выборов он вероятно будет делать какие-то новые кадровые решения. Он более целенаправленно будет формировать свою команду...Разберется с теми же элитами», – предполагает наш информант.

Некоторые лица их элитного корпуса убеждены, – упование на фигуру губернатора, особенно если речь идет о бизнес-проектах, неправильно. Должна работать система, тогда бизнес будет нести меньше потерь: «Я долго работал в бизнесе. Мое субъективное мнение, – нельзя идти под личность губернатора или мэра. Можно учитывать этот фактор, но ставить его во главу угла нельзя. Губернатор избирается на 5 лет, а мэр на 2,5. Бизнес за долгие стратегии. Фактор губернатора, – это фактор сегодняшнего дня... Но не фактор всей жизни... Я за то, чтобы были системные решения. А мы все делаем в ручном режиме... Роль персоны остается огромной. Если личность ошибается, то цена ошибки возрастает», – убежден глава администрации одного из исследованных районов.

Муниципальная элита, в отличие от региональной, восприняла приход нового губернатора более позитивно. С большой надеждой на перемены. Исследование, проведенное в двух малых городах, в 2018 году, позволило убедиться в том, что у муниципалов в оценках чаще присутствовали позитивные прогнозы, а фигура губернатора воспринималась как вполне способная изменить к лучшему ситуацию в малых городах: «Губернатор не местный, но у него получается... Он уже столько сделал для области... В этот понедельник была встреча губернатора с общественностью. Это было у нас в районе, присутствовало 230 человек. После этой встречи он стал своим. Такой положительный эффект. Потом разговоры пошли, будем голосовать только за него. Ему удалось добиться доверия, и мы этому очень рады», – замечает в своем интервью известный представитель муниципальной элиты районного уровня».

Известный бизнесмен в городе Z склонен верить, что губернатор изменит ситуацию в городе к лучшему, потому что действует, руководствуясь совсем не корыстными мотивами: «Я рад, что пришел новый губернатор. Он человек обеспеченный. Не за деньгами сюда идет. Сегодня в области идет много проектов, которые он пытается реализовать. Если они все получатся, – будет хорошо. Мы, глядя на губернатора, оцениваем федеральную власть. Пусть не до маленьких городов этой власти. Но губернатор – это губернатор... Это ее символ».

Не смущает местные элиты и масштаб предпринимаемых губернатором изменений, хотя до сих пор они не имели лидеров, с таким нетривиальным подходом к делу: «Некоторые боятся, слишком масштабные проекты хочет реализовать губернатор. Однако, слишком масштабных проектов, по моему мнению, не бывает. Ресурсов может не оказаться, но тогда их надо подтягивать. Надо работать самим. Он сильный и харизматичный. Нам надо подтягиваться к масштабности, тянуться... равняться. Поддерживать его. Помогать. Такая удача случается очень редко...» – замечает один из самых авторитетных директоров в городе С.

Таким образом, можно говорить о том, что приход нового губернатора в регион был воспринят региональными элитами весьма настороженно. В отличие от элиты муниципальной. Одна из причин такой настороженности – ожидания того, что губернатор будет действовать привычными и предсказуемыми способами. Однако он этого не делал ни в начале своей деятельности, ни позже, как покажет последующий анализ.

В ситуации неопределенности при оценке сложившейся и будущей ситуации, региональные элиты были склонны излишне драматизировать происходящее и придерживаться неопределенных прогнозов. Это нормальная реакция, когда речь идет о новом для региона человеке. Тем не менее, поражает другое – практически все представители элитного корпуса ждали в 2018 году быстрых перемен, по всем направлениям одновременно. Такой темп изменений в той ситуации вряд ли был возможен. Тем не менее, старт для них был дан. Однако ожидаемые перемены уже тогда зависели не только от губернатора и его федеральных связей. Важную роль играла готовность элит эти перемены подхватить и стать соратниками губернатора в их осуществлении. В 2018 году эта готовность была не так высока. В то же время муниципальные элиты хорошо понимали необходимость соучастия в реализации новых начинаний.

Важен еще один вывод, который позволяет сделать данное исследование, – приход нового губернатора всегда предполагает перегруппировку элитного корпуса. С приходом нового губернатора на лидерские позиции попадают те представители элит, которые смогли предложить интересные для реализации проекты. И, наоборот, из поля зрения исчезают элитные фигуры, не способные воспринять новые правила политической и экономической игры. Подобное «перекраивание» элиты воспринимается всегда весьма болезненно, тем не менее, именно оно может дать новый импульс для развития территории.

В любом случае, пришедший губернатор «человек другого уровня», что убедительно показывает экскурс в ближайшую историю управления регионом. Это позволяет надеяться на прорыв области в ближайшие год-три, в том случае, если губернатор и его элиты будут действовать согласованно, а губернатору удастся сформулировать новую стратегию развития региона.

Уже в 2019 году, несмотря на опасения некоторой части элиты, позитивные перемены в области начались. Как считает директор научно-исследовательского центра «Особое мнение», советник губернатора Ивановской области Е. Курбангалеева: «2019 год для Ивановской области выдался размеренным, стабильным, без значимых громких событий. Особых политических вызовов и кризисов в области не было. С точки зрения экономики в целом год для Ивановской области был годом начала системных изменений и развития. Примечательные изменения произошли в сфере благоустройства общественных пространств административного центра и малых городов. Ивановская область второй год получает гранты на развитие исторических городов, в этом году регион занял второе место после Самарской области по объему выигранных средств (274 млн) на благоустройство малых городов. Огромным событием, пока ещё не в полной мере оцененным жителями, стало получение грантов БРИКС от Правительства РФ в размере 2 млрд на «градоустройство» Кинешмы и Шуи. Вторым системным изменением стал масштабный ремонт дорог. Была проведена полная диагностика региональной дорожной сети общей протяженностью 3 500 километров. Качественные дороги связали основные города, всего в порядок было приведено 138 км. Под конец 2019 года губернатор области Станислав Воскресенский, наконец, добился включения в федеральные планы Росавтодора строительства Восточного обхода Иванова. Ивановская область смогла отличиться также в сфере поддержки бизнеса. Регион на Петербургском экономическом форуме-2019 по итогам Национального рейтинга состояния инвестиционного климата стал лидером в номинации «Поддержка малого предпринимательства». Тем не менее, некоторые местные эксперты называли год работы С.С. Воскресенского вялотекущей стабильностью. Это совсем неплохая оценка, если учитывать состояние региона к моменту прихода губернатора к власти.

Пять лет назад перемены стартовали, несмотря на недоверие к московскому назначенцу. Этот исследовательский вывод весьма важен. Он означает, что оценки элитного корпуса носят весьма субъективный характер, а их правомерность следует проверять реальными делами. Основной вывод – вторая исследовательская гипотеза не подтвердилась. Исследование фактически подтвердило тезис о том, что среди ивановских элит есть как безусловные сторонники губернатора его действий, так и его непримиримые противники, что означает – оценки элит не могут служить инструментом, с помощью которого можно оценивать эффективность деятельности губернатора.

За пять лет, прошедших с момента назначения на пост врио губернатора Ивановской области С.С. Воскресенского, как показывают результаты эмпирического исследования и анализа СМИ, поляризация оценок элит сохраняется. Вновь выделяются как безусловные сторонники, так и непримиримые противники.

Безусловные сторонники убеждены – у губернатора получилось показать заметные результаты. Он добился ремонта железнодорожного вокзала в Иванове, введения в эксплуатацию новых поездов, было отремонтировано более 1,5 тыс. км дорог.

Продолжалась газификация области и решение проблем водоснабжения. Была начата реализация нового проекта по изменению схемы водозабора, было взято под личный контроль строительство очистных сооружений. Также усилиями губернатора Иваново стал одним из самых светлых городов в России с освещенностью 97% улиц. Во всем регионе отстраивались новые детские сады и школы, ремонтировались больницы. При Воскресенском появился Дворец игровых видов спорта. Губернатор способствовал развитию трикотажной промышленности, что сделало Ивановскую область ведущей в этом направлении. При поддержке Правительства РФ в 2022 году принято решение о создании в центре города Иванова образовательно-культурного пространства. Речь идёт о так называемом межвузовском кампусе. В рамках данного проекта будет создан консорциум, чтобы поднять на новый уровень качество высшего образования, но самое главное – усилить междисциплинарные исследования.

Благодаря реформам в аграрной сфере, привлечению новых инвестиций, поддержке малого и среднего бизнеса увеличилось количество рабочих мест.

Помимо областного центра, благоустраивались и малые города, ставшие более комфортными для жизни. Губернатором был предложен инновационный проект по созданию Центра по изучению проблем малых городов в городе Шуя, который был поддержан В.В. Путиным. Постепенно проект по преобразованию малых городов превратился в новую стратегию для региона, за счет которой губернатор хотел бы изменить ситуацию в регионе к лучшему. Первые шаги в этом направлении уже сделаны, и похоже, они являются достаточно перспективными. Но пока делать окончательный вывод о том, что данная стратегия окажется эффективной, и позволит изменить ситуацию к лучшему, рано.

В 2022 году у С.С. Воскресенского возросла нагрузка в связи с началом СВО и введением санкций. Но в этих условиях политику успешно удавалось выполнять работу, решая новые задачи. После того как была начата частичная мобилизация, глава региона взял этот вопрос под личный контроль.

В октябре 2022 года С.С. Воскресенский встретился с мобилизованными жителями области и пообещал поддержку им и их родным. Помимо выплат, это льготы для детей при поступлении в детские сады, школы и вузы. Также были переформатированы штабы организации «Мы вместе», чтобы в них велся прием семей военнослужащих.

Непримиримые противники в СМИ напоминают о том, что в регионе остается одна из самых низких зарплат в России, уровень смертности в не-

сколько раз выше показателей рождаемости. В свою очередь показатели безработицы выше, чем средние цифры по ЦФО и др. Кроме того в СМИ говорится о проблемах формирования комфортной городской среды, об обманутых дольщиках, высоком уровне инфляции в 6,53% в сравнении с общероссийским уровнем, составившем в среднем 5,5%. Это позволило противникам губернатора в 2022 году сформировать политический прогноз о будущей политической отставке губернатора в 2023 году.

Кто же из двух представленных групп, оценивающих деятельность губернатора ближе к реальности, безусловные сторонники или непримиримые противники?

Региональные эксперты комментируют позицию непримиримых противников, в том числе дистанцирование от бизнеса следующим образом: «Кричат представители старорежимного бизнеса, которые ранее были элитой. Это прежде всего промышленные предприниматели. Представители каких-либо ассоциаций. Которые привыкли жить и делать бизнес за государственный счет. Они же ничего не могут предложить. А губернатор умеет жестко оценивать риски, в том числе интеллектуальные. И старается общаться с теми, кто ему интересен. Он приглашает представителей бизнеса на всякие мероприятия и общается с ними весьма заинтересованно. Он работает с площадками также в виде «Деловой России». В ТПП у нас старая гвардия. Есть еще Опора России, с которой он работает... Он перезагрузил Деловую Россию, поставил туда людей, которым он доверяет» - считает один из наших респондентов.

Экспертом в этом противостоянии также выступил Владимир Путин, который встретился с губернатором Воскресенским 10 мая 2023 года, и позитивно оценил перемены в регионе за время правления Станислава Воскресенского, дав ему возможность избираться на второй губернаторский срок: «Ситуация в регионе не из самых простых, и досталась Вам она в таком состоянии. За время Вашей работы сделано немало. В целом, конечно, я посмотрел объективные данные, они положительные по основным показателям, и тенденции положительные. Безработица – одна из низких в стране, промышленное производство растёт. Надо обратить внимание на сельское хозяйство. В целом у вас темп набран хороший, поэтому, если жители области окажут Вам доверие, конечно, я со своей стороны Вас поддержу» [20].

Один из известных российских политологов А. Кынев также убежден – губернатору в Ивановской области трудно, но у него многое получается. Однако ждать прорыва, видимо, не стоит: «Не могу сказать, что Воскресенский плохой губернатор, он человек квалифицированный. Думаю, сам по себе факт наличия губернатора с высоким уровнем образования, с большим опытом, конечно, влияет на качество работы администрации и, думаю, что потребность в этом в регионе была, так как кадровых революций в Ивановской области не было. В отсутствие команды губернатор вынужден компенсиро-

вать всё исключительно путем личного опыта и личных решений. Возможно, это тонизирует и как-то воспитывает ту элиту, которая ему досталась в наследство, – когда плохой игрок играет в хорошей команде, он подтягивается. Но понятно, что никакого прорыва тут быть не может, ему неоткуда взяться» [13].

Высоко работу губернатора оценивает известный московский эксперт Д. Кислицина, директор департамента региональных программ Экспертного института социальных исследований, обращая особое внимание на программу развития малых городов, которую поддержал Президент: «На протяжении пяти лет под управлением С. Воскресенского регион развивается высокими темпами. Акцент на реальные изменения – в центре управленческой стратегии губернатора, и накопленный эффект такого подхода сейчас очевиден. Свой доклад президенту России глава Ивановской области начал с рассказа про развитие малых городов. Оно идет системно и всесторонне. На эту тему мы в ЭИСИ проводили круглый стол, где губернатор Воскресенский был одним из спикеров. Тогда он подчеркнул, что нужно говорить не о спасении малых городов, а об их устойчивом развитии. О том, как создать условия для самореализации их жителей, а не про удержание людей там. Это не просто декларация, а базовый принцип губернатора в вопросе развития малых городов Ивановской области. Отремонтированы дороги между малыми городами, создано удобное железнодорожное сообщение, ведется благоустройство территорий. Развиваются общественные пространства, значимые для жителей», – считает Д. Кислицина [20].

Наши исследования, проведенные в 2023 году, позволяют выделить кардинальные перемены в оценках элитных групп, как регионального, так и локального уровней. Спустя пять лет они без колебания признают, – губернатору удалось за прошедшие годы изменить ситуацию в регионе к лучшему, несмотря на усложнение управленческой ситуации. Элиты убеждены: в регионе произошли серьезные инфраструктурные, и не только, изменения, которые заметны всем.

Приведем оценку, данную губернатору членом его команды: «Губернатор за время нахождения на своем посту сделал колоссальные изменения в регионе. Первое – он действительно играет в высшей лиге. И он до своего уровня подтягивает всех, кто попадает в его орбиту. Сам факт его взгляда на некие вещи, другой. Он более глобальный. У него картинка сверху. У него есть опыт работы в федеральном правительстве, где он многих людей знает, и это определяет его высокий административный ресурс. Такого ресурса никогда бы не было у человека, выросшего внутри региона. Все эти составляющие помогли ему поменять картинку в целом на экономику региона. И на его пространственное развитие».

Сверхпозитивные оценки усилиям губернатора дают также представители локальной элиты, которые свидетельствуют – таких перемен в Иванов-

ской области уже не было давно: «Сейчас идет установка светильников там, где их никогда не было. Люди удивляются – кому говорить спасибо! Это колоссальные деньги, которые изыскиваются в бюджете на дополнительное освещение. Мы все видим, как изменились дороги. Приезжие удивляются, в Ивановской области такие дороги, каких нет даже в Ярославской области. У нас появилось внутри региона хорошее железнодорожное сообщение. Мы соединены с Москвой. Людям теперь могут удобно перемещаться внутри региона. Мне нравится подход, который сегодня есть к бизнесу. Ведь раньше просто отбирали предприятия у бизнеса, просто в наглую. А сколько людей посадили... из власти, людей, работающих на муниципальном предприятии. Сейчас мы видим – бизнес развивается. Есть мощная поддержка, и она позволяет нашим предпринимателям идти вперед. Нет сейчас у нашего Правительства желания что-либо отбирать у предпринимателей. Я работаю во власти с 2001 года. Достаточно давно. Я многое видела. У нас были очень сложные периоды. Сейчас у власти ко многому подход другой. Причина – губернатор. Он лидер и человек ресурсный. Он очень инициативный. Сколько у него идей. И он очень внимателен к нам».

Люди, не занимающие столь высокие статусные позиции в своих городах, также считают: «Ивановской области повезло с губернатором». Наиболее поразивший местных элит факт: свободный доступ населения к встрече с губернатором и способность губернатора отвечать на вопросы, в том числе от неадекватных людей: «Приглашали всех желающих на встречу... Люди даже стояли... Приехал губернатор. У него не было модераторов. Он сам из зала выбирал людей. Он не боялся любых вопросов. Он полностью владел ситуацией. С людьми он общался открыто. Он не боялся даже неадекватных вопросов. Люди то это видят. «СС» знает все проблемы... Если человек не боится открытой аудитории, и готов к общению с неподготовленной публикой, то, как губернатор, он состоялся», – считает главный редактор радиостанции в одном из малых городов.

Среди других достижений губернатора локальными элитами также называются дороги, преобразованные дворы, ТОСы, ремонт социальных объектов и др. «В любом случае в каждом городе есть изменения, связанные с губернатором А откуда еще, они возьмутся? Если бюджеты дотационные. С большим трудом пробивали ТОСы. Но реально дворы преобразуются... По мелочам можно много чего набрать. Опять же программа – детские сады... крыши. В президентскую программу по ремонту школ мы попали благодаря губернатору. Две школы из города. В один год. Тяжело, трудно, но отремонтировали... Как игрушечки», – замечает одна из наших респонденток.

Результаты выборов в 2023 году, с 84% поддержки, свидетельствуют о том, что позитивные изменения в регионе признают не только элиты, но и население региона.

Московский назначенец способен переломить настроение элит и изменить ситуацию к лучшему в регионе, если он способен предложить и реализовать стратегию развития региона, разделяемую элитным корпусом и населением.

Литература

1. Артемьев М. Неуправляемая Россия: зачем нужны главы регионов // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/239799-neupravlyaemaya-rossiya-zachem-nuzhny-glavy-regionov> (дата обращения 15.07.2023).

2. Бакли Н., Гарифуллина Г., Рейтер Дж., Фрай Т. Политэкономика выборов и назначений губернаторов в России. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 36 с.

3. Берендеева А.Б., Ледайкина И.И. Рейтинги как инструмент оценки эффективности и результативности деятельности государственной и муниципальной власти // Вестник Ивановского государственного университета. 2018. №1. С. 6-17.

4. Быстрова А.С. Отставки и выборы 2018 г.: обновление губернаторского корпуса, бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей // Власть и элиты. 2018. С. 331-355.

5. Витковская Т.Б., Рябова О.А. Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: РИО УРО РАН, 2011. 284 с.

6. Возьмитель А.А. Рейтинги и их социологический анализ // Власть. 2015. №8. С. 44-51.

7. Градецкий А., Скоробогатый П. Губернатор – ключевая фигура управления в регионе // Эксперт. 2015. №25(949). С. 27-39.

8. Губернаторский корпус в условиях трансформаций политической системы Российской Федерации / Под общ. ред. Я.Г. Ашихминой, П.В. Панова, О.Б. Подвинцева. Пермь, 2014. 306 с.

9. Ефремова В.Н. Экспертные рейтинги как инструменты оценки деятельности глав регионов (на примере рейтингов эффективности губернаторов // Политическая наука. 2015. №3. С.112-124.

10. Злобин Ю.П., Любичанковский С.В. Корректность применения понятия «губернаторская власть» в исследованиях истории аппарата государственного управления российской империи // Вестник Омского государственного университета. 2002. №1. С. 59-65.

11. Кынев А.В. Феномен губернаторов-варягов как индикатор рецентрализации: опыт 1991-2018 гг. // Полития. 2019. №2. С. 125-150.

12. Кынев А.В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2020. 1030 с.

13. Кынев А.В. Губернаторство Воскресенского – это история про выживание, которое затянулось // СМИ «Редакция Портала 1000 инф.». URL: <https://1000inf.ru/news/104189/> (дата обращения 15.10.2023).

14. Ледаев В.Г., Чирикова А.Е. Губернатор и его команда в пространстве городской политики малых российских городов // Вестник Пермского Университета. Политология. 2013. №23. С. 4-25.

15. Минаков А.С. Губернаторский корпус пореформенной России в современной историографии // Вопросы истории. 2009. №7(Июль). С. 160-168.

16. Оболенский А.В. Драма российской политической истории: система против личности. Москва: Изд-во Института государства и права, 1994. 354 с.

17. Панов П.В. Институт губернатора в современной России: основные этапы истории. Губернаторский корпус в условиях трансформаций политической системы Российской Федерации / Под общ. ред. Я.Г. Ашихминой, П.В. Панова, О.Б. Подвинцева. Пермь 2014. С. 9-25.
18. Панов П.В. «Свои и чужие»: губернаторы-варяги в кроссрегиональном измерении // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2022. №2. С. 86–98.
19. Петров Н., Титков А. Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2010. 439 с.
20. Путин поддержал кандидатуру Воскресенского на пост главы Ивановской области. РИА Новости. URL: <http://www.lenta.ru.news.Ivanovo> (дата обращения 15.10.2023).
21. Путин поручил главам регионов обеспечить функционирование экономик, несмотря на санкции. URL: <http://www.tass.ru.politika> (дата обращения 15.10.2023).
22. Рейтинг политической выживаемости губернаторов. 2008 / Международный Институт Политической Экспертизы. URL: <https://clck.ru/39EuDd> (дата обращения 15.10.2023).
23. Туровский Р.Ф. Губернаторские выборы в постсоветской России: изменения и преемственность // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / Отв. ред.: Е.Г. Ясин. Кн. 2. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 160-167.
24. Туровский Р.Ф., Луизидис Е.М. Факторы губернаторских отставок в России // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 161-178.
25. Указ Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» от 28.06.2007. №825. URL: <http://www.kremlin.ru.acts.bank> (дата обращения 15.10.2023).
26. Указ Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» от 2.09.2021. №620. URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602009586> (дата обращения 17.08.2023).
27. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 414 с.
28. Чирикова А.Е. Пермский вариант: Каких губернаторов и почему предпочитают местные элиты и эксперты? // Вестник Пермского Университета. Политология. 2023. №2. С. 25-37.
29. Чирикова А.Е. Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен // Полис. Политические исследования. 2008. №6. С. 99-112.
30. Чирикова А.Е. Московские назначенцы в губернаторском корпусе: анализ самарского случая // Полития. 2011. №4(63). С. 61-73.
31. Cochrane A. Illusions of power: interviewing local elites. *Environment and Planning A*. 1998. Vol. 30. №12. P. 2121–2132.
32. Ledyayev V.G. Chirikova A.E. Governors and local elites in Russia: patterns of interaction. *European Politics and Society*. 2019. Т. 20. №3. С. 315-332.
33. Lowndes V., Leach S. Understanding Local Political Leadership: Constitutions, Contexts and Capabilities. *Local Government Studies*. 2004. Vol. 30. №4. P. 557-575.
34. Wanna J. Regional Political Leadership. *The Oxford Handbook of Political Leadership*. Ed. by R.A.W. Rhodes and Paul 't Hart. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 564-579.

References

1. Artem'ev M. Nepravlyaemaya Rossiya: zachem nuzhny glavy regionov. Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/239799-nepravlyaemaya-rossiya-zachem-nuzhny-glavy-regionov> (data obrashcheniya 15.07.2023).
2. Bakli N., Garifullina G., Reiter Dzh., Frai T. Politekonomiya vyborov i naznachenii gubernatorov v Rossii. Moskva: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2013. 36 s.
3. Berendeeva A.B., Ledyaikina I.I. Reitingi kak instrument otsenki effektivnosti i rezul'tativnosti deyatel'nosti gosudarstvennoi i munitsipal'noi vlasti. Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. №1. S. 6-17.
4. Bystrova A.S. Otstavki i vybory 2018 g.: obnovlenie gubernatorskogo korpusa, bassein rekrutirovaniya i kar'ery novykh personazhei. Vlast' i elity. 2018. S. 331-355.
5. Vitkovskaya T.B., Ryabova O.A. Monogoroda Srednego Urala: lokal'nye elity i politicheskie protsessy. Ekaterinburg: RIO URO RAN, 2011. 284 s.
6. Voz'mitel' A.A. Reitingi i ikh sotsiologicheskii analiz. Vlast'. 2015. №8. S. 44-51.
7. Gradetskii A., Skorobogatyi P. Gubernator – klyuchevaya figura upravleniya v regione. Ekspert. 2015. №25(949). S. 27-39.
8. Gubernatorskii korpus v usloviyakh transformatsii politicheskoi sistemy Rossiiskoi Federatsii. Pod obshch. red. Ya.G. Ashikhminoi, P.V. Panova, O.B. Podvintseva. Perm', 2014. 306 s.
9. Efremova V.N. Ekspertnye reitingi kak instrumenty otsenki deyatel'nosti glav regionov (na primere reitingov effektivnosti gubernatorov. Politicheskaya nauka. 2015. №3. S. 112-124.
10. Zlobin Yu.P., Lyubichankovskii S.V. Korrektnost' primeneniya ponyatiya «gubernatorskaya vlast'» v issledovaniyakh istorii apparata gosudarstvennogo upravleniya rossiiskoi imperii. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. 2002. №1. S. 59-65.
11. Kynev A.V. Fenomen gubernatorov-varyagov kak indikator retsentralizatsii: opyt 1991-2018 gg. Politiya. 2019. №2. S. 125-150.
12. Kynev A.V. Gubernatory v Rossii: mezhdya vyborami i naznacheniyami. M.: Fond «Liberal'naya missiya», 2020. 1030 s.
13. Kynev A.V. Gubernatorstvo Voskresenskogo – eto istoriya pro vyzhidanie, koto-roe zatyanuslo'. SMI «Redaktsiya Portala 1000 inf.». URL: <https://1000inf.ru/news/104189/> (data obrashcheniya 15.10.2023).
14. Ledyayev V.G., Chirikova A.E. Gubernator i ego komanda v prostranstve gorodskoi politiki malykh rossiiskikh gorodov. Vestnik Permskogo Universiteta. Politologiya. 2013. №23. S. 4-25.
15. Minakov A.S. Gubernatorskii korpus poreformennoi Rossii v sovremennoi istoriografii. Voprosy istorii. 2009. №7(Iyul'). C. 160-168.
16. Obolonskii A.V. Drama rossiiskoi politicheskoi istorii: sistema protiv lichnosti. Moskva: Izd-vo Instituta gosudarstva i prava, 1994. 354 s.
17. Panov P.V. Institut gubernatora v sovremennoi Rossii: osnovnye etapy istorii. Gubernatorskii korpus v usloviyakh transformatsii politicheskoi sistemy Rossiiskoi Federatsii / Pod obshch. red. Ya.G. Ashikhminoi, P.V. Panova, O.B. Podvintseva. Perm' 2014. S. 9-25.
18. Panov P.V. «Svoi i chuzhie»: gubernatory-varyagi v krossregional'nom izmenenii. Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra. 2022. №2. S. 86–98.
19. Petrov N., Titkov A. Vlast', biznes, obshchestvo v regionakh: nepravil'nyi treugol'nik. Moskva: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2010. 439 s.
20. Putin podderzhal kandidaturu Voskresenskogo na post glavy Ivanovskoi oblasti. RIA Novosti. URL: <http://www.lenta.ru.news.Ivanovo> (data obrashcheniya 15.10.2023).

21. Putin poruchil glavam regionov obespechit' funktsionirovanie ekonomik, nesmotrya na sanktsii. URL: <http://www.tass.ru.politika> (data obrashcheniya 15.10.2023).

22. Reiting politicheskoi vyzhivaemosti gubernatorov. 2008. Mezhdunarodnyi Institut Politicheskoi Ekspertizy. URL: <https://clck.ru/39EuDd> (data obrashcheniya 15.10.2023).

23. Turovskii R.F. Gubernatorskie vybory v postsovetskoj Rossii: izmeneniya i preemstvennost'. XVII Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: v 4 kn. Otv. red.: E.G. Yasin. Kn. 2. Moskva: Izdatel'skii dom NIU VShE, 2017. S. 160-167.

24. Turovskii R.F., Luizidis E.M. Faktory gubernatorskikh otstavok v Rossii. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2022. №4. S.161-178.

25. Ukaz Prezidenta RF «Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii» ot 28.06.2007. №825. URL: <http://www.kremlin.ru.acts.bank> (data obrashcheniya 15.10.2023).

26. Ukaz Prezidenta RF «Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii» ot 2.09.2021. №620. URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602009586> (data obrashcheniya 17.08.2023).

27. Chirikova A.E., Ledyayev V.G. Vlast' v malom rossiiskom gorode. Moskva: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2017. 414 s.

28. Chirikova A.E. Permskii variant: Kakikh gubernatorov i pochemu predpochitayut mestnye elity i eksperty? Vestnik Permskogo Universiteta. Politologiya. 2023. №2. S. 25-37.

29. Chirikova A.E. Vertikal' vlasti v otsenkakh regional'nykh elit: dinamika perezmen. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2008. №6. S. 99-112.

30. Chirikova A.E. Moskovskie naznachentsy v gubernatorskom korpuse: analiz samarskogo sluchaya. Politiya. 2011. №4(63). S. 61-73.

31. Cochrane A. Illusions of power: interviewing local elites. Environment and Planning A. 1998. Vol. 30. №12. P. 2121-2132.

32. Ledyayev V.G. Chirikova A.E. Governors and local elites in Russia: patterns of interaction. European Politics and Society. 2019. T. 20. №3. S. 315-332.

33. Lowndes V., Leach S. Understanding Local Political Leadership: Constitutions, Contexts and Capabilities. Local Government Studies. 2004. Vol. 30. №4. P. 557-575.

34. Wanna J. Regional Political Leadership. The Oxford Handbook of Political Leadership. Ed. by R.A.W. Rhodes and Paul 't Hart. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 564-579.

О.А. Коряковцева

**РОССИЯ XXI ВЕКА:
ТРАДИЦИОННЫЕ
ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ**

Аннотация

Статья посвящена личностной и гражданской ориентации молодежи, попавшей под влияние западных идей свободы самовыражения, конкуренции и потребительства, и в то же время сохранившей ориентацию на традиционную духовно-нравственную и социокультурную принадлежность к российской цивилизации. Подчеркивается, что в ситуации подобной социально-политической турбулентности молодому поколению все труднее идентифицировать себя не только с социальным слоем или профессиональной командой, но и с такими социально-политическими институтами, как нация и государство. В стабилизации всех сфер жизни современного постиндустриального общества автором отмечается особая коммуникативная значимость социально-политического воздействия информационного пространства на все группы населения, но в первую очередь – на молодежь. Автор статьи обращает внимание, на то, что в СМИ и социальных сетях ведётся настоящая информационная война, выражающаяся прежде всего в интерпретации исторической правды. Это убеждает в необходимости целенаправленной деятельности государственной общественной системы по развитию патриотических чувств и формированию гражданской позиции у представителей современной молодежи. На основании результатов исследований делаются выводы, что обновление ценностной системы личности обеспечивается развитием гражданского самосознания, которое происходит только в ходе активной общественно-политической деятельности субъекта. Значит, в постиндустриальном цифровом обществе XXI века необходимо

O. Koryakovtseva

**RUSSIA OF THE XXI
CENTURY: TRADITIONAL
VALUES AS A FACTOR OF
CIVILIZATIONAL
DEVELOPMENT**

Abstract

Particular attention is paid to the personal and civic orientation of young people who have come under the influence of Western ideas of freedom of self-expression, competition and consumerism, while at the same time retaining their orientation to the traditional spiritual, moral and socio-cultural belonging to the Russian civilization. The author emphasizes that in a situation of such socio-political turbulence it is becoming increasingly difficult for the younger generation to identify not only with a social stratum or occupational group, but also with socio-political institutions such as the nation and the state. The author notes the special communicative significance of the socio-political impact of the information space on all population groups, especially the young people, in the stabilization of all spheres of life in modern post-industrial society. Attention is called to the fact that there is a real information war in the media and on social networks, which is primarily expressed in the interpretation of historical truth. This convinces us of the need for purposeful action on the part of the state-society system in order to develop patriotic feelings and create a civic attitude among the representatives of modern youth. It is concluded from the research that the renewal of the individual's value system is achieved by the development of civic consciousness, which occurs only in the course of the subject's intense sociopolitical activity. It means that in the post-industrial digital society of the XXI century it is necessary to create a socio-cultural space in which the new generations would see themselves not just as individuals, but also as personalities and

создание социокультурного пространства, где новые поколения чувствовали бы себя не только индивидуальностями, но личностями и творцами, которые понимают свой долг гражданина по отношению к обществу и государству.

creators, who are aware of their duty as Citizens towards society and the state. The author is convinced that the time has come to return to the policy of preserving and strengthening the unity of a multi-ethnic and multi-confessional Russia on the basis of a common traditional system of values as an embodiment of the National Idea.

Ключевые слова:

российская цивилизация, Национальная Идея, молодое поколение, единение государства и гражданского общества, традиционные российские ценности.

Key words:

Russian civilization, National Idea, young generation, unity of the state and civil society, traditional Russian values.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-151-164>

Технологическая революция, природная среда, национальные проблемы, сложные политические процессы, обнаружившие исчерпанность идей глобализации, определили современный исторический период развития России как важный шаг к консолидации общества и государства в ситуации мировой социально-политической турбулентности. Разделяем позицию М.А. Верниченко, Е.П. Казбан, А.В. Кирки, подчеркивающих, что среди политиков и экспертов «идет поиск новой эффективной модели миропорядка, которая могла бы сбалансировать интересы всех центров силы современного мира» [8, с. 82]. Подобная неустойчивость, на наш взгляд, сегодня определяется противостоянием индивидуалистической, так называемой демократической, идеологии Запада и идеей сохранения традиционных национальных ценностей большинством стран многополярного мира.

Особую неустойчивость своей гражданской позиции испытывает молодое поколение россиян, поскольку, с одной стороны, западные идеи автономии ориентируют их на свободу самовыражения, экзистенциальное одиночество и потребительство, характерные для постиндустриального общества, а с другой стороны, сохраняется ориентация на традиционную духовно-нравственную, политико-правовую и социокультурную принадлежность к российской цивилизации [2].

Очевидно, что настало время вернуться к политике сохранения и укрепления общих традиционных для многонациональной и многоконфессиональной России ценностей как воплощению ее Национальной Идеи. Это обусловлено рядом тревожных индикаторов в общественном мнении россиян и прежде всего среди подрастающего поколения. В частности, «порядка 28,5% опрошенных молодых людей продемонстрировали вербальное несогласие с положением дел в стране и одновременно заявили о низком поли-

тическом доверии властям или полном отсутствии такового. Существует группа молодых людей, которые, наряду с указанными установками, проявляют склонность к участию в несанкционированных протестных действиях» [13, с. 312]. Исследователи В.Р. Ермакова, Д.П. Колозов, И.В. Самаркина обратили внимание на тот факт, что есть необходимость «не только осмысления, но и конкретных действий институтов государственной молодежной политики» [15, с. 109], так как среди части российской молодежи сложилось представление «об отсутствии возможности влиять на политику и страх наказания за активную политическую деятельность» [15, с. 109]. Вывод политологов Н.В. Гришина, О.В. Поповой, С.И. Сусловой о том, что «коллективные действия современной российской молодежи нуждаются в постоянном осмыслении» [14, с. 483] направлен на поддержание сложившейся политической системы в стране.

В научном сообществе ведется дискуссия о сущности понятия «традиционные ценности» [6; 9; 11; 21; 23]. Есть общечеловеческие ценности, которые наполняют смысл жизнь всех людей планеты Земля, а есть ценности, разделяемые большинством того или иного общества. «В обоих случаях можно говорить о ценностях, легших в основу национального менталитета. Уничтожение таких ценностей может привести к тому, что под угрозой размывания будет находиться национальная идентичность, уничтожение которой приведет к разобщению нации, а также к негативным политическим и социальным последствиям. Такие обстоятельства подвергают общественное сознание серьезной деформации, которая возникает в результате воздействия пропаганды и манипуляций, ставших повсеместным явлением в условиях глобализации, вестернизации и создания единого информационного медиапространства, направленных на унификацию и размывание уникальных традиционных ценностей» [10, с. 47]. Противоречия между основными мировыми политическими акторами на современном этапе придают импульс дальнейшему научному осмыслению категориального аппарата, в том числе и категории «цивилизационное развитие».

Российские духовно-нравственные ценности являются основой становления Гражданина и Патриота страны на данном историческом этапе. Особую значимость в процессе создания государственно-общественной системы формирования гражданского самосознания молодого поколения россиян на основе традиционных общероссийских ценностей, определенных Указом Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», приобретает деятельность властных структур. Данный Указ был подготовлен в соответствии с Федеральным законом

№172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 года. В этом документе впервые названы традиционные российские ценности, а именно: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». Данный Указ является основным нормативно-правовым актом, определяющим цели обеспечения национальной безопасности России.

Сегодня российское общество находится в процессе социокультурной и общественно-политической трансформации, вызванной как распадом Советского государства (1991 год), так и выбранной либеральным руководством России моделью строительства нового капиталистического общества. Это привело не только к разрушению союзного социалистического государства, но и повлияло на самосознание всего российского населения, особенно молодого поколения. Переходный период от одного государственного строя к другому характеризовался «диким» капитализмом, разгулом криминала, жадой личного обогащения любым путем, размыванием традиционных ценностей и исторической преемственности, утратой мировоззренческих ориентиров, сепаратистскими и экстремистскими проявлениями. Правящая элита того времени старалась влиять на формирующееся гражданское общество, но это влияние часто было деструктивным.

Приведем широко известные примеры, которые обсуждались в обществе. В 1992 году при встрече с министром иностранных дел Российской Федерации А. Козыревым экс-президент США Р. Никсон спросил о том, как Правительство России определяет свои национальные интересы. А. Козырев как прозападный политик ответил, что мы слишком заклинились на национальных интересах. Настало время, чтобы думать больше в терминах универсальных общечеловеческих ценностей.

Позднее, когда Россия вошла в число участников Болонского процесса (2003 год), министр образования и науки Российской Федерации А.А. Фурсенко (2004-2012 гг.) сказал о том, что главный недостаток советской системы образования – формирование человека-творца. По его мнению, задача государственного образования заключается в воспитании «квалифицированного потребителя»!?

Сегодня, казалось бы, остается только удивляться подобным идеям и действиям российских чиновников федерального уровня, но еще в далекие 40-е гг. прошлого столетия У. Черчилль очень точно подметил отличие госу-

дарственного деятеля от политика. По его мнению, политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель – на следующие поколения. Британский политический государственный деятель говорил об основных субъектах политического процесса и их роли в управлении страной. Он подчеркивал, что для политиков важно получить власть и постараться её удержать, а для истинного государственного деятеля важно использовать свою власть с максимальной пользой для страны, для конкретной территории, для населения и для успешного развития будущих поколений.

На данном этапе развития российской государственности мы осознаем, что капитализм в современной России остается бюрократическим, и группа правящей элиты, состоящая в основном из «политиков», а не «государственных деятелей», оказывает достаточное влияние на формирование гражданского мировоззрения в обществе. Её представления об эффективности деятельности сводятся к быстрому достижению не реального результата, а видимого, которым можно «отчитаться». Именно отсюда возникла склонность ко всяческим рейтингам и критериям оценки, бывшим в приоритете у стран Европейского союза. Оценка эффективности любой деятельности не по результату, а по количеству участников, главная отчетная позиция – количество проведенных мероприятий, а не их польза для общества и государства. И в наши дни, к сожалению, для чиновников – «политиков» особенно важно, чтобы в отчетах о работе были значительные цифровые показатели.

Высокопоставленная бюрократия стремится сохранить и расширить свое влияние, но не выполняет высшую миссию политической элиты – «государственных деятелей» по консолидации сильного государства и эффективного гражданского общества. Поддержим тезис российских политологов Д.П. Колозова и И.В. Самаркиной, что «при конструировании внутренней политики, направленной на процесс консолидации российского общества, следует выстраивать общую систему ценностей, которая бы основывалась на общенациональном ценностном ядре, декларируемом в дискурсе первых официальных лиц государства, и учитывала бы региональную специфику социальных групп, в том числе и молодёжных, разных субъектов Российской Федерации» [16, с. 89].

Согласно ряду опросов общественного мнения, большая часть респондентов поддерживает Президента России В.В. Путина в его стремлении найти верную траекторию для реализации заявленного стратегического национального приоритета – защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Понимаем, что в современных условиях развития мирового политического процесса «необходима мобилизация ресурсов вокруг традиционных ценностей, способных фо-

кусировать энергию и опыт большого числа людей, участвовать в разработке и реализации эффективных стратегий будущего» [1, с. 54]. Политологи Г.И. Авцинова и Е.Ю. Воронина аргументировали важный тезис об организации «гражданского контроля и экспертизы по оценке технологических решений, актуальности циркулирующей в обществе информации, при необходимости ее быстрой корректировке, пониманию возможных альтернатив» [1, с. 54]. На наш взгляд, все это позволит защитить сформированные в стране духовно-нравственные ценности.

Настоящий исторический период особенный: и в мировом сообществе, и в России проявляются черты кризиса как личной, так и коллективной идентичности. Становится ясно: в ситуации неустойчивости и социально-политической турбулентности молодому поколению все труднее идентифицировать себя не только с социальным слоем или профессиональной командой, но и с такими социально-политическими институтами, как нация и государство [5; 18; 22; 24].

Многолетние исследования ученых лаборатории «Изучение гражданской идентичности студенческой молодежи: сущность, условия развития, перспективы» (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского») указывают на то, что обновление ценностной системы личности обеспечивается развитием гражданского самосознания, которое происходит в ходе активной общественно-политической деятельности субъекта. Значит, в постиндустриальном цифровом обществе XXI века необходимо создание социокультурного пространства, в котором новые поколения чувствовали бы себя не только индивидуальностями, но личностями и творцами, которые понимают свой долг Гражданина по отношению к обществу и государству.

Очевидно, что в современной России в ходе развития социально-политического самосознания «сошлись» традиционные ориентации на патриотизм, справедливость, подвижничество и индивидуальные устремления к самореализации, материальному достатку и благополучию. Наши исследования констатировали: идёт сложный процесс гармонизации индивидуальности личности и специфики коллективного российского менталитета, традиционных духовно-нравственных ценностей и потребительских интересов. Приоритетом российского молодого поколения сегодня, с одной стороны, становятся индивидуалистические запросы (возможности самореализации, материальный доход, порядок), а с другой стороны, сохраняется ориентация на общественную активность. Сочетание таких разнообразных устремлений порождает у молодых россиян неудовлетворенность жизнью, поскольку они

ощущают как экзистенциальный вакуум, так и подсознательное стремление к «соборности». В данной ситуации гражданская идентичность могла бы стать основой идентичности личности и гармонизировать традиционные коллективистские ценности и ценности постиндустриального века. Важно укрепить традиционные коллективистские ценности, особенно чувство патриотизма, которые способствуют консолидации общества и государства: в России до сих пор актуален девиз «Если мы едины, мы – непобедимы». Таким образом, движение России в будущее определяется единением государства и общества на основе сохранения и развития российской цивилизации при условии субъект-субъектного диалога государственной власти и гражданского общества.

Мероприятиями, приказами и законами построить сильное государство, которое выполняет все свои функции и обязательства, невозможно. Государство – это прежде всего люди, разные по возрасту, национальности, религии, образованию, мировоззрению, запросам и ожиданиям. Вот почему для упомянутого равноправного диалога важна «мягкая сила» как некий языковой социально-политический фактор, который сможет в процессе общения способствовать эффективной передаче информации, мотивации к размышлению или действию, объяснению каких-либо исторических и современных фактов и т.д.

Для стабилизации всех сфер жизни современного постиндустриального общества особую коммуникативную значимость имеет социально-политическое воздействие информационного пространства на все группы населения, но в первую очередь – на молодежь. К сожалению, представленная информация может быть как объективной, так и ложной.

Прежде всего это касается исторической памяти, которая создает смысловую основу гражданственности личности и населения страны в целом. Важно осознавать, что в СМИ и социальных сетях интерпретация исторической правды (исторических событий и фактов, роли исторических личностей) особенно сильна, поскольку она рассматривается с разных временных и мировоззренческих позиций авторов информации [19]. Все это убеждает в необходимости целенаправленной деятельности государственно-общественной системы по развитию патриотических чувств и формированию гражданской позиции у представителей современной молодежи. При этом следует подчеркнуть значимую роль педагогического воздействия на становление гражданского самосознания личности с учетом феномена «гибридной правды».

Основы самосознания граждан любого государства базируются на истории страны, государства, общества. Исторические события, факты и сим-

волы ассоциируются у личности с определенным социумом и государством. При этом очень сложно определить, насколько правдиво представлены исторические факты, не разбалансируют ли они историческое сознание и не нарушат ли они историческую память граждан, особенно молодого поколения. Поскольку медиасреда для современной молодежи является комфортной личной и профессиональной средой, сконструированная (придуманная) в этой среде полуправда всегда становится более привлекательной и серьезно воздействует на социализацию молодых россиян. На каком основании это можно утверждать?

Результаты деятельности научно-практической лаборатории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского по изучению гражданской идентичности молодежи опираются на серию репрезентативных психологических исследований, на анализ статистических данных, результатов анкетирования и работы фокус-групп. Вот что они показали: при ответе на вопрос: «Кто должен заниматься формированием ценностной системы и гражданской идентичности молодежи?», - первое место по степени влияния было отдано респондентами государственной системе образования и воспитания; второе место – семье; на третьем месте оказались общественные организации и движения; четвертое место заняли органы государственной власти и только пятое – средства массовой информации и медиаресурсы [4]. Такой результат убеждает, что молодежь недооценивает и не понимает силу влияния и значимость воздействия СМИ и медиаресурсов на их личность, на их самосознание, на их гражданскую позицию, хотя это воздействие далеко не всегда позитивное. Несомненно, что быстрое развитие и распространение информационно-коммуникационных технологий не только способствуют познанию нового, но и неоднозначно влияют на ценностную систему и мировоззрение молодых граждан России. К сожалению, интерактивные медиа представленной ими «гибридной» правдой зачастую способствуют развитию и поддержке протестных явлений.

Общеизвестно, что память выражает отношение «прошлое – настоящее» (в прошлом часто ищут и находят объяснения действительности). Значит, чтобы идентифицировать себя, личности необходимо ощущать непрерывность истории, что позволяет ей обрести новую идентичность в изменяющемся мире. Историческая память в нашем сознании соединяет картины прошлого, реальность настоящего и прогнозы на будущее. Важно понимать, что историческая память наличествует и в коллективном сознании гражданского общества, а образы прошлого способствуют системной интерпретации политики, а значит, социально-политической и профессиональной ориентации личности во всех сферах жизни. По мнению Ю.П. Зарецкого, образ про-

шлого зависит от властных отношений в обществе и может служить манипуляциям тех сил, которые стремятся к достижению определенных политических результатов в настоящем [7]. Таким образом, можно сказать, что сегодня и научные исследования, и нормативные государственные документы по Стратегии развития России требуют организации целенаправленного развития патриотических чувств и системного формирования гражданственности новых поколений россиян. Тем более, что западными СМИ против России постоянно ведется информационная война, которая сегодня становится самым агрессивным «скрытым» орудием политических интриг и подготовки общественно-государственных изменений.

Не зря древнекитайский военачальник Сунь-цзы еще в V–VI вв. до нашей эры называл информационную войну «путем обмана». Главным оружием в подобной войне становится дезинформация. Информационная война способствует не только политической победе, но и экономическому превосходству. А главное, она не требует значительных финансовых затрат: нужно только продумать все механизмы информационного воздействия с учетом особенностей населения и в соответствии с поставленными целями. Основными инструментами подачи дезинформации являются: ложные факты, сокрытие информации, ошибочные обоснования, отвлечение внимания от главного, смещение или подмена понятий. Вся подобная деятельность нацелена на изменение общественного мнения и управление им, провоцирование конфликтов на политической, национальной, религиозной и другой почве, она способствует изменению отношений между властью и обществом, иногда – между государствами.

Влияние на общественное мнение осуществляется с целью создания мифической реальности, введения в заблуждение граждан других стран, а также – для развития патриотических чувств собственных граждан с целью консолидации общества и государства в интересах безопасности своей страны. Вот почему так важно осуществлять работу по противодействию дезинформации.

Сегодня наступает период скрытой войны, которая носит информационно-сетевой характер, её цель – морально-психологическое подавление личности. А в связи с этим и внедрение в сознание населения, особенно молодого, нужных правящей элите (своей или мировой) идей и мнений. Как можно этому противостоять? Говоря о государственно-общественной системе формирования гражданского самосознания населения, мы не можем не обратиться к осмыслению стержня данной системы, то есть, к национальной идее государства и общества.

Национальная идея – термин философский, который определяет её как комплекс смыслов существования определенной нации в прошлом, настоящем и в ближайшем будущем. Национальная Идея объясняет цель существования нации сейчас и ее миссию в будущем. Она базируется на понимании менталитета, традиционных ценностей, характерных особенностей населения страны, отношений общества и власти и т.д. [20]. Такое понимание позволяет посредством Национальной Идеи донести до собственных граждан и до мирового сообщества послание конкретной страны о цели своего существования и миссии в будущем. Миссия России очевидна: защищать и сохранять традиционные духовно-нравственные ценности, отстаивая и развивая тем самым свою российскую цивилизацию (идентичность?) в современном многополярном мире на основе взаимопонимания и взаимодействия с другими странами.

Национальную идею нельзя путать с идеологией, поскольку, выражая всеобщие для граждан ценности, они все же отличаются. Идеология представляет собой целостный комплекс идей, отражающих идеалы различных групп людей: сообществ по интересам, социальных классов, общественных и политических организаций. Но Статья 13 Конституции Российской Федерации гласит: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Это означает, что российское государство не стремится к господству какой-либо единой идеологии, как было в Советском Союзе. Вот почему в данный исторический период для выражения общероссийских национальных интересов абсолютно необходима равнозначно важная и для государства, и для общества Национальная Идея. Эта Идея, по нашему мнению, определяется миссией современной России.

Если обратиться к истории, то горячие дискуссии по поводу «русской» идеи (мы понимаем её как «российскую») велись еще в XIX веке и данная тема неоднократно поднималась в трудах многих известных нам представителей научных, политических и религиозных кругов общества (например, у Н.А. Бердяева, П.Я. Чаадаева) [3]. Разрабатывались вопросы возникновения и истории нации, её исторической миссии и смысла существования. И в те времена любовь к Отечеству, деятельность во имя его Блага почиталась для Гражданина высшим смыслом. Сегодня этот смысл мы видим в развитии многонациональной российской цивилизации. На наш взгляд, Национальной Идеей становится миссия России по сохранению идентичности и защите национальных интересов. Её выполнение возможно, благодаря одной из высших традиционных ценностей россиян – патриотическим чувствам народа и правящей элиты, определяющим их социально-политическое единение.

Недаром В.В. Путин, отвечая на вопрос журналиста П. Зарубина, ведущего программу «Москва. Кремль. Путин.», отметил, что граждан России во времена испытаний всегда сплачивала любовь к Отечеству. Патриотизм не является идеологией, поскольку как общая духовно-нравственная ценность он деполитизирован и направлен на укрепление внутренних основ российского общества и государства. Исторический опыт научил наш народ, что во времена суровых испытаний единственное спасение и условие для движения вперед – единство.

Национальная идея связана с сохранением и укреплением российской многонациональной и многоконфессиональной цивилизации на основе общих традиционных духовно-нравственных ценностей и единой многовековой исторической памяти. Её реализации будет способствовать ряд условий:

1. Создание в этом направлении действенной нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность всех органов власти сверху до низу (от федеральной до муниципальной).

2. Наличие подготовленных специалистов – педагогов, психологов, социологов, политологов, владеющих практическими навыками и технологиями развития патриотических чувств и формирования гражданственности у новых поколений.

Особенно следует подчеркнуть важность и срочность формирования профессиональных компетенций управленческих кадров для умелой и успешной организации государственно-общественной системы воспитания и формирования гражданина России, думающего о благе своей Родины и активно участвующего в её развитии. Оценкой эффективности данной системы должны стать конкретные результаты социально-значимой деятельности населения, особенно молодежи, но не на основе рейтингов или других количественных показателей.

В последнее время организация социально-значимой деятельности проводится в рамках развития добровольческого (волонтерского) движения. Но какие-либо реальные результаты за бумажными и электронными отчётами не всегда видны. Знаем о проведенных массовых мероприятиях, форумах, движениях, об их количестве, а действительных изменений в формировании гражданина-патриота новой России, судя по опросам в студенческой и преподавательской среде, не видно. Общаясь с участниками молодежных форумов, семинаров, которые по возвращению домой должны были бы организовывать социально-значимую деятельность среди молодежи или хотя бы сами вести какую-то инициативную деятельность, мы убедились, что «лидерская» индивидуалистическая карьеристская позиция часто побеждает, а благие намерения перерастают в словесную шелуху, оставаясь пустыми

призывами без конкретных дел по решению насущных проблем своего поселка, города, района, страны в целом.

Необходимо, на наш взгляд, поддержать позицию Е.П. Борзова и А.А. Ковалева в отношении роли государства, которые поддерживают, что «в современном обществе государство содействует примирению общества, где часть населения может придерживаться традиционных устоев, а другая, меньшая часть — альтернативных норм и ценностей. В связи с этим государство становится способным сдерживать ценностно-нормативный конфликт в приемлемых рамках, не затрагивающих глубинный слой национального менталитета, при этом ограничивая внешние деструктивные влияния» [9, с. 48]. А.В. Полосин прав, констатируя, что «если российское мировоззрение будет и впредь отталкиваться от редуцированного и упрощенного понимания собственных историко-политических оснований и ценностных констант, это грозит усугублением имеющихся социальных проблем и увеличением имеющих общественных расколов» [12, с. 34].

Большинство наших граждан независимо от национальности, вероисповедания, профессии и возраста ощущает свою российскую идентичность и готовы транслировать традиционные ценности в будущее поколение. При этом научное сообщество постоянно находится в поиске определения проблемных ценностных зон, которые исторически изменяются в процессе цивилизационного развития.

Литература

1. Авцинова Г.И., Воронина Е.Ю. Трансформация ценностей в глобальном мире в эпоху цифровизации // PolitBook. 2023. №1. С. 46-57.
2. Аналитический доклад «Российская идентичность в социологическом измерении». URL: https://www.is-ras.ru/analytical_repot_Ident_8.html (дата обращения 25.12.2023).
3. Бердяев Н.А. Русская идея. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2008. 134 с.
4. Бугайчук Т.В. Становление гражданской идентичности российской молодежи как политический феномен // Локус: люди, общества, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. №4. С. 144-154.
5. Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А. Становление гражданской идентичности в условиях социально-политической реальности // Социально-политические исследования. 2019. №1(2). С. 5-15.
6. Герасимова Ю.И., Хмелев А.О. Проблематика укрепления традиционных ценностей в России в контексте обострения международной обстановки // Дипломатическая служба. 2023. №3. С. 191-196.
7. Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого. Теории, истории, историография. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 379 с.
8. Казбан Е.П., Верниченко М.А., Кирка А.В. Геополитические модели как инструменты анализа современных мировых процессов // PolitBook. 2023. №1. С. 70-86.
9. Ковалев А.А. Разрушение базовых традиционных ценностей как угроза для национального менталитета // Социально-политические исследования. 2022. №3(16). С. 33-46.

10. Ковалев А.А., Борзова Е.П. Разрушение традиционных ценностей как возможный фактор ментальной деградации народа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т.24. №3-2. С. 38-49.
11. Мельников С.А. Традиционные ценности в современном мире: тенденции и вызовы // Гражданское общество в России и за рубежом. 2023. №2. С. 23-26.
12. Полосин А.В. Больше, чем консерватизм: историко-политические основания российской государственности // Журнал политических исследований. 2023. Т.7. №1. С. 27-37.
13. Попова О.В., Гришин Н.В. Политическое доверие российской молодежи: «Туда ли мы идем?» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т.19. №2. С. 298-317.
14. Попова О.В., Гришин Н.В., Суслов С.И. Политизация массового сознания российской молодежи в 2022 г.: возможности оценки на основе статистического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №2. С. 471-485.
15. Самаркина И.В., Колозов Д.П., Ермакова В.Р. Политическое участие молодежи в условиях расширения социально-политического пространства России и консолидации российского общества // PolitBook. 2023. №3. С. 94-117.
16. Самаркина И.В., Колозов Д.П. Дискурс консолидации российского общества и политические ценности молодежи // Южно-российский журнал социальных наук. 2023. Т. 24. №1. С. 78-94.
17. Сараева Е.Л. Размышления П.Я. Чаадаева о судьбе России // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т.1. №4. С. 17-26.
18. Семочкина Е.В., Сковиков А.К. Особенности взаимодействия молодежных общественно-политических организаций с органами государственной власти в современной России // PolitBook. 2022. №4. С. 31-42.
19. Соколов А.В., Миронова С.В. Особенности транслирования политических ценностей в молодежных сообществах социальной сети «ВКонтакте» // PolitBook. 2023. №1. С. 6-45.
20. Тишков В.А. Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. Москва: АСТ, 2021. 416 с.
21. Berk N., Madmarov N. Traditional Values and Institutional Quality // Spatial Economics. 2021. Vol.17. №3. P. 38-58.
22. Bugaychuk T., Koryakovtseva O. Patterns of formation of the younger generation civic identity // PolitBook. 2022. №2. P. 171-181.
23. Girinsky A.A. On «Conservative Balance» and «Traditional Values» // Russia in Global Affairs. 2023. Vol. 21. №3(83). P. 24-37.
24. Moamenla A. The Dynamics of Political Trust among Youth // Asian Journal of Research in Social Sciences and Humanities. 2017. Vol. 7(8). P. 300-310.

References

1. Avtsinova G.I., Voronina E.Yu. Transformatsiya tsennostei v global'nom mire v epokhu tsifrovizatsii. PolitBook. 2023. №1. S. 46-57.
2. Analiticheskii doklad «Rossiiskaya identichnost' v sotsiologicheskom izmerenii». URL: https://www.is-ras.ru/analytical_repot_Ident_8.html (data obrashcheniya 25.12.2023).
3. Berdyaev N.A. Russkaya ideya. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2008. 134 s.
4. Bugaichuk T.V. Stanovlenie grazhdanskoj identichnosti rossijskoj molodezhi kak politicheskii fenomen. Lokus: lyudi, obshchestva, kul'tury, smysly. 2021. Т. 12. №4. S. 144-154.
5. Bugaichuk T.V., Koryakovtseva O.A. Stanovlenie grazhdanskoj identichnosti v usloviyakh sotsial'no-politicheskoi real'nosti. Sotsial'no-politicheskie issledovaniya. 2019. №1(2). S. 5-15.
6. Gerasimova Yu.I., Khmelev A.O. Problematika ukrepleniya traditsionnykh tsennostei v Rossii v kontekste obostreniya mezhdunarodnoi obstanovki. Diplomaticeskaya sluzhba. 2023. №3. S. 191-196.

7. Zaretskii Yu.P. Strategii ponimaniya proshlogo. Teorii, istorii, istoriografiya. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 379 s.
8. Kazban E.P., Vernichenko M.A., Kirka A.V. Geopoliticheskie modeli kak instrumenty analiza sovremennykh mirovykh protsessov. PolitBook. 2023. №1. S. 70-86.
9. Kovalev A.A. Razrushenie bazovykh traditsionnykh tsennosti kak ugroza dlya natsional'nogo mentaliteta. Sotsial'no-politicheskie issledovaniya. 2022. №3(16). S. 33-46.
10. Kovalev A.A., Borzova E.P. Razrushenie traditsionnykh tsennosti kak vozmozhnyi faktor mental'noi degradatsii naroda. Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. 2023. T.24. №3-2. S. 38-49.
11. Mel'nikov S.A. Traditsionnye tsennosti v sovremennom mire: tendentsii i vyzovy. Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. 2023. №2. S. 23-26.
12. Polosin A.V. Bol'she, chem konservatizm: istoriko-politicheskie osnovaniya rossiiskoi gosudarstvennosti. Zhurnal politicheskikh issledovaniy. 2023. T.7. №1. S. 27-37.
13. Popova O.V., Grishin N.V. Politicheskoe doverie rossiiskoi molodezhi: «Tuda li my idem?». Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2023. T.19. №2. S. 298-317.
14. Popova O.V., Grishin N.V., Suslov S.I. Politizatsiya massovogo soznaniya rossiiskoi molodezhi v 2022 g.: vozmozhnosti otsenki na osnove statisticheskogo analiza. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2023. T. 25. №2. S. 471-485.
15. Samarkina I.V., Kolofov D.P., Ermakova V.R. Politicheskoe uchastie molodezhi v usloviyakh rasshireniya sotsial'no-politicheskogo prostranstva Rossii i konsolidatsii rossiiskogo obshchestva. PolitBook. 2023. №3. S. 94-117.
16. Samarkina I.V., Kolofov D.P. Diskurs konsolidatsii rossiiskogo obshchestva i politicheskie tsennosti molodezhi. Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk. 2023. T. 24. №1. S. 78-94.
17. Saraeva E.L. Razmyshleniya P.Ya. Chaadaeva o sud'be Rossii. Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2014. T.1. №4. S. 17-26.
18. Semochkina E.V., Skovikov A.K. Osobennosti vzaimodeistviya molodezhnykh obshchestvenno-politicheskikh organizatsii s organami gosudarstvennoi vlasti v sovremennoi Rossii. PolitBook. 2022. №4. S. 31-42.
19. Sokolov A.V., Mironova S.V. Osobennosti translirovaniya politicheskikh tsennosti v molodezhnykh soobshchestvakh sotsial'noi seti «VKontakte». PolitBook. 2023. №1. S. 6-45.
20. Tishkov V.A. Natsional'naya ideya Rossii. Rossiiskii narod i ego identichnost'. Moskva: AST, 2021. 416 s.
21. Berk N., Madmarov N. Traditional Values and Institutional Quality. Spatial Economics. 2021. Vol.17. №3. P. 38-58.
22. Bugaychuk T., Koryakovtseva O. Patterns of formation of the younger generation civic identity. PolitBook. 2022. №2. P. 171-181.
23. Girinsky A.A. On «Conservative Balance» and «Traditional Values». Russia in Global Affairs. 2023. Vol. 21. №3(83). P. 24-37.
24. Moamenla A. The Dynamics of Political Trust among Youth. Asian Journal of Research in Social Sciences and Humanities. 2017. Vol. 7(8). P. 300-310.

**С.В. Демиденко,
М.С. Гамалей**

**S. Demidenko,
M. Gamalei**

**INSIDE OUT: О ВЛИЯНИИ
ВНЕШНИХ И
ВНУТРЕННИХ ФАКТОРОВ
НА ФОРМИРОВАНИЕ
ЛИВИЙСКОГО КРИЗИСА**

**INSIDE OUT: ON THE
INFLUENCE OF EXTERNAL
AND INTERNAL FACTORS
ON THE FORMATION OF
THE LIBYAN CRISIS**

Аннотация

Ливийский кризис стал одним из конфликтов, существенным образом повлиявших не только на региональную, но и на глобальную обстановку. Статья посвящена изучению его предпосылок и причин. Комплексному анализу подвергаются внутривосточные, этноконфессиональные и международные противоречия, приведшие к продолжительной гражданской войне. Также исследован исторический опыт Ливии, через призму которого рассматриваются миротворческие усилия международных игроков и ООН. Особое внимание авторы уделили сравнению степени воздействия на ситуацию внешнего и внутреннего факторов. Данный момент актуален в связи с укоренившимся в отечественном экспертном сообществе стереотипе о решающей роли международного воздействия.

В статье предпринята попытка концептуализировать научную проблему формирования политических кризисов в государствах Ближнего Востока. Авторы исходят из тезиса об искусственном происхождении большинства из них. Колонизаторы делили регион, соотносясь с собственными политическими интересами, ставя задачу сохранить здесь свое политическое влияние на максимально продолжительный срок (и не допустить распространения враждебных, «советских», доктрин и идеологий). Таким образом был разрушен естественный процесс формирования государств и наций, когда в границы нового образования оказались помещены этноконфессиональные группы, плохо уживающиеся (или вообще не ужи-

Abstract

The Libyan crisis has become one of the conflicts that have significantly affected not only the regional, but also the global situation. The article is devoted to the study of its prerequisites and causes. The internal political, ethno-confessional and international contradictions that led to a prolonged civil war are subjected to a comprehensive analysis. The historical experience of Libya is also studied, through the prism of which the peacekeeping efforts of international players and the UN are considered. The authors paid special attention to comparing the degree of influence of external and internal factors on the situation. This point is relevant in connection with the stereotype rooted in the domestic expert community about the decisive role of international influence.

The article attempts to conceptualize the scientific problem of the formation of political crises in the states of the Middle East. The authors proceed from the thesis of the artificial origin of most of them. The colonialists divided the region based on their own political interests, setting the task of maintaining their political influence here for as long as possible (and preventing the spread of hostile, "Soviet" doctrines and ideologies). Thus, the natural process of the formation of states and nations was destroyed, when ethno-confessional groups that did not get along well (or did not get along at all, such as the Yazidis and radical Sunnis in north-western Iraq) were placed within the boundaries of the new entity. This has become a permanent cause of most of the internal crises and wars in the region.

вающиеся; как, например, язиды и радикальные сунниты на северо-западе Ирака) между собой. Это стало перманентной причиной большинства внутренних кризисов и войн в регионе. Также авторами делается обобщение относительно природы ближневосточного авторитаризма, являющегося не классической диктатурой, в западном понимании данного термина, но специфической формой общественного договора, заключенного между наиболее влиятельными этноконфессиональными группами, той или иной исторической территории. До определенного момента такой союз является залогом стабильности, однако в случае изменения политического контекста (внешнего или внутреннего) он безвозвратно распадается, погружая территории в долгосрочный кризис, продолжающийся до тех пор пока не сложится новая конфигурация влиятельных внутренних акторов.

Ключевые слова:

Ливия, Джамахирия, Каддафи, «Зеленая книга», Хафтар, Дбейба, Мисурата, исламизм, племена, мазхабы, суфизм.

The authors also generalize about the nature of Middle Eastern authoritarianism, which is not a classical dictatorship in the Western understanding of the term, but a specific form of social contract concluded between the most influential ethnic and religious groups of a particular historical territory. Up to a certain point, such an alliance is a guarantee of stability, but in the event of a change in the political context (external or internal), it irrevocably disintegrates, plunging the territories into a long-term crisis that continues until a new configuration of influential internal actors develops.

Key words:

Libya, Jamahiriya, Gaddafi, Green Book, Haftar, Dbeiba, Misurata, Islamism, tribes, madhhabs, Sufism.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-165-182>

Гражданская война в Ливии – одно из важнейших политических событий ближневосточного региона. Начавшись как часть так называемой «Арабской весны», она со временем трансформировалась в системный кризис, одностороннего понимания природы которого ни в отечественной, ни в международной науке пока нет. Популярна идея о сугубой искусственности конфликта, триггером которого стало внешнее вмешательств [13]. Мы в настоящей статье обратимся к комплексному анализу предпосылок и причин явления. В фокусе исследовательского внимания, помимо международной ситуации, будут находиться исторический опыт Ливии, внутренняя и внешняя политика джамахирийского руководства, а также этноконфессиональные особенности Северной Африки.

Ситуация в Ливии крайне напряженная и запутанная. На первых порах суть конфликта, возникшего сразу после крушения режима Муаммара Каддафи (1942–2011 гг.) в конце 2011 г., заключалась в исторически сложившихся противоречиях между политическими элитами Запада и Востока. Сама по себе «Великая Ливия» в составе Триполитании (Запад), Киренаики (Во-

сток) и Феццана (Феззана) появилась как конструкт, созданный под эгидой Лондона [7]. После Второй мировой войны формирующемуся НАТО необходимо было ограничить глобальные амбиции Советского Союза. Так возникла идея создания марионеточного государства между Египтом и французским Алжиром. Однако на пути реализации интриги встала внутренняя специфика Киренаики и Триполитании [7, с. 253-266]. А именно - межплеменные и этноконфессиональные противоречия.

Среди мусульманского населения Севера Африки распространена маликитская религиозная школа (мазхаб). Маликиты считаются достаточно консервативными в сравнении с ханифитской и шафиитской традициями. В качестве источников веры, помимо Корана и Сунны, они признают иджму мединских улемов и фетвы сподвижников Пророка. Более умеренные направления отдают предпочтения расширительным трактовкам иджмы и кыяса [3, с. 232-284]. При этом маликиты весьма лояльны религиозным практикам индивидуально-мистического толка – суфизму (позволяет через медиативные действия достичь ощущения сопричастности божественному). Суфии разделены на ордена (тарикаты) с собственной религиозной методологией, заложенной тем или иным праведным человеком (муршиды, ишаны, марабуты). Ученики святого становятся его мюридами, принимая догматику и практики (зикр) вероучителя.

В условиях племенной раздробленности Магриба религиозные традиции стали продолжением ситуации политической. Каждое из племен имело военных вождей и собственных духовных авторитетов, что при отсутствии экономических предпосылок к объединению, способствовало укреплению центробежных тенденций.

К концу Второй мировой войны будущая Ливия состояла из двух макротерриторий (за вычетом Феццана), разделявшихся на зоны расселения племен и племенных объединений. Каждая имела собственную точку культурно-экономического притяжения: Триполи - на Западе и оазис Джагбуб - на Востоке. Триполи, как локальная столица, был центром, скорее, экономическим. Джагбуб же представлял собой духовно-религиозный. Это было связано с широким распространением на Востоке тариката сенусия, названного по имени основателя. Благодаря активной проповеди и высокому авторитету Мухаммеда Али Ас-Сенуси (1787-1959 гг.) к середине XIX века орден объединил большинство киренаикских племен. Сенуситы взяли под контроль основные караванные пути Восточной Ливии, соединявшие внутренние тер-

ритории Сахеля со средиземноморским побережьем. В первой половине XX века сенуситы оказывали упорное сопротивление итальянскому вторжению. В ходе многолетней войны колонизаторы фактически положили конец самостоятельному существованию тариката. Однако в 1940-х гг. орден возродился при поддержке воевавших против Б. Муссолини англичан, а его лидер Мухаммад-Идрис (будущий король Идрис I) стал главным претендентом на пост главы объединённого государства.

Триполитания, включенная сперва в орбиту османского, а позже итальянского, влияния, в конце XIX – первой половине XX вв. жила собственной политической жизнью и имела более модернизированный уклад. Здесь были собственные племенные объединения и лидеры, оппонировавшие Мухаммаду-Идрису. Виднейшим из них являлся Башир ас-Саадави (1884–1957 гг.).

Идрис, понимая всю глубину противоречий между западными и восточными территориями, выступал против создания нового государства в границах Триполитании и Киренаики. Англичанам пришлось обратиться к тонкой дипломатической интриге, эксплуатирующей страха ливийцев перед возвращением итальянского владычества (план Бевина – Сфорца) [7, с. 253-258]. В итоге при посредничестве западных держав сложился хрупкий альянс Запада и Востока. Но его стабильность и долгосрочность вызывала вопросы.

У страны на тот момент не было полноценной экономики, кроме кочевого скотоводства и оазисного земледелия. Ливия долго жила исключительно за счёт Великобритании, США и Франции. Часть денег выплачивались в виде безвозмездной финансовой помощи, а часть – за аренду территории под военные базы [7, с. 253-258]. Все начало меняться в 1955 году с обнаружением нефти и создания первых концессий, но Ливия все еще оставалась децентрализованной и разделённой на зоны влияния.

Авторитет Идриса цементировал политическую конструкцию, однако власть монарха не была ни сильной, ни стабильной. Фактически, король играл традиционную роль шейха: религиозного лидера и третейского судьи в межклановых спорах. Против него постоянно интриговали, причем как оппозиционно настроенные представители восточных группировок, так и ближайшее окружение. В этих условиях «нефтяной самум» (по выражению А.З. Егорина) лишь отсрочил падение режима, с момента создания балансирующего на грани выживания.

Приход к власти прогрессистских сил во главе с молодыми офицерами в 1969 году принципиально ситуации не изменил. Муаммар Каддафи, один

из лидеров переворота, тонко понимал особенности внутривнутриполитической ситуации. Свою «Третью мировую теорию» он, во многом, формировал, исходя из реалий Ливии. Основной посыл теории заключался в возможности прямой демократии в условиях традиционного общества [11]. То, что «Зелёная книга» писалась про ливийцев и для ливийцев часто ускользает от внимания исследователей. Формулировка ее основных положений исключает самую возможность применения теории за пределами СНЛАД.

Согласно Каддафи, основой здорового, реально демократического общества, должна быть либо традиция, либо религия. Любые законы, созданные институциями – фальсификация демократического процесса, так как служат интересам узкой группы борющихся за власть (олигархам, капиталу, бюрократии). Парламенты, партии, выборы лишь инструменты угнетения. В этом «полковник» не видел различия между либеральными и левыми парадигмами: при капитализме люди труда угнетаются капиталом, при социализме западного (советского) образца – бюрократическими структурами [11]. Социализм арабский (баасизм, насеризм), также не устраивал Каддафи тем, что лишал население политической субъектности, заменив выборы референдумами. Референдумы «полковник» называл «беспощадной формой диктаторского режима» [11].

Примат религии и традиции Каддафи выводил из чисто примордиалистских умозаключений, считая их явлениями, естественно сформировавшимися в процессе эволюции общественных структур, и прошедших проверку временем. Традиция (в данном случае религиозная) должна стать фундаментом социального государства. Органы власти лишь отражение процесса эволюции общественных структур от семьи через племя к нации («нация – это большая семья, прошедшая путь развития от племени до совокупности племен» [11]). Центральное место племен и их союзов в структуре будущей прямой демократии говорит о том, что теория Каддафи в целом адресована либо самой Ливии, либо территориям максимально сходным с ней с точки зрения принципов социальной коммуникации. Если рассуждать с классических марксистских позиций, это свидетельство архаики. Для Каддафи же, мыслившего в реалиях ему знакомых, – основа построения общества будущего.

Прямой демократии ничто не должно мешать: ни регламенты, ни законы. Опираясь на исторический опыт (традицию), общество через самоорганизацию и политическую дискуссию найдет путь к свободе. Результатом станет избрание народных конгрессов (местных парламентов) и народных ко-

митетов (местных исполнительных органов), делегирующих представителей во Всеобщий народный конгресс – мегапарламент, состоящий из нескольких тысяч делегатов [11]. Каддафи целенаправленно не оговаривал в «Зеленой книге» правил избирательного процесса. Любые писанные ограничения шли бы вразрез с самой сутью идеи прямой демократии. Лидер революции не желал – по крайней мере тогда – становиться диктатором. Себя он видел теоретиком, духовным учителем, наставником.

«Третья мировая теория» на этапе воплощения лишь укрепила племенную раздробленность, сделав ее основным принципом политического управления СНЛАД. Вокруг слово «племя» выстраивалась и идеология новой страны.

Государство, названное Великой народной арабской социалистической Джамахирией, оказалось жизнеспособной конструкцией. Система народных комитетов и мегапарламента учитывала интересы всех крупных племен и племенных союзов. Однако экономической основой существования, при тотальном обобществлении производства и капиталов, являлась нефтяная отрасль, управляемая по бюрократическим схемам. Относительное обилие нефти (согласно данным ОПЕК на 2019 год, 9 место в мире по запасам сырой нефти – примерно 48 млрд баррелей, 3,12% мировой добычи [23]) при сравнительно небольшой численности населения (около 7 млн человек на 2021 год [6]) давало значительную подушку безопасности для проведения социально-политических экспериментов.

Джамахирия, пережившая несколько этапов реформирования и целую череду международных авантур лидера, просуществовала более сорока лет. Однако, даже такая живучая модель не сумела полностью нивелировать роль племенного фактора. То есть всего комплекса противоречий, порожденных воздействием на внутреннюю жизнь кровнородственных связей: между племенами, группами племен, отдельными кланами и семьями, просто вооруженными группировками. Застарелый конфликт Востока и Запада видится ключевым фактором, окончательно похоронившим джамахирийский проект. Политика Каддафи, направленная на увеличение благосостояния граждан и развитие страны, сгладила накал страстей, но не изменила ситуацию коренным образом.

После переворота 1969 года к власти в Ливии пришли представители Триполитании, а племенная элита Киренаики свои позиции практически утратила. Политики Востока не были полностью отстранены от управления государством (даже среди так называемой «пятерки вождей» – Каддафи,

Джеллуд, Джабер, Харруби, Хувейлди – ставших центральными фигурами СНЛАД середины 70-х – начала 90-х гг. XX в., Хувейлди был выходцем из Киренаики [8, с. 394-402]), изменился сам подход к комплектованию кадров. Доступ к постам получили молодые офицеры, патриотическая молодежь, интеллигенция. Традиционная аристократия и религиозные деятели, кооперировавшиеся вокруг ордена Сенусия и королевского трона, оказались не у дел. Они составили первое поколение оппозиционеров, действовавшее из-за границы и поддерживающее фронт внутри нового государства.

Ряды противников режима постоянно пополнялись недовольными линией Каддафи. Лидер, опираясь на поддержку населения, постепенно удалил от себя и молодых революционеров, и ближайших соратников из «пятерки», и представителей высшей бюрократии. При этом он все больше опирался на семью и свое племя Каддафа. Возрастало и влияние сыновей главы СНЛАД, особенно второго – Сейфа Аль-Ислама [8, с. 421].

Государство, задуманное как первое в мире подлинно демократическое, в итоге превратилось в кальку монархического правления, где ведущую роль в нации-племенном союзе играл лидер-шейх. Широкая общественная коалиция, приведшая в 1969 году к власти «Свободных офицеров юнионистов-социалистов», за краткое время распалась, и управление вернулось к привычным для Ливии схемам. Только теперь власть все больше концентрировалась на Западе при перманентной политической напряженности в Киренаике. Не удивительно, что в 2011 году именно в Бенгази (административно-хозяйственном центре Киренаики) вспыхнули первые протесты, приведшие к крушению режима.

Оппозиционные настроения в Ливии существовали всегда. Они активизировались в трудные времена (война в Чаде, санкции, экономические реформы) и успокаивались при наступлении относительного благоденствия. Трагедия Джамахирии в том, что всеобщий кризис, поддержанный извне, разразился, когда страна не преодолела окончательно этап традиционализма и не вступила в полосу формирования нации. Социальные эксперименты Каддафи серьёзно усложнили данный процесс. Вдобавок в Ливии не появилось ни нормально функционирующего общего рынка, ни единой для всех системы идеологических координат.

Как показывают опросы World Values Survey, Ливия находится среди стран, ориентированных на традиционные ценности и цели выживания [28]. Конечно, на умонастроения простых ливийцев повлияло десятилетие хаоса и

гражданской войны, но сам факт возникновения подобной идеологической ситуации говорит о несостоятельности теоретических построений Каддафи. «Третья мировая теория» не стала основой образования нации, даже как конструкта. В этой связи неудивительно, что согласно данным WikiLeaks, накануне «революции» «полковник» готовил полное обнуление джамахирийского проекта с целью превращения СНЛАД в республику [24].

Разрыв между Востоком и Западом увеличился в период гражданской войны. На него наложились особенности обновленного ливийского общества, пережившего урбанизацию. Восток и Запад выдвинули лидеров, а отдельные территории макрорегионов вступили в войну между собой, присягая на верность влиятельным группировкам. Некоторым из них - как, например, Мисурате - даже удалось расширить влияние (об этом ниже).

Расклад сил внутри Ливии сейчас представляет собой причудливый калейдоскоп племенных ополчений, полумафиозных группировок и вооруженных формирований, оснащенных иностранным оружием и деньгами международных организаций. Главная политическая коллизия разворачивается между базирующимся в Триполи Правительством национального единства (ПНЕ) и Палатой представителей (ПП) в Тобруке. Первое является международно признанным органом, в задачи которого входит подготовка к президентским и парламентским выборам. Второе – неким временным парламентом, избранным еще в 2012 году, но вынужденным эвакуироваться на Восток из-за конфликта с триполитанскими группировками.

Сегодня в Ливии действует ПНЕ второго созыва. Первый кабинет, возглавляемый Фаизом Сараджем, был создан в конце 2015 года согласно Схиратским соглашениям (Марокко). Несмотря на признание правительства ООН, через некоторое время ПП (спикер – Агилла Салех Иса) и назначенный им кабинет во главе с Абдаллой Ат-Тани, отказались подчиняться Сараджу. Параллельно на Востоке при поддержке международной коалиции сформировался новый центр силы – Ливийская национальная армия (ЛНА). ЛНА формально контролировалась ПП и Ат-Тани. Однако ее глава – маршал Халифа Хафтар – начал вести самостоятельную политическую игру, получая международную помощь. На возвышение Х. Хафтра повлияла, во-первых, убежденность международных участников в том, что лишь авторитарный правитель может стабилизировать ситуацию, а во-вторых, необходимость бороться с исламистами, набиравшими силу по всему региону так называе-

мого Большого Ближнего Востока. Однако расчёт, основанный на наблюдениях за джамахирийской Ливией, оказался в корне неверным.

Архаичный авторитаризм покоится не на силе или жестокости, а на консенсусе ведущих этноконфессиональных сил. Правитель или элитная группа являются гарантами стабильности, им вручается власть над страной или территорией, с ее присутствием согласны. Опорой правящей верхушки выступает не социальная группа, а племена, кланы или конфессии. Конфигурация их взаимодействия особенна и работает только в конкретном историческом моменте. Если элитная группа свергается, эта конфигурация распадается, и страна погружается в хаос пока не появятся новые лидер или группа, с властью которых будут согласны традиционные акторы. Схема ее поддержки вновь будет уникальна.

Подобная ситуация не раз повторялась в Ливане, ее можно наблюдать в Йемене, Ираке, Сирии, Афганистане. Видна она и в Ливии. Только здесь ключевую роль играют не конфессии, а племена. То есть, большинство авторитарных режимов арабских стран уникальны, как и уникальны союзы сил их поддерживающие. Повторить путь того или иного диктатора (да и диктаторы ли они?) невозможно. Основа могущества не подавление и страх, но специфическая форма общественного договора. Эти обстоятельства обуславливается и неуспех, сделавшего ставку на войну, Хафтара. Маршал предпринимал походы на Триполи в 2014 и 2019 гг. и оба раза потерпел неудачу.

На фоне противостояния Востока и Запада из-под контроля Тобрука и Триполи стали выходить более мелкие местные структуры. Получив вооружение, они приступили к дележу власти на местах. Здесь первую скрипку заиграла Мисурата – город и окрестности, в которых издревле проживало одноименное племя. На протяжении всей истории, объединённой Ливии Мисурата оставалась проблемой. Причина «несговорчивости» местных элит кроется в том, что племя хотя и имело берберское происхождение, утратило языковую идентичность [7, с. 18]. Мисурату не считали своим ни берберы, ни арабы. Система Джамахирии на некоторое время сумела сгладить межплеменные противоречия, однако с ее разрушением конфликты, в том числе между Мисуратой и остальными, возобновились (неудивительно, что именно боевики из Мисураты стали палачами лидера СНЛАД).

Нестабильность вывела на политическую сцену Ливии еще и исламистов. Причем не традиционного, суфийского, толка, но пришлых, раз-

деляющих идеологию сирийских и аравийских ханбалитов. Часть, близкая к экстремистской организации, сделала своей базой Сирт. Другие, которых международные наблюдатели ассоциировали с «Аль-Каидой» (запрещена в России), обосновались в Бенгази («Совет шуры революционеров Бенгази») [25].

Сам феномен «ливийских ваххабитов» уникален и мог возникнуть только в ситуации нарастающего политического хаоса. Их именно в Сирт, на родину Каддафи, обусловлен тем, что местность оказалось во враждебном окружении. Ливийские племена, недовольные возвышением на последнем этапе существования СЛЛАД каддафи и её союзников, сводили счеты со сторонниками «полковника». В этих условиях исламисты приняли сторону Сиртики, страдавшей от постоянных нападков соседей, а регион принял их как вынужденных союзников. В случае с Бенгази, скорее, повлияло желание ПП и ЛНА Х. Хафтара заявить о себе как о новых лидерах Киренаики, в то время как элиты Бенгази считали себя «колыбелью ливийской революции» 2011 г. (то есть, сюжет вынужденного союзничества с радикалами повторился, но по иным причинам).

Само по себе, появление в Ливии ханбалитов (салафитов) явление неординарное. Их, условно аравийская, интерпретация ислама с отказом от любых вредных нововведений («бида») была исторически чужда Магрибу. Классический ваххабизм, признающий источниками исламского права только Коран и Сунну, формировался как ответ «извращению» суфиями догматов веры [4]. Еще Мухаммад Ибн-Абд-Ал-Ваххаб (1703–1792 гг.) сформулировал главную претензию к суфиям - культ святых, который вероучитель считал «ширком» – созданием Аллашу сотоварища. То есть, близкие к ИГИЛ и «Аль-Каиде» (запрещены в России) боевики были чужды местной религиозной традиции. Однако это не помешало им на краткое время закрепиться в отдельных районах страны (уже в 2017–2018 гг. ЛНА вытеснила исламистов из Бенгази и Сирта).

Всё это говорит о глубине кризиса, затронувшего не только политические, но и ценностные основы ливийского общества.

Помимо исламистов и Мисураты, нестабильность продуцируется отрядами из Зинтана, туарегами и тубу в пустынных областях на юге и юго-востоке, группировками из Феццана (последние опасны тем, что периодически блокируют работу важнейших нефтяных месторождений [25]).

Отдельно следует сказать о Триполи. Трёхмиллионная формальная столица является крайне сложной с политической точки зрения структурой. Здесь раньше, чем в других частях Ливии, проявилась тенденция к размыванию племенного фактора. Примерно к середине 2015 года контроль над городом и окрестностями взяли криминальные и полукриминальные бандформирования. Правительство Сараджа, не имевшее собственных вооруженных сил, оказалось у них в заложниках и превратилось, вследствие этой ситуации, не в третейского судью, но в выразителя интересов новых элит Триполитании. Позже процесс криминализации распространился на другие части страны. Особенно этому способствовала проблема беженцев и необходимость вооруженного контроля их лагерей (торговля бесправными мигрантами, сдача их в аренду фермерам и местным предпринимателям стала одной из статей дохода боевиков) [26]. В этих условиях международное сообщество все плотнее втягивалось в решение ливийского вопроса.

Перед тем, как рассмотреть участие международных игроков, отметим, что их воздействие на жизнь страны во все времена было решающим. Идрис I, напрямую зависимый от военной и финансовой помощи, вынужден был иметь тесные союзнические связи со странами Запада (особенно Великобританией). При Джамахирии внешний и внутренний курс строился как антитеза западной колониальной политике, без особых различий между США и СССР («Я не вижу разницы между Киссинджером и Косыгиным. Для меня они оба враги», - говорил «полковник» [2, с. 37]. Каддафи вел крайне активную внешнюю политику в разных регионах мира от Африки до Европы, поддерживая националистические и левые экстремистские структуры [2, с. 114]. Это отзывалось в повседневной жизни ливийцев сокращением социальных расходов, дефицитом и санкционным давлением. «Революция» 2011 г. также не была возможна без активной поддержки извне. Для свержения Каддафи объединились европейские страны и ведущие арабские монархии – Катар и Саудовская Аравия. Роль США в военной операции была, скорее, символической. Американские войска участвовали лишь в первом этапе вторжения под кодовым названием «Odyssey Dawn». Дальнейшая кампания «Unified Protector» осуществлялась силами ЕС [14, с. 387-388].

Нынешний пул международных участников обширен и представлен ведущими региональными и глобальными державами. Каждый игрок отстаивает свои интересы, поддерживая либо Восток, либо Запад. До 2019 года очевидным казалось преимущество ПП и ЛНА. Однако после активного включения в

конфликт Турции в противостоянии наметился статус-кво. До 2020 г. на стороне Киренаики и Х. Хафтара, выступали ОАЭ, Египет, Франция, Россия, Саудовская Аравия и Судан. Триполитанию и ПНЕ поддерживали Катар и Турция.

Как полагают наблюдатели, ОАЭ, Египет и Саудовская Аравия видели в ЛНА и ПП силу, способную нанести решительный удар по исламистам и ограничить их влияние. Радикальная религиозная оппозиция до сих пор представляет угрозу правящим домам Персидского залива, хотя последние прежде вложили в них немало средств. Абу-Даби и Каир боятся эскалации внутренней напряженности, а Эр-Рияд – дальнейшей дестабилизации соседнего Йемена [17].

Франция, хотя и выступает за мирное урегулирование конфликта, неоднократно уличалась в прямой поддержке ЛНА. Ф. Сардаж несколько раз делал по этому поводу официальные заявления [17]. Париж, будучи одним из инициаторов кампании по свержению Каддафи, желал таким образом переделывать ливийский рынок нефти, и до сих пор не оставляет попыток стать здесь доминирующей силой.

Что касается США, то они, как и их региональные союзники в лице ОАЭ, Египта и Саудовской Аравии, поддерживали Киренаику по чисто политическим соображениям: из-за необходимости бороться против ИГИЛ и иных исламских радикалов. Примат экономической детерминированности американского участия вызывает сомнения. Объемы производимой Ливией нефти слишком малы для американцев. Кроме того, с начала 2010-х гг., Вашингтон кардинально пересмотрел свою энергетическую стратегию, существенно ограничив импорт и нарастив собственное производство углеводородов [26].

Россия, не имея устойчивых экономических интересов в Магрибе, отстаивает международный статус и зарабатывает долгосрочный политический капитал.

Мотивация союзников Триполи разнонаправленна. Катар активно оппонировал Саудовской Аравии с 1995 г., когда эмир Хамад аль-Тани сверг своего лояльного саудовскому королевскому дому отца Халифу. С тех пор Эр-Рияд поддержал несколько попыток госпереворота в эмирате (клана Аль-Гарн и племени аль-мурра) [16; 22, р. 401-420]. Доха стремилась максимально обезопаситься от нападков конкурента, снижая его региональное влияние. Результатом стало расширение противостояния монархий, границы которого прошли по всем без исключения болевым точкам «Арабской весны»: Египту, Тунису, Сирии. В Ливии Катар и Саудовская Аравия сначала

поддерживали оппозицию, а в посткаддафистский период разошлись по разные стороны баррикад. Факт поддержки Саудами ПП и ЛНА автоматически подтолкнул семейство Аль-Тани принять сторону Триполи. При этом Доха проводит в регионе свои интересы в основном невоенными средствами – финансовой, дипломатической и информационной поддержкой оппозиции. Одним из таких инструментов Катар видит религиозных радикалов, которых опасаются Абу-Даби и Каир (например, организация «Братья-мусульмане» находится под частичным контролем Катара; ныне покойный духовный отец движения шейх Юсуф аль-Кардави имел резиденцию в Дохе [10]).

Другим ключевым участником ливийского урегулирования с 2019 г. стала Турция. Анкара поддержала Триполи в критический момент, когда войска Хафтра вплотную приблизились к столице. ЛНА оказалась не готова к использованию против нее ударных беспилотников и барражирующих боеприпасов. В результате восточные отряды, потерпев поражение под Тархуной и Бани-Валидом, вынуждены были вступить в переговоры с триполитанцами.

Роль Турции в ливийском конфликте обуславливается двумя факторами. Во-первых, Анкара видит здесь прямую выгоду. Она получила в ливийских территориальных водах зону исключительных экономических интересов и контроль над рядом морских месторождений. Военное присутствие в Западном Средиземноморье также позволило частично заблокировать реализацию экономических соглашений, заключенных Израилем, Грецией, Египтом и Южным Кипром без согласия правительства Эрдогана [1]. Во-вторых, турецкий лидер, уделяя повышенное внимание внешней политике, в том числе за счет активности на североафриканском векторе, смог набрать дополнительные очки перед выборами. Это стало одним из слагаемых его успеха в парламентской и президентской гонках 2023 г.

Поражение ЛНА и очевидная неспособность Х. Хафтра что-либо противопоставить военно-финансовой мощи союзников Триполитании повлекло изменение расклада сил на внутреннем и внешнем контурах ливийской политики. В конце 2020 г. под эгидой мирового сообщества стороны попытались достичь мирного соглашения. ПНЕ Сараджа и правительство Ат-Тани самораспустились.

Их сменил новый кабинет национального единства, который возглавил доселе ничем не примечательный политик и предприниматель Абдель-Хамид Дбейба. Про нового премьера было известно, что он, якобы, один из богатейших людей страны, активно работал в девелоперском бизнесе и основал

не особо авторитетную партию «Аль-Мустакбаль». Международная пресса сообщала, что Дбейба один из спонсоров вооруженных отрядов Мисураты, поскольку сам происходил из этого региона [27].

На новое правительство возлагалась задача подготовки и проведения общенациональных выборов, запланированных сначала на конец 2021 года, а позже отодвинутых на неопределённый срок. Как и кабинет Ф. Сараджа, новый состав ПНЕ с задачей не только не справился, но и начал ее напрямую бойкотировать.

Представляться, что виной этому все те же центробежные процессы, которые поставили крест на всех предыдущих миротворческих проектах. Ливийское общество продолжает атомизироваться. На региональную и национальную политическую сцену выходят новые игроки, а позиции внешних акторов становятся все более непримиримыми (с учетом событий в Восточной Европе). В этих обстоятельствах выработать общую для всех переговорную платформу невозможно.

Через некоторое время политическое затишье сменилось новым витком насилия. Восточные элиты отказались подчиняться правительству Дбейбы, небезосновательно обвинив его во властных амбициях и нежелании проводить выборы. В мае 2022 года Палата представителей во главе Агиллой Салехом поддержала альтернативный кабинет бывшего министра внутренних дел ПНЕ Фатхи Башаги [19]. Вскоре после этого Ф. Башага предпринял попытку вооруженного переворота, вторгнувшись во главе своих отрядов в Триполи [19].

Ф. Башага, так же, как и Дбейба, выходец из региона Мисураты. То есть налицо еще один раскол, но уже внутри элиты, до недавнего времени выступавшей единым фронтом и бывшей главной опорой западноливийских политиков. На этом фоне активизировался ушедший после военного поражения 2019 г. в тень Х. Хафтар. Его ЛНА вступила в союзнические отношения с Ф. Башагой [18]. ПНЕ Дбейбы и коалиция Башага – Хафтар сегодня являются наиболее активными силами в Ливии. Между ними полный силовой паритет, а это, как и в ситуации 2019-2020 гг., чревато очередным тупиком.

Определённые надежды на продвижение мирного процесса дает изменение международной обстановки. В частности, Египет выступил в качестве посредника в разрешении конфликта между Дбейбой и Башагой. Переговоры в Каире завершились хрупким перемирием, поддержанным Турцией. Значительно теплеют отношения Саудовской Аравии и Катара: страны возобно-

вили разорванные в 2017 году дипломатические отношения, а аравийские войска эвакуировали катарцев из Судана [15].

Однако, не стоит забывать, что, хотя региональные игроки и готовы к сближению, позиции игроков глобальных все больше расходятся. В нынешних условиях сложно представить, что Москва и Вашингтон, или Москва и Брюссель выступают единым фронтом. Глобальная энтропия так или иначе будет отражаться на ситуации в давно утратившей политическую субъектность Ливии. В долгосрочной перспективе сказанное означает, что страна далека от полноценного переговорного процесса. Непримиримые противоречия внутренних и внешних сил способны похоронить любую мирную инициативу. При этом надо понимать, что узел конфликтов сформировался отнюдь не в 2011 г. Как государство искусственное, Ливия была обречена существовать в режиме внутреннего противостояния, а международное участие лишь способствовало его всемерному углублению.

Литература

1. Асальюглу А. Меморандум о сотрудничестве Турции с Ливией и накал страстей в Восточном Средиземноморье // Российский совет по международным делам (НП РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/memorandum-o-sotrudnichestve-turtsii-s-liviei-i-nakal-strastey-v-vostochnom-sredizemnomore/> (дата обращения 21.07.2023).
2. Бартенев В.И. Ливийская проблема в международных отношениях (1969–2008). Москва: URSS/ЛЕНАНД, 2009. 448 с.
3. Беккин Р.И. Мусульманское право как отражение специфики политико-правовой культуры мусульманского мира // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. С. 99-120.
4. Васильев А.М. История Саудовской Аравии. Москва: Наука, 1982. 612 с.
5. Видясова М.Ф. Ливия. Куда идет страна 140 племен? Москва: Садра, 2023. 208 с.
6. Выборы в Ливии могут пройти в начале 2024 года // ТАСС. 2023. 23 мая. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17825421> (дата обращения 21.07.2023).
7. Егорин А.З., Миронова Г. В. Сенуситы в истории Ливии (1843–1969 гг.). Москва: Институт востоковедения РАН, 2006. 432 с.
8. Егорин А. З. Муаммар Каддафи. Москва: Институт востоковедения РАН, 2009. 464 с.
9. Jawhar J. Libya: Haftar Forces Deny Extremists Fled to Derna // Asharq Al-Awsat. 2017. 31 Dec. URL: <https://aawsat.com/english/home/article/1128866/libya-haftar-forces-deny-extremists-fled-derna> (accessed 21.07.2023).
10. Кассем Х. О, Аллах, заberi врагов ислама: мусульмане прощаются с Юсуфом аль-Кардави // Информационный портал NEWS.ru. 2022. 29 сент. URL: <https://news.ru/near-east/o-allah-zaberi-vragov-islama-musulmane-proshayutsya-s-yusufom-al-kardavi/> (дата обращения 21.07.2023).

11. Ал-Каддафи М. Ал-Китаб Ал-Ахдар. URL: https://www.marefa.org/w/images/a/a9/مَعْمَر_الْقذافي_كتاب_الأخضر.pdf (accessed 21.07.2023).
12. Ливия // ТАСС. Энциклопедия. URL: <https://tass.ru/encyclopedia/country/Л/liviya?ysclid=ljy8pzdcum581911255#statistics> (дата обращения 21.07.2023).
13. Мусин М., Эль-Мюрид А. Сирия, Ливия. Далее Россия! что будет завтра с нами. Москва: Книжный мир, 2014. 256 с.
14. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. Москва: Российская газета, 2012. 414 с.
15. Саудовская Аравия эвакуировала 157 человек из Судана // ТАСС. 2023. 22 апр. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17586069?ysclid=lk9sn1a0uc260960915> (дата обращения 21.07.2023).
16. Сенченко И.П. Государство Катар. Отражение во времени. СПб.: Алетейя, 2020. 420 с.
17. Allahoum R. Libya's war: Who is supporting whom // Al Jazeera. 2020. 9 Jan. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/1/9/libyas-war-who-is-supporting-whom> (accessed 21.07.2023).
18. Hamdi S. Fresh Tripoli clashes underscore Libya's political volatility // Al Jazeera. 2022. 18 May. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/5/18/libyas-fresh-clashes-underscore-countrys-volatility> (accessed 21.07.2023).
19. Hamdi S. Libya misses out on oil price boom as political divide continues // Al Jazeera. 2022. 26 Apr. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/4/26/libya-misses-out-oil-price-boom-political-divide-continues> (accessed 21.07.2023).
20. Ghanmi M. Libya: Bodyguard of Egyptian terrorist Ashmawy apprehended in Derna // Al Arabiya. 2018. 10 Oct. (URL: <https://english.alarabiya.net/en/News/north-africa/2018/10/10/Libya-Bodyguard-of-Egyptian-terrorist-Ashmawy-apprehended-in-Derna.html>) (accessed: 21.07.2023).
21. Libya militias rake in millions in European migration funds: AP. Al Jazeera. 2022. 31 Dec. URL: https://www.aljazeera.com/news/2019/12/libya-militias-rake-millions-european-migration-funds-ap-191231134806918.html?utm_source=website&utm_medium=article_page&utm_campaign=read_more_links (accessed 21.07.2023).
22. Kamrava M. Royal factionalism and political liberalization in Qatar // The Middle East Journal. 2009. Vol. 63. №3. P. 401–420.
23. OPEC launches its 2020 Annual Statistical Bulletin // OPEC. 2020. 13 Jul. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/6045.htm (accessed 21.07.2023).
24. Political-economic reform, Jamahiriya-style q: a) Tripoli 199, b) Tripoli 227 Tripoli 00000402 001.2 of 003 // The Telegraph. Passed WikiLeaks. 2011. 31 Jan. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/wikileaks-files/libya-wikileaks/8294816/POLITICAL-ECONOMIC-REFORM-JAMAHIRIYA-STYLE-Q-A-TRIPOLI-199-B-TRIPOLI-227-TRIPOLI-00000402-001.2-OF-003.html>.
25. Protesters stop output at Libya's El Sharara oilfield // Al Arabiya. 2018. 8 Dec. URL: <https://english.alarabiya.net/en/business/energy/2018/12/08/Protesters-stop-output-at-Libya-s-El-Sharara-oilfield-.html> (accessed 21.07.2023).
26. U.S. Imports by Country of Origin // The U.S. Energy Information Administration (EIA) https://www.eia.gov/dnav/pet/pet_move_impcus_a2_nus_ep00_im0_mbbldpd_a.htm (accessed 21.07.2023).

27. Western powers urge Libya to set new election date 'swiftly' // Al Jazeera. 2021. 24 Dec. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/12/24/western-powers-libya-new-date-presidential-election> (accessed 21.07.2023).

28. WVS Cultural Map: 2023 Version Released // The World Values Survey (WVS). 2023. 17 Feb. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSNewsShow.jsp?ID=467> (accessed 21.07.2023).

References

1. Asalyoglu A. Memorandum o sotrudnichestve Turtsii s Liviei i nakal strastei v Vostochnom Sredizemnomor'e // Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (NP RSMD). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/memorandum-o-sotrudnichestve-turtsii-s-liviey-i-nakal-strastey-v-vostochnom-sredizemnomore/> (data obrashcheniya 21.07.2023).

2. Bartenev V.I. Liviiskaya problema v mezhdunarodnykh otnosheniyakh (1969–2008). Moskva: URSS/LENAND, 2009. 448 s.

3. Bekkin R.I. Musul'manskoe pravo kak otrazhenie spetsifiki politiko-pravovoi kul'tury musul'manskogo mira // Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka / Pod red. prof. A.D. Voskresenskogo. Moskva: ACT: Vostok-Zapad, 2007.

4. Vasil'ev A.M. Istoriya Saudovskoi Aravii. Moskva: Nauka, 1982. 612 s.

5. Vidyasova M.F. Liviya. Kuda idet strana 140 plemen? Moskva: Sadra, 2023. 208 s.

6. Vybory v Livii mogut proiti v nachale 2024 goda // TASS. 2023. 23 maya. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17825421> (data obrashcheniya 21.07.2023)

7. Egorin A.Z., Mironova G. V. Senusity v istorii Livii (1843–1969 gg.). Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, 2006. 432 s.

8. Egorin A.Z. Muammar Kaddafi. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, 2009. 464 s.

9. Jawhar J. Libya: Haftar Forces Deny Extremists Fled to Derna // Asharq Al-Awsat. 2017. 31 Dec. URL: <https://aawsat.com/english/home/article/1128866/libya-haftar-forces-deny-extremists-fled-derna> (accessed 21.07.2023).

10. Kassem Kh. O, Allah, zaberi vragov islama: musul'mane proshchayutsya s Yusufom al'-Kardavi // Informatsionnyi portal NEWS.ru. 2022. 29 sent. URL: <https://news.ru/near-east/o-allah-zaberi-vragov-islama-musulmane-proshchayutsya-s-yusufom-al-kardavi/> (data obrashcheniya 21.07.2023).

11. Al-Kaddafi M. Al-Kitab Al-Akhdar. URL: https://www.marefa.org/w/images/a/a9/الأخضر_الكتاب_إلى_معمار_القذافي.pdf (accessed 21.07.2023).

12. Liviya // TASS. Entsiklopediya. URL: <https://tass.ru/encyclopedia/country/L/liviya?ysclid=ljy8pzdum581911255#statistics> (data obrashcheniya 21.07.2023).

13. Musin M., El'-Myurid A. Siriya, Liviya. Dalee Rossiya! chto budet zavtra s nami. Moskva: Knizhnyi mir, 2014. 256 s.

14. Primakov E.M. Konfidentsial'no: Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami. Moskva: Rossiiskaya gazeta, 2012. 414 s.

15. Saudovskaya Araviya evakuirovala 157 chelovek iz Sudana // TASS. 2023. 22 apr. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17586069?ysclid=lk9sn1a0yc260960915> (data obrashcheniya 21.07.2023).

16. Senchenko I.P. Gosudarstvo Katar. Otrazhenie vo vremeni. SPb.: Aleteiya, 2020. 420 s.

17. Allahoum R. Libya's war: Who is supporting whom // Al Jazeera. 2020. 9 Jan. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/1/9/libyas-war-who-is-supporting-whom> (accessed 21.07.2023).
18. Hamdi S. Fresh Tripoli clashes underscore Libya's political volatility // Al Jazeera. 2022. 18 May. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/5/18/libyas-fresh-clashes-underscore-countrys-volatility> (accessed 21.07.2023).
19. Hamdi S. Libya misses out on oil price boom as political divide continues // Al Jazeera. 2022. 26 Apr. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/4/26/libya-misses-out-oil-price-boom-political-divide-continues> (accessed 21.07.2023).
20. Ghanmi M. Libya: Bodyguard of Egyptian terrorist Ashmawy apprehended in Derna // Al Arabiya. 2018. 10 Oct. (URL: <https://english.alarabiya.net/en/News/north-africa/2018/10/10/Libya-Bodyguard-of-Egyptian-terrorist-Ashmawy-apprehended-in-Derna.html>) (accessed: 21.07.2023).
21. Libya militias rake in millions in European migration funds: AP. Al Jazeera. 2022. 31 Dec. URL: https://www.aljazeera.com/news/2019/12/libya-militias-rake-millions-european-migration-funds-ap-191231134806918.html?utm_source=website&utm_medium=article_page&utm_campaign=read_more_links (accessed 21.07.2023).
22. Kamrava M. Royal factionalism and political liberalization in Qatar // The Middle East Journal. 2009. Vol. 63. №3. P. 401–420.
23. OPEC launches its 2020 Annual Statistical Bulletin // OPEC. 2020. 13 Jul. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/6045.htm (accessed 21.07.2023).
24. Political-economic reform, Jamahiriya-style q: a) Tripoli 199, b) Tripoli 227 Tripoli 00000402 001.2 of 003 // The Telegraph. Passed WikiLeaks. 2011. 31 Jan. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/wikileaks-files/libya-wikileaks/8294816/POLITICAL-ECONOMIC-REFORM-JAMAHIRIYA-STYLE-Q-A-TRIPOLI-199-B-TRIPOLI-227-TRIPOLI-00000402-001.2-OF-003.html>.
25. Protesters stop output at Libya's El Sharara oilfield // Al Arabiya. 2018. 8 Dec. URL: <https://english.alarabiya.net/en/business/energy/2018/12/08/Protesters-stop-output-at-Libya-s-El-Sharara-oilfield-.html> (accessed 21.07.2023).
26. U.S. Imports by Country of Origin // The U.S. Energy Information Administration (EIA) https://www.eia.gov/dnav/pet/pet_move_impcus_a2_nus_ep00_im0_mbbldpd_a.htm (accessed 21.07.2023).
27. Western powers urge Libya to set new election date 'swiftly' // Al Jazeera. 2021. 24 Dec. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/12/24/western-powers-libya-new-date-presidential-election> (accessed 21.07.2023).
28. WVS Cultural Map: 2023 Version Released // The World Values Survey (WVS). 2023. 17 Feb. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSNewsShow.jsp?ID=467> (accessed 21.07.2023).

**А.А. Власова,
Г.Л. Шаматонова**

**A. Vlasova,
G. Shamatonova**

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ
ЦИФРОВИЗАЦИИ
НЕПРЕРЫВНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ КАК
ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА**

**STATE POLICY
IN THE FIELD OF
DIGITALIZATION OF
LIFELONG LEARNING
EDUCATION AS A FACTOR
OF SUSTAINABLE
ECONOMIC DEVELOPMENT
OF RUSSIAN SOCIETY**

Аннотация

Современные общества, в том числе российское, сталкиваются со множеством вызовов, связанных с экспоненциальным ростом технологий и интеллектуализацией экономики. Наиболее сложные задачи инновационная экономика ставит перед государственной политикой в сфере развития человеческих ресурсов и подготовки высококвалифицированных кадров. Ответом на проблемы рынка труда в условиях четвертой промышленной революции становится непрерывное образование, обеспечивающее устойчивое развитие экономики и выступающее в качестве конкурентного преимущества как отдельного индивида, так и целых компаний, и государств в глобальной рыночной среде.

Инструментом вовлечения все большего количества экономически активного населения в обучение и переобучение в соответствие с потребностями нового технологического уклада, на наш взгляд, должна стать цифровизация образования. Цифровая трансформация образования в этом контексте может быть описана как инструмент своевременного предоставления актуальных знаний и навыков работникам по запросу и точно в срок без отрыва от производства, обеспечивающий адаптивность и гибкость их компетенций и по-

Abstract

Modern societies, including the Russian one, face many challenges related to the exponential growth of technology and the intellectualization of the economy. The innovative economy poses the most difficult tasks to the state policy in the field of human resource development and training of highly qualified personnel. The answer to the problems of the labor market in the context of the fourth industrial revolution is continuing education, which ensures sustainable economic development and acts as a competitive advantage for both an individual and entire companies and states in a global market environment.

In our opinion, digitalization of education should become a tool for involving an increasing number of economically active people in education and retraining in accordance with the needs of the new technological order. In this context, the digital transformation of education can be described as a tool for timely provision of relevant knowledge and skills to employees on request and on time on-the-job, ensuring adaptability and flexibility of their competencies and constant compliance of employees' qualifications with dynamically changing labor market requirements. The experience of implementing a multi-level personnel training

стоянное соответствие квалификации работников динамично изменяющимся требованиям рынка труда. Опыт реализации в России многоуровневой системы подготовки кадров, а также национального проекта «Демография» и подпроекта «Содействие занятости» демонстрирует эффективность вовлечения различных категорий населения в дополнительное образование, программы повышения квалификации и переподготовки, в том числе с помощью цифровизации обучения и развития дистанционных образовательных технологий. Государственная политика России в области цифровизации непрерывного образования, таким образом, должна занять важное место в системе развития человеческих ресурсов для инновационной экономики.

Ключевые слова:

непрерывное образование, цифровизация, политика, экономическое развитие, дистанционные образовательные технологии, рынок труда.

system in Russia, as well as the national Demography project and the Employment Promotion subproject, demonstrates the effectiveness of involving various categories of the population in additional education, advanced training and retraining programs, including through the digitalization of education and the development of distance education technologies. Russia's state policy in the field of digitalization of continuing education, therefore, should take an important place in the system of human resource development for an innovative economy.

Key words:

lifelong learning, digitalization, politics, economic development, distance learning technologies, labor market.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-183-194>

В работе сформулированы основные направления государственной политики в области цифровизации непрерывного образования как фактора устойчивого экономического развития российского общества в условиях новых демографических и технологических вызовов.

Глобальные изменения современных социальных, экономических и политических систем, связанные, в первую очередь, с развитием технологий, принято описывать через такие понятия как информационное [1], постиндустриальное [10; 14] или постмодернистское общество [2; 11], общество знаний [6], четвертая промышленная революция [13].

Вне зависимости от концепций и подходов исследователи сходятся во мнении, что экспоненциальный рост технологий приводит к тектоническим сдвигам во всех общественных подсистемах, формируя принципиально иные отношения, структуры и процессы в обществе и затрагивая функционирование всех общественных институтов и субъектов. Новый этап развития общества характеризуется наличием рабочих мест, требующих специальных сложных компетенций и навыков для удовлетворения потребностей глобального рынка [8]. Интеллектуализация экономики приводит к тому, что информация

и интеллект, основанный на знании, (термин Дж. Куинна) рассматриваются как дополнительный вклад в труд и капитал, а основным ресурсом устойчивого экономического развития становится человеческий капитал, включающий в себя знания и способность создавать экономическую ценность [7]. Согласно исследованиям Всемирного банка, до 70% в доле национального богатства развитых стран занимает именно человеческий капитал [8].

Наиболее сложные и значимые вызовы новые технологии предъявляют рынку труда, заставляя государство заново пересматривать как политику регулирования занятости, так и обращать все большее внимание на качество человеческих ресурсов, приобретающих ключевое значение в экономике знаний. Российский рынок труда при низком уровне безработицы (менее 3%) демонстрирует практически уникальную ситуацию дефицита кадров - 50% российских компаний заявляют о нехватке квалифицированных кадров, среднегодовая дополнительная потребность в работниках с высокотехнологичными компетенциями в среднем по регионам России в 4 раза количество выпускников соответствующих специальностей. По данным Росстата, к 2030 году экономика России потребует 73,6 млн квалифицированных специалистов, способных работать в условиях технологического суверенитета.

В ответ на новые вызовы руководством страны сформулирована цель кардинального изменения экономической модели развития Российской Федерации и перехода страны от экспортно-сырьевой к инновационной экономике, основанной на использовании знаний как ключевого конкурентного преимущества на глобальном рынке, что невозможно без соответствующих институциональных изменений, и, особенно, в развитии человеческих ресурсов, в первую очередь через обучение.

Одним из значимых направлений государственной политики в условиях описанных выше конфигурационных изменений экономической системы должна стать политика в области образования и воспроизводства кадров, а формирование целостной системы развития человеческих ресурсов для устойчивого технологического развития - важнейшим инструментом достижения стратегических целей внутренней политики в России.

Ключевые линии функционирования системы образования в России регулируется нормами Основного закона страны, где определено, что государство определяет содержание обучения путем принятия «государственных образовательных стандартов», Федерального закона от 29 декабря 2012 года №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об

образовании), и подзаконными актами. В 2020-2023 гг. внесены значимые изменения в законодательство Российской Федерации в сфере образования. В Российской Федерации действуют универсальные федеральные образовательные программы, что позволяет формировать единое образовательное пространство как в территориальном, так и в социальном измерении. Деятельность Правительства Российской Федерации в сфере образования осуществляется в соответствии с решениями и поручениями Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, положениями законодательства об образовании, а также с учетом установленных Федеральным законом от 28 июня 2014 года №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» законодательных основ стратегического планирования в Российской Федерации.

В целом, рассматривая государственную образовательную политику как «комплекс мер, предпринимаемых государством, его органами, а также другими социальными и политическими институтами по созданию, развитию и совершенствованию национальной системы образования» [5, с. 3], можно сформулировать тезис, что она является ключевым фактором устойчивого экономического развития современного российского общества.

Потребность вложить новые смыслы в образовательную политику российского государства также связана с последствиями технологического скачка в развитии экономики. Экспоненциальная скорость развития технологий приводит к такому же быстрому устареванию знаний, что делает невозможным применение традиционной линейной и конечной системы подготовки кадров «одна профессия на всю жизнь». Постоянно увеличивающийся со временем разрыв между технологичными требованиями рынка труда и качеством и количеством знаний выпускников образовательных учреждений на момент их окончания объективно приводит к обоснованию необходимости непрерывного обучения и переобучения на протяжении всей жизни (lifelong learning).

В условиях динамичного развития науки и технологий непрерывное образование становится ключевой точкой, в которой пересекаются экономическая и социальная политика, интересы государства в области устойчивого развития и требования динамично меняющегося рынка труда, запросы работодателей и потребности каждого работника.

Еще одним вызовом для государственной политики в области образования в России и объективным условием реализации политики непрерывного образования стал демографический кризис, связанный со старением насе-

ния, что приводит к снижению доли молодых специалистов на рынке труда. «К 2030 г. доля тех, кому меньше 40 лет, в численности рабочей силы сократится до 37,4% (с 42% в 2019 году). Рабочая сила активно стареет в связи с вступлением в трудоспособный возраст малочисленного поколения 1990-х и 2000-х гг., старшие же поколения работников продолжают трудиться в связи с повышением пенсионного возраста» [4].

Старение населения является общей тенденцией почти для всех развитых стран, в том числе и для России. Одним из важных следствий старения нации и уменьшения доли физического, рутинного и низкоквалифицированного труда в экономике является увеличение продолжительности трудовой деятельности каждого отдельно взятого работника, что налагает на него и на государство необходимость постоянного соответствия имеющихся компетенций изменениям в технологиях производства. Другими словами, человек на рынке труда XXI века принципиально отличается от работника XIX или даже XX века – не столько по количеству или качеству знаний, умений и навыков, требуемых на рабочем месте, сколько в скорости изменений содержания трудовых функций в течение своей карьеры.

Концепция непрерывного образования становится стандартом образовательной политики государства во всем мире. Оно объединяет все типы обучения, то есть неформальное, неформальное и формальное, с целью адаптации компетенций (знаний, навыков и отношения) к требованиям экономики знаний. Таким образом, непрерывное образование готовит людей к решению проблем, возникающих в результате развития науки и технологий.

Значимость непрерывного образования связана с охватом всех субъектов общественных отношений: оно позволяет экономически активному населению адаптироваться к новым условиям и требованиям рынка труда через освоение технологий и методов работы, повышает их конкурентоспособность на рынке труда; для работодателей непрерывное образование позволяет сохранять высокий уровень эффективности труда и обеспечивать квалифицированными кадрами постоянно усложняющиеся технологические производственные процессы; для государства непрерывное образование дает возможность косвенно влиять на рынок труда, регулировать уровень структурной безработицы, а также наращивать человеческий капитал страны. В современных условиях непрерывное образование перестает быть прерогативой исключительно классических образовательных институтов, таких как школа и университеты, теперь она включает в себя и неинституционализи-

рованные формы – самообразование, саморазвитие и накопление опыта практической деятельности, создавая новый подход к обучению экономически активного населения (хьютагогика).

Непрерывное образование является конкурентным преимуществом работника, обеспечивая его адаптивность к рынку труда и развития человеческого потенциала в рамках всего общества.

Российское образование имеет богатый опыт в создании формальной многоуровневой системы подготовки кадров и обеспечения преемственности между различными звеньями образования.

В докладе Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования отмечено, что «для поддержания конкурентоспособности рабочей силы требуется постоянная актуализация ее компетенций, т.е. систематическое участие в непрерывном образовании». Согласно данному документу «по дополнительным профессиональным программам обучались 8,2 млн человек, из них по программам повышения квалификации – 7,4 млн человек (90,6%), по программам профессиональной переподготовки – 0,8 млн человек (9,4%). Образовательную деятельность по дополнительному профессиональному образованию осуществляли 6 206 организаций. Наиболее востребованными видами дополнительного профессионального обучения являются дополнительное профессиональное образование и профессиональное обучение.

Инструментом вовлечения все большего количества взрослых в обучение и переобучение в соответствии с потребностями нового технологического уклада, на наш взгляд, должна стать цифровизация образования. В современном информационном обществе, где технологии постоянно меняются и развиваются, а знания устаревают, цифровизация становится важным инструментом для обеспечения качественного и доступного образования для всех граждан.

Одним из основных преимуществ цифровизации непрерывного образования является обеспечение доступности образования, причем как формального, так и неформального, самостоятельного, что особенно важно для людей, которые уже находятся на рынке труда и вынуждены обновлять знания «без отрыва от производства», получать актуальные компетенции по запросу (on-demand) и в срок (in-time education).

Другим важным аспектом цифровизации непрерывного образования является индивидуализация обучения. Цифровые технологии позволяют создавать персонализированные образовательные программы, адаптированные к индивидуальным потребностям и способностям каждого обучающегося, что особенно актуально для обучения взрослых, которым нужны конкретные компетенции в определенной области для повышения производительности труда.

«При формировании основных направлений развития системы дополнительного профессионального образования необходимо учесть, что среди различных видов непрерывного профессионального образования лидирующую позицию занимает самообразование (среди разнообразных форм обучения на его долю приходится около 27%» [3, с. 14].

Как отмечает И.Л. Рудая «в странах Европейского Союза средний показатель участия населения в самообразовании составляет 44,7% (в Швеции – 76,0%, в Австрии – 75,7%, в Норвегии – 72,3%, во Франции – 63,8%, в Латвии – 53,9%). Обучение с использованием компьютера, включая Интернет-обучение в рамках самообразования, составляет в России 7,9%; в странах ЕС в среднем – 25,7%; в Швеции – 54,9%; в Австрии – 43,1%; в Норвегии – 47,5%; во Франции – 42,1%; в Латвии – 28,3%» [9, с. 5].

Государственная политика России в области цифровизации непрерывного образования, таким образом, должна занять важное место в системе развития человеческих ресурсов для инновационной экономики.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2021 г. №3759-р утверждено «Стратегическое направление в области цифровой трансформации науки и высшего образования», целью которого является формирование «цифровой зрелости» университетов.

Одной из основных целей государственной политики в области цифрового непрерывного образования является создание современных образовательных платформ и инфраструктуры, которые позволят гражданам получать образование в любое время и в любом месте. Это включает в себя разработку онлайн-курсов, образовательных приложений и платформ, а также содействие внедрению новых технологий, таких как виртуальная и дополненная реальность, искусственный интеллект и блокчейн, в образовательный процесс.

С 2021 года в России реализуется проект «Содействие занятости» в рамках национального проекта «Демография». Основной целью проекта яв-

ляется содействие занятости отдельных категорий граждан путем организации дополнительного профессионального образования. В результате обучения формируются новые или актуализируются имеющиеся компетенции и навыки, что повышает их позиции на рынке труда.

Проект осуществляется в соответствии с Положением о реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан на период до 2024 года, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 мая 2021 г. №800 «О реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан на период до 2024 года», с использованием Единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России».

Отбор образовательных программ осуществляется с учетом потребностей регионального рынка труда, в каждом субъекте Российской Федерации он индивидуален, что способствует трудоустройству граждан в своем регионе.

Федеральные операторы проводят предварительный квалификационный отбор организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в субъектах Российской Федерации для реализации образовательных программ.

При организации отбора учитываются материально-технические и кадровые условия, имеющиеся в организации, осуществляющей образовательную деятельность, для реализации образовательных программ, а также наличие опыта реализации аналогичных программ, в том числе с использованием дистанционных образовательных технологий.

По итогам отбора федеральные операторы утверждают перечни организаций, осуществляющих образовательную деятельность, взаимовязанные с образовательными программами в субъектах Российской Федерации.

Неотъемлемым условием проекта является мониторинг востребованности программ и запрос рынка труда – при необходимости перечень реализуемых программ корректируется.

Важным аспектом государственной политики в области непрерывного образования является также содействие цифровой трансформации образовательных учреждений. Правительство Российской Федерации поддерживает модернизацию учебных программ, обновление учебников и учебных материалов с учетом цифровых технологий, а также повышение квалификации педагогических кадров в области цифрового образования. Цель состоит в том,

чтобы образовательные учреждения стали инновационными центрами, где применяются современные методы обучения и использование цифровых инструментов становится неотъемлемой частью образовательного процесса.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова с 2021 года является образовательным партнером Томского государственного университета как федерального оператора проекта. За указанный период было реализовано более 15 образовательных программ в соответствии с востребованными профессиями отраслей экономики. Так, в рамках проекта прошли обучение 80 специалистов социальной сферы, для них были предложены программы повышения квалификации «Помощник по уходу» (72 ч.), «Социальная защита населения и работа с получателями социальных услуг» (72 ч.), «Организатор долговременного ухода» (72 ч.). Ярославская область привлекательный регион для туристов и дефицит кадров туристической отрасли очевиден, поэтому были разработаны программы «Проектирование туристского продукта и предоставление туристских услуг» (72 ч.) и «Экскурсовод (гид)» (144 ч.). За время реализации проекта обучение по данным программам прошли более 70 человек, желающих работать в туристической сфере как Ярославской области, так и соседних регионах РФ.

Все программы реализуются через платформу дистанционного обучения LMS Odin, для чего формируются электронные учебные курсы, полностью соответствующие образовательным программам и обеспечивающие онлайн-обучение. Обеспечивается видеозапись всех лекционных занятий (контактная работа). Процесс и все результаты обучения отражены в LMS Odin и контролируются оператором проекта (цифровой след).

Дистанционные образовательные технологии расширяют возможности для увеличения охвата аудитории, в первую очередь, за счет экономически активного населения, уже находящегося на рынке труда.

EdTech (цифровые технологии обучения), несмотря на амбивалентное восприятие в академической среде, все же является незаменимым элементом реализации концепции непрерывного образования, в частности для дополнительной профессиональной подготовки [12].

По итогам реализации проекта проводится анкетирование слушателей. В качестве приоритетных целей обучения слушатели отмечают следующие варианты: хочу воспользоваться возможностью бесплатного образования - 90% опрошенных, хочу найти работу или сменить место работы - 40%, хочу получить новые знания и повысить квалификацию в рамках своей профес-

сии - 10%, хочу открыть собственный бизнес, стать ИП – 30%. 90% опрошенных отметили полезность программы обучения для их карьеры, 100% - высокий профессионализм преподавательского состава и организации обучения. В то же время 10% опрошенных слушателей отметили, что платформа обучения для них была сложная, вероятнее всего это связано с низкой компьютерной грамотностью. 15% опрошенных отметили утверждение, что «для моего профессионального развития я постоянно учусь новому, развиваю свои навыки, ищу новые образовательные возможности».

Таким образом, университеты и другие образовательные учреждения, вовлеченные в систему непрерывного обучения, становятся ключевым элементом институциональной среды как основы инновационного развития страны и формирования экономики знаний в масштабах нации.

Государственная политика в области цифровизации непрерывного образования является одной из ключевых стратегий развития образовательной системы. Она направлена на создание инновационной цифровой среды, которая позволит учащимся и педагогам эффективно использовать современные технологии в образовательном процессе.

Одной из основных задач государственной политики в области цифровизации непрерывного образования является обеспечение доступности образования для всех слоев населения. Цифровизация позволяет преодолеть географические и социальные ограничения, предоставляя возможность получения образования в любом месте и в любое время.

Кроме того, цифровизация непрерывного образования способствует повышению качества образовательных программ и улучшению образовательных услуг. Цифровые образовательные платформы, онлайн-курсы и обучающие сервисы предоставляют слушателям доступ к актуальному учебному контенту.

Резюмируя, отметим, что государственная политика в области цифровизации непрерывного образования имеет решающее значение для развития общества, обеспечения доступности и качества образования для всех граждан и подготовки их к современной цифровой реальности. В условиях демографических изменений и устаревания знаний, непрерывное образование играет важную роль в экономическом развитии.

Государственная политика России в области цифрового непрерывного образования является драйвером развития образования и общества в целом. Она направлена на обеспечение доступа граждан к актуальным знаниям и

навыкам, развитие цифровой грамотности, поддержку инноваций и цифровую трансформацию образования. Россия активно работает над созданием современной и эффективной системы цифрового образования, которая будет способствовать экономическому развитию и повышению качества жизни граждан. Непрерывное образование является ключевой точкой сборки человеческого капитала для устойчивого развития общества будущего и его значимость будет только возрастать.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. Москва: Academia, 783 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. Москва: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
3. Бюллетень о сфере образования. 2017. №4. 28 с.
4. Демографические изменения и предложение рабочей силы в регионах России. Научный дайджест. 2022. №5(10).
5. Денисенкова Н.Н. Политика в сфере образования в США и России в начале XXI века: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2009. 28 с.
6. Друкер П. Задачи менеджера в XXI веке. Москва: Издательский дом «Вильямс», 2000. 127 с.
7. Европейская комиссия. Конференция по экономике знаний - вызовы для измерения. Люксембург: Управление официальных публикаций европейских сообществ: Евростат. 2005. С. 9-13.
8. Моисеев А.Н., Шумилова О.В. Образовательное пространство и формирование гражданской идентичности российской молодежи (исторические аспекты) // Современные проблемы науки и образования. 2014. №3. С. 758.
9. Рудая И.Л. Общие подходы к развитию непрерывного образования взрослых в Российской Федерации // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире. 2014. №5(11). С. 4-8.
10. Тоффлер Э. Третья волна, 1980. Москва: АСТ, 2010. 784 с.
11. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Спб.: А-cad, 1994. 408 с.
12. Шаматонова Г.Л., Власова А.А. Онлайн-обучение как фактор повышения компетентности социальных работников // Социальные проблемы XXI век. Ярославль, 2022. С. 219-226.
13. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва: Эксмо, 2016. 229 с.
14. Шумилов В.К. Теория и методология общественного развития // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. №3-4. С. 60-64.

References

1. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya. Moskva: Academia, 783 s.
2. Bodriyar Zh. Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury. Moskva: Respublika; Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. 269 s.
3. Byulleten' o sfere obrazovaniya. 2017. №4. 28 s.
4. Demograficheskie izmeneniya i predlozhenie rabochei sily v regionakh Rossii. Nauchnyi daidzhest. 2022. №5(10).
5. Denisenkova N.N. Politika v sfere obrazovaniya v SShA i Rossii v nachale XXI veka: sravnitel'nyi analiz: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. Moskva, 2009. 28 s.
6. Druker P. Zadachi menedzhera v XXI veke. Moskva: Izdatel'skii dom «Vil'yams», 2000. 127 s.
7. Evropeiskaya komissiya. Konferentsiya po ekonomike znaniy - vyzovy dlya izmeneniya. Lyuksemburg: Upravlenie ofitsial'nykh publikatsii evropeiskikh soobshchestv: Evrostat. 2005. S. 9-13.
8. Moiseev A.N., Shumilova O.V. Obrazovatel'noe prostranstvo i formirovaniye grazhdanskoi identichnosti rossiiskoi molodezhi (istoricheskie aspekty). Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. №3. S. 758.
9. Rudaya I.L. Obshchie podkhody k razvitiyu nepreryvnogo obrazovaniya vzroslykh v Rossiiskoi Federatsii // Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v strane i mire. 2014. №5(11). S. 4-8.
10. Toffler E. Tret'ya volna, 1980. Moskva: AST, 2010. 784 s.
11. Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. Spb.: A-cad, 1994. 408 s.
12. Shamatonova G.L., Vlasova A.A. Onlain-obuchenie kak faktor povysheniya kompetentnosti sotsial'nykh rabotnikov // Sotsial'nye problemy XXI vek. Yaroslavl', 2022. S. 219-226.
13. Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya. Moskva: Eksmo, 2016. 229 s.
14. Shumilov V.K. Teoriya i metodologiya obshchestvennogo razvitiya // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2009. №3-4. S. 60-64.

НАШИ АВТОРЫ

ВИНОГРАДОВА Ирина Маратовна – младший научный сотрудник, аспирант отдела философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия).

VINOGRADOVA Irina – PhD student of the Philosophy Department of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, junior researcher (Ekaterinburg, Russia).

[E-mail: iren121121@ya.ru](mailto:iren121121@ya.ru)

SPIN-код: 5460-4562

ORCID: 0000-0002-3305-9282

ВЛАСОВА Александра Александровна – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой социальных технологий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

VLASOVA Alexandra – PhD in political sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Technologies, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

[E-mail: fspn@bk.ru](mailto:fspn@bk.ru)

SPIN-код: 5964-6894

ORCID: 0000-0001-6335-4154

ГАМАЛЕЙ Максим Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международной политики и зарубежного регионоведения Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

GAMALEI Maxim – PhD of historical sciences, associate professor of the Department of International Politics and Foreign Regional Studies Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia).

[E-mail: gamaley-ms@ranepa.ru](mailto:gamaley-ms@ranepa.ru)

SPIN-код: 8684-0831

ORCID: 0000-0002-5156-0855

ГРЕБЕНКО Егор Дмитриевич – ассистент кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

GREBENKO Egor – Assistant of the Department of socio-political theories, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

[E-mail: grebenkoeigor76@gmail.com](mailto:grebenkoeigor76@gmail.com)

SPIN-код: 6754-3126

ORCID: 0000-0001-9978-077X

ДЕМИДЕНКО Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, декан факультета политических исследований Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

DEMIDENKO Sergey – PhD of historical sciences, Dean of the Faculty of Political Studies of the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia).

E-mail: Fidel2007@yandex.ru

SPIN-код: 4799-5751

ORCID: 0000-0002-6519-9474

КОРЯКОВЦЕВА Ольга Алексеевна – доктор политических наук, директор Института развития кадрового потенциала, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

KORYAKOVITSEVA Olga – doctor of political sciences, director of the Institute for Human Resources Development, Yaroslavl State Pedagogical University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: youth1@mail.ru

SPIN-код: 1944-3206

ORCID: 0000-0002-2169-7906

ПРОКОПЕНКО Любовь Ярославовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН (Москва, Россия).

PROKOPENKO Liubov – PhD in History, Senior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

E-mail: skole60@mail.ru

SPIN-код: 1407-4238

ORCID: 0000-0002-1121-8828

СОКОЛОВ Александр Владимирович – доктор политических наук, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

SOKOLOV Alexander – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Political Theories, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: alex8119@mail.ru

SPIN-код: 9573-5606

ORCID: 0000-0002-7325-8374

ЧИРИКОВА Алла Евгеньевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академия наук (Москва, Россия).

CHIRIKOVA Alla – Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: chirikova_a@mail.ru

SPIN-код: 6753-7431

ORCID: 0000-0002-7980-3150

ФЕДОРОВ Владислав Иванович – кандидат политических наук, ассистент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия).

FEDOROV Vladislav – PhD of Political Sciences, Assistant of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

E-mail: vladislavfedorov.t@gmail.com

SPIN-код: 4497-1934

ORCID: 0000-0002-4173-1358

ШАЕВ Юрий Михайлович – кандидат философских наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Россия).

SHAEV Yuri – PhD of Philosophy, Associate Professor, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

E-mail: existentia20065@yandex.ru

SPIN-код: 4504-7443

ORCID: 0000-0002-0374-8255

ШАМАТОНОВА Галина Леонидовна – кандидат политических наук, доцент кафедры социальных технологий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (Ярославль, Россия).

SHAMATONOVA Galina – PhD in political sciences, Associate Professor Department of Social Technologies, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: gshamatonova@mail.ru

SPIN-код: 7153-9590

ORCID: 0000-0002-4446-8276

ЩЕНИНА Ольга Геннадьевна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия).

SCHENINA Olga – PhD in political sciences, Leading Researcher of the Department for Research of Social and Political Relations Center for political science and political sociology Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: oschenina@mail.ru

SPIN-код: 9871-8259

ORCID: 0000-0003-2801-2612

ЮРЧЕНКО Инна Вадимовна – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (ФИЦ ЮНЦ РАН); профессор кафедры политологии и политического управления – базовой кафедры ФИЦ ЮНЦ РАН, Кубанский государственный университет (Ростов-на-Дону, Краснодар, Россия).

YURCHENKO Inna – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher, Federal Research Center «Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»; Professor of the Department of Political Science and Political Management - base department of the Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, (Rostov-on-Don, Krasnodar, Russia).

E-mail: ivyurchenko@mail.ru

SPIN-код: 6113-5159

ORCID: 0000-0002-4834-9338

THE CONTENTS

DIGITALIZATION OF POLITICS AND VOTING

A. Sokolov, E. Grebenko

CREATION AND DEVELOPMENT OF DIGITAL ECOSYSTEMS IN RUSSIA
AS A WAY OF COMMUNICATION BETWEEN GOVERNMENT AND CITIZENS

6

I. Yurchenko

CONFLICT AND INTEGRATION POTENTIAL OF REGIONS IN THE CONTEXT OF
EXPANDING POLITICAL SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION:
RESEARCH METHODOLOGY AND THE ROLE OF DIGITALIZATION

24

O. Schenina

TOPOLOGY OF DIGITALIZATION OF THE SPACE OF POLITICAL RELATIONS

35

I. Vinogradova

REMOTE ELECTRONIC VOTING TECHNOLOGY IN RUSSIA:
IMPLEMENTATION EXPERIENCE AND FUTURE PROSPECTS

51

V. Fedorov

THE RETURN OF INTERNET VOTING IN THE SWISS PARLIAMENTARY ELECTIONS
IN 2023

77

L. Prokopenko

IMAGE OF AFRICAN POLITICAL PARTIES IN THE ELECTORAL PROCESS
(REPUBLIC OF ZAMBIA)

93

Yu. Shaev

REPRESENTATION OF POWER AND GENDER IMAGES IN COMPUTER GAMES:
BETWEEN SUBLIMATION AND CONTEMPLATION

117

ARTICLES

A. Chirikova

CAN A GOVERNOR CHANGE THE SITUATION IN THE REGION FOR THE BETTER:
A SOCIOLOGICAL CHRONICLE

128

O. Koryakovtseva

RUSSIA OF THE XXI CENTURY: TRADITIONAL VALUES AS A FACTOR
OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT

151

S. Demidenko, M. Gamalei

INSIDE OUT: ON THE INFLUENCE OF EXTERNAL AND INTERNAL FACTORS
ON THE FORMATION OF THE LIBYAN CRISIS

165

A. Vlasova, G. Shamatonova

STATE POLICY IN THE FIELD OF DIGITALIZATION OF CONTINUING EDUCATION
AS A FACTOR OF SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIETY

183

OUR AUTHOR

195

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 28.03.2024
Дата выхода в свет 10.04.2024

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.iorn.ru

Свободная цена

© НИИ общественных и политических
наук, 2024.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdanskay st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

© Institute of Social and Political
Sciences, 2024.